

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Звягина Наталья Сергеевна

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ РИСК
В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор
Носырева Е.И.

Воронеж – 2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Общетеоретические основы процессуального риска в гражданском и арбитражном судопроизводстве	14
§ 1. Риск как общенаучная и правовая категория.....	14
§ 2. Понятие и особенности процессуального риска в цивилистическом процессе. Классификация процессуальных рисков.....	25
Глава 2. Возможности управления процессуальным риском в гражданском и арбитражном судопроизводстве	52
§ 1. Субъекты процессуального риска и совершения (несовершения) рисковых процессуальных действий.....	52
§ 2. Механизм управления процессуальными рисками. Роль суда в минимизации процессуальных рисков лиц, участвующих в деле	69
§ 3. Процессуальные риски и управление ими в отдельных видах гражданского и арбитражного судопроизводства	94
§ 4. Процессуальные риски и управление ими в проверочных инстанциях	114
Глава 3. Роль альтернативных процедур разрешения и урегулирования споров в управлении процессуальными рисками	128
§ 1. Процессуальные риски и возможности управления ими при использовании арбитража (третейского разбирательства).....	128
§ 2. Влияние примирительных процедур на степень процессуальных рисков	139
Заключение	160
Список источников	165

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

В последние годы одним из востребованных научных направлений в рамках различных отраслевых наук (философии, социологии, политологии, экономики и др.) является исследование категории риска как вероятности наступления неблагоприятных последствий. Не оставляет без внимания изучение «риска» и правовая доктрина. Особую научную и практическую ценность исследование риска приобрело в гражданском праве (риск случайной гибели имущества, риск предпринимательской деятельности, риск как ключевая категория страховых правоотношений и т.п.), ученые цивилисты писали о риске еще с дореволюционных времен, актуальным данный вопрос в цивилистике остается и сегодня.

Цивилистическое процессуальное право в отличие от смежной материальной отрасли не имеет своей истории научного исследования категории риска. Вместе с тем, можно утверждать, что в отсутствие самого термина понимание «риска» имело место и в дореволюционном и советском гражданском процессе. Обусловлено это неразрывной связью «риска» с такими принципами цивилистического процесса, как состязательность и диспозитивность. В контексте исследования данных принципов в теории всегда обращалось внимание на последствия совершения или несовершения сторонами тех или иных процессуальных действий. В современной науке гражданского и арбитражного процессуального права появились отдельные исследования, непосредственно связанные с категорией процессуального риска. Это, в первую очередь, вызвано тем, что действующее законодательство прямо закрепляет «риск» как элемент принципа состязательности. Так, согласно статье 9 Арбитражного процессуального кодекса РФ¹ (далее – АПК РФ) лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий.

---

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 года № 95-ФЗ (в ред. от 18.03.2023 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012; 2022. – № 41. – Ст. 6949. 11.

Гражданский процессуальный кодекс РФ² (далее – ГПК РФ) в настоящее время не содержит термина «риск», однако наравне с нормами арбитражного процессуального законодательства включает положения, основанные на рисковом начале, базируется на принципе диспозитивности и закрепляет принцип состязательности, сущность которого предполагает распределение рисков между сторонами.

При этом нельзя не заметить и современную тенденцию практики – суды различного уровня, как арбитражные, так и общей юрисдикции, все чаще в своих решениях оперируют категорией процессуального риска.

Таким образом, можно констатировать, что риск наступления последствий совершения или несовершения процессуальных действий сопровождает лиц, участвующих в деле, на протяжении всего процесса. В таких условиях, а также с учетом дифференцированного процессуального законодательства, недостаточной научной разработанности, практических потребностей актуальным является всестороннее изучение и осмысление специфики процессуального риска в арбитражном и гражданском судопроизводстве, выявление процессуальных возможностей по управлению им, по минимизации неблагоприятных последствий.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблема процессуального риска в гражданском и арбитражном судопроизводстве до настоящего времени не выступала объектом самостоятельного диссертационного или монографического исследования. Специально процессуальному риску посвящены только научные работы И.В. Решетниковой³ и А.В. Юдина⁴. Отдельные аспекты процессуального риска затрагиваются как в диссертационных

---

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 года № 138-ФЗ (в ред. от 18.03.2023 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; 2022. – № 41. – Ст. 6949.

³ Решетникова И.В. Теория процессуального риска // Закон. 2012. № 6. С. 117 - 122.

⁴ Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С.11 – 53.

исследованиях, к которым относится труд С.Ж. Соловых⁵, так и в ряде научных статей⁶.

Некоторые вопросы «риска», имеющие значение также для теории процессуального права, отражены в работах ученых-цивилистов В.А. Ойгензихта, А.А. Армянова, Б.Н. Мезрина, Е.О. Харитонова. Представляют интерес в целях изучения процессуального риска и труды дореволюционного ученого Д.И. Майера, советских исследователей М.М. Агаркова, Я.М. Магазинера.

Исследования дореволюционных ученых-процессуалистов Е.В. Васьковского, А.Х. Гольмстена прямо не освещают проблему процессуального риска, но имеют научную ценность в части анализа основополагающих принципов состязательности и диспозитивности, с реализацией которых связано наличие процессуальных рисков.

Таким образом, степень разработанности избранной темы в науке российского гражданского и арбитражного процессуального права предполагает возможность проведения самостоятельного исследования и формулирования положений, обладающих качествами новизны и научной обоснованности.

Цель исследования заключается в разработке целостной концепции процессуального риска в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Постановка указанной цели определяет необходимость решения комплекса взаимосвязанных **задач исследования**:

- 1) изучить общетеоретические и правовые основы «риска»;

---

⁵ Соловых С.Ж. Процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции: Дис. ... докт. юрид. наук. Саратовская государственная юридическая академия. Саратов. 2019. – 481 с.

⁶ См., например, Василькова С.В. Доктринальный и практический аспекты применения категории «процессуальный риск» в сфере электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2018. № 4. С. 87 – 95; Шестало С.С. Элементы добросовестности и ответственности гражданина в деле о несостоятельности (банкротстве) и процессуальный риск кредитора // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 5. С. 41 – 45; Кашкарова И.Н. Процессуальные риски при участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции: первый опыт правоприменения // Закон. 2023. №4. С. 172-187.

- 2) выявить особенности процессуального риска в гражданском процессе;
- 3) детерминировать проявления риска в зависимости от процессуального положения участников правоотношений в гражданском процессе;
- 4) разработать механизм управления процессуальными рисками в гражданском и арбитражном судопроизводстве;
- 5) выделить особенности управления процессуальными рисками в отдельных видах гражданского судопроизводства и на различных стадиях гражданского процесса;
- 6) определить роль альтернативных процедур разрешения и урегулирования споров в управлении процессуальными рисками.

Объектом исследования выступили отношения, возникающие при совершении или несвершении лицами, участвующими в деле, процессуальных действий которые могут повлечь за собой наступление неблагоприятных материально – правовых и (или) процессуальных последствий.

Предметом исследования являются правовые нормы, материалы правоприменительной практики и доктринальные подходы, связанные с вопросами риска в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Методологическая основа исследования. Методологической основой исследования был избран системно–комплексный подход. Использование методологии системного анализа сделало возможным рассмотрение феномена процессуального риска в качестве явления, находящегося в органической взаимосвязи с гражданским процессуальным правоотношением.

В процессе исследования, помимо общенаучных методов (анализа и синтеза, индукции и дедукции, восхождений от абстрактного к конкретному), применялись формально-догматический метод и метод сравнительно-правового анализа, обращение к которому позволило выявить возможности управления процессуальными рисками в отдельных видах гражданского судопроизводства.

В работе над диссертацией автор руководствовался диалектическим

пониманием правовых процессов и явлений. Диалектический подход в оценке цивилистического процесса позволил разработать возможности по управлению процессуальными рисками на различных его стадиях и в рамках различных производств.

Многоаспектность выбранной темы предопределила включение в научный инструментарий проблемно-хронологического метода, позволившего сформировать объективную характеристику особенностей постепенной эволюции исторического развития правовой категории «риска» в науке цивилистического процесса.

Особое значение в рамках исследования уделяется методу функционального анализа. При этом автор исходит из того, что риск в цивилистическом процессе подлежит изучению именно в целях выявления процессуальных возможностей по управлению им, направленных на минимизацию неблагоприятных последствий.

В процессе исследования использовался также метод правового моделирования, применение которого позволило на основе детерминирования характерных признаков процессуального риска в гражданском и арбитражном судопроизводстве разработать общий для цивилистического процесса механизм по управлению и минимизации процессуальных рисков.

Основным методологическим принципом авторского анализа являлся принцип научной объективности и достоверности. Он использовался при оценке трудов предшествующих исследователей данной проблематики, выступая важнейшим методологическим критерием.

Нормативной базой исследования является российское материальное и процессуальное законодательство, проекты нормативных правовых актов.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы судебной практики Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

Теоретико-концептуальную основу исследования составили труды российских и зарубежных ученых, посвятивших свои научные труды

исследованию проблематики риска в различных отраслях знаний: А.Альгина, А. Тверски, Д. Канемана, У.Бека, Э. Гидденса, О. Н. Яницкого, С.А. Кравченко, Д.С. Милля, А. Маршала, А. Пигу, Л.В. Прохорова и других Также в процессе настоящего исследования автор обращался к трудам правоведов, занимавшихся в своих работах отдельными аспектами риска: В. А. Ойгензихта, О.А. Красавчикова, А.А. Армянова, Н.С. Малеина, А.Ю. Бушева, Б.Н. Мезрина, Е.О. Харитонова, С.О. Беляева и других.

В историко-правовом аспекте использовались работы дореволюционных цивилистов: Д.И. Мейера, М.М. Агаркова, Я.М. Магазинера, Г.Ф. Шершеневича, а также ученых процессуалистов: А.Х. Гольмстена, Е.В. Васьковского, косвенно затрагивающих вопросы риска в процессуальных исследованиях.

Основу исследования составили и труды современных ученых-процессуалистов, впервые затронувших проблему процессуального риска. Как уже указывалось, основополагающими работами, посвященными риску в гражданском судопроизводстве, являются труды А.В. Юдина и И.В. Решетниковой.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые в науке гражданского процессуального и арбитражного процессуального права проведено всестороннее исследование процессуального риска, в результате которого обоснована двойственная субъективно-объективная природа процессуального риска, сформулированы его понятие и признаки, определены субъекты процессуального риска, предложен универсальный механизм управления процессуальными рисками, который может применяться в различных производствах и на разных стадиях процесса.

Также впервые обращается внимание на значение альтернативного разрешения и урегулирования споров (третейского разбирательства, примирительных процедур) через призму влияния на степень процессуальных рисков.

Научная новизна выражается и конкретизируется в следующих **основных положениях, выносимых на защиту:**

1. Обосновывается необходимость использования дуалистического подхода к исследованию процессуального риска. С точки зрения данного подхода риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве имеет субъективно-объективную природу, означающую вероятность наступления последствий для лиц, участвующих в деле, не только в результате собственного поведения (субъективная сторона), но и в результате процессуальных действий (бездействия) иных субъектов гражданских процессуальных правоотношений (объективная сторона).

2. Под процессуальным риском в гражданском и арбитражном судопроизводстве предлагается понимать вероятное наступление именно *неблагоприятных* последствий для лица, участвующего в деле, в результате совершения (несовершения) им и иными участниками процесса *правомерных* процессуальных действий. Неблагоприятные последствия могут быть как материально-правовыми, так и процессуальными.

3. Разработана классификация процессуальных рисков по различным основаниям. Предлагается деление рисков на: допроцессуальные и непосредственно процессуальные, общие и специальные, промежуточные риски и конечный риск, первичные и вторичные риски, активные и пассивные риски. Теоретическое значение классификации заключается в возможности продолжения исследования процессуального риска по отдельным его видам. Практическое значение выделения различных видов процессуальных рисков позволяет лицам, участвующим в деле, предвидеть конкретные риски, осознавать вероятное наступление неблагоприятных последствий от собственного и чужого процессуального поведения.

4. Формулируется вывод о том, что процессуальный риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве является следствием совершения (несовершения) только таких процессуальных действий, которые предполагают вариативность процессуального поведения и наступление разных последствий. В связи с этим вводится понятие «рисковых» процессуальных действий. Доказывается, что к «рисковым» процессуальным действиям могут относиться только действия лиц,

участвующих в деле, и (или) их представителей. Действия суда и иных участников процесса сами по себе рисковыми не являются, но их совершение или несовершение может оказывать влияние на риски лиц, участвующих в деле.

5. Обосновывается необходимость унифицированного подхода к регулированию процессуального риска в цивилистических процессуальных кодексах. В связи с этим предлагается дополнить ст. 12 ГПК РФ по аналогии со ст. 9 АПК РФ положением следующего содержания: «лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий».

6. Выявлено наличие в гражданском и арбитражном судопроизводстве процессуальных возможностей по управлению процессуальными рисками. Сформулировано понятие механизма управления рисками в гражданском и арбитражном судопроизводстве, под которым понимается совокупность процессуальных правил и средств, использование которых позволит минимизировать вероятные неблагоприятные последствия или полностью их исключить.

В структуре механизма предлагается выделять: 1) правила минимизации собственного процессуального риска, включающие своевременность совершения процессуальных действий, совершение процессуальных действий в полном объеме, добросовестное совершение процессуальных действий; 2) правила минимизации риска от чужого процессуального поведения, к которым относятся своевременное реагирование на действия (бездействие) иных участников процесса и противодействие недобросовестному процессуальному поведению иных лиц; 3) общее правило – согласование сторонами процессуальных действий на основе взаимных интересов, которое позволит минимизировать как собственный процессуальный риск, так и риск от чужого поведения.

7. Аргументировано, что третейское разбирательство позволяет избежать процессуальных рисков гражданского или арбитражного судопроизводства, но имеет собственные риски, а также не исключает риски, связанные с переходом дела

в государственный суд в случае оспаривания решения третейского суда или необходимости его принудительного исполнения. В связи с этим обосновывается возможность применения механизма управления рисками при использовании арбитража. Особое значение придается правилу согласования сторонами процессуальных действий на основе взаимных интересов ввиду автономии воли сторон третейского разбирательства.

8. Установлено, что в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства значение использования примирительных процедур в случае достижения соглашения заключается в возможности минимизации промежуточных процессуальных рисков (например, при признании обстоятельств или частичном отказе от иска) или в исключении конечного процессуального риска (например, при заключении мирового соглашения).

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования. Материалы, результаты и выводы диссертационной работы раскрывают перспективы дальнейшего научного исследования проблемы процессуального риска в гражданском и арбитражном судопроизводстве, как в контексте общих положений цивилистического процесса, так и в контексте дальнейшего изучения процессуальных рисков.

Результаты исследования могут быть использованы в преподавании дисциплин «Гражданский процесс», «Арбитражный процесс», «Исполнительное производство».

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность выводов и положений исследования подтверждается анализом нормативных правовых актов, судебной практики, изучением и критическим осмыслением трудов ученых-процессуалистов, цивилистов и теоретиков права, в которых прямо или косвенно освещены проблемы риска как процессуальной категории.

Апробация результатов исследования.

Основные положения диссертации нашли отражение в научных публикациях автора общим объемом 5,4 п.л. Автором опубликовано 10 научных трудов по теме

диссертационного исследования, из которых 2 научные статьи в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ с импакт – фактором выше 0,1, 5 статей опубликованы в рецензируемых изданиях из Перечня научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты исследований в рамках диссертаций, представляемых к защите в диссертационных советах РУДН (утвержден приказом ректора № 761 от 27.09.2018), а также 3 публикации в иных изданиях. Некоторые практико-ориентированные результаты исследования применяются в деятельности Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», что подтверждено справкой о внедрении.

Основные теоретические выводы и научно-практические предложения исследования стали предметом обсуждения на научных, научно-практических конференциях различного уровня: Международная научно-практическая конференция «Досудебные и судебные примирительные процедуры в России: совершенствование законодательства и перспективы развития» (ВГУ, г. Воронеж, 08 – 09 декабря 2016 года), Научно-практический круглый стол: «100-летие Великой российской революции: государственно-правовое развитие России» (КемГУ, г. Кемерово, 15 декабря 2017 года), Международная научно-практическая конференция, посвященной 100-летию юбилею ЮФ ВГУ «Юридические стандарты государственной власти и правозащитной деятельности: построение, организация, осуществление, эффективность» (ВГУ, г. Воронеж, 15-16 ноября 2018 года), X Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, магистрантов и молодых ученых «Толкование и конкретизация права: проблемы теории и практики» (РГУП, г. Москва, апрель 2019 года), IV всероссийской научно-практической конференции «Тенденции развития юридической науки на современном этапе» (КемГУ, г. Кемерово, 18 октября 2019 года), XIV сессия Европейско-Азиатского правового конгресса «Право как ценность» (УрГЮУ, г. Екатеринбург, 3-4 июня 2021 года); Международный научный юридический форум памяти В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире» (РУДН, г.

Москва, 15 октября 2021 года); Круглый стол «Защита гражданских прав: прошлое, настоящее и будущее», приуроченный к ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (ЮИ ТГУ, г. Томск, 27- 29 января 2022 года); V Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Тенденции развития юридической науки на современном этапе. Публичная власть и правовое обеспечение стратегий регионального и муниципального развития» (ЮИ КемГУ, г. Кемерово, 20 – 21 мая 2022 года), Международный научный юридический форум памяти профессора В.К. Пучинского (РУДН, г. Москва, 14 октября 2022 года); VI Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Тенденции развития юридической науки на современном этапе» (ЮИ КемГУ, г. Кемерово, 12 – 13 мая 2023 года).

Выводы и основные положения исследования использовались и используются автором при чтении лекций и проведении семинарских занятий по дисциплинам «Гражданский процесс», «Арбитражный процесс», «Исполнительное производство».

Структура исследования обусловлена его целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, включающих в общей сложности восемь параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РИСКА В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1. Риск как общенаучная и правовая категория

Анализируя современную научную литературу, можно сделать вывод, что сегодня «риск» является актуальной, активно изучаемой научной категорией. В связи с этим рассмотрение подходов, раскрывающих сущность «риска», применяющихся в разных науках, а также выделение его базовых характеристик, представляется необходимым прежде, чем перейти к исследованию риска в науке цивилистического процесса. Накопленный научный опыт может способствовать полному и всестороннему раскрытию исследуемой категории и продолжению изучения «риска» в правовом поле, дополняя существующие и уже общепринятые знания.

Обычно риск связывают с такими понятиями как «вероятность нежелательного события», «возможный успех», «ущерб, страх потери» и т.п.

В. И. Даль понимал смысл слова «рисковать» как «пускаться наудачу, подвергаться случайности»⁷. В толковом словаре С.И. Ожегова «риск» определен как «возможность опасности», «действие наудачу в надежде на счастливый исход»⁸.

Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, слово риск заимствовано из французского языка (*risque* - опасность), в свою очередь, французское слово восходит к греч. *ρίζικόν* - утес, подножие горы, в этой связи «рисковать» для греков означало «лабиринт между скал, обойти скалу»⁹.

---

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс] : подгот. по 2-му печат. изд. 1880-1882 гг. / В. И. Даль. - Электрон. дан. - М.: АСТ, 1998.

⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., - М.: Высшая школа. 1993.

⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - М.: Прогресс. 1986. Т. 2. С. 44

Категория «риск» с ранних времен активно освещалась философами. Так, в трудах античных мыслителей, начиная с Гесиода, прослеживается желание обозначить идеи закономерности, случайности и неопределенности. Эллинизм дополнил это представление идеями объективной случайности и неопределенности, были сформированы общие представления о риске, выделены базовые понятия, такие как «рациональность» и «неопределенность». Позднее основой исследования выступит рационалистическая традиция, идущая от Платона и Аристотеля. Эта традиция проходит через эпоху Просвещения и Новое время, и далее к И. Канту и Р. Декарту, сформировавшим представление о рациональности познания, Гегелю, который предложил считать рациональность бытия характеристикой действительности¹⁰.

Исследования, посвященные отдельным вопросам философии риска, присутствуют в работах таких известных ученых как А.Альгин, А. Тверски, нобелевский лауреат Д. Канеман и других.

Так, например, А. Альгин под риском понимает деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели¹¹.

С точки зрения прогнозирования правовых рисков представляются интересными положения теории перспектив¹², применяемой в поведенческой экономике.

Так, данная теория описывает, как индивидуумы оценивают вероятности событий, потерь и выигрышей. Теория разделена на две стадии: «прогнозирование» вероятностей событий (гипотеза взвешенной вероятности) и «оценка» потерь и

---

¹⁰ Деркач А.А. Акмеология: Учебное пособие / А.А.Деркач, В.Г.Зазыкин. - СПб.: Питер, 2003. С. 256.

¹¹ Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни - М.: Мысл., 1989. С. 19.

¹² Kahneman, Daniel, and Amos Tversky (1979) «Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk», *Econometrica*, XLVII. С. 263-291.

выигрышей (гипотеза фабрикации относительной полезности). На первой стадии «редактируются» вероятности событий на основе существующих знаний и результатов наблюдений, чтобы упростить вторую стадию «оценки» потерь и выигрышей.

Применение данной теории возможно путем составления графика, словесно описать который можно следующим образом: оценка полезности потерь и выигрышей делается людьми относительно некоторой точки отсчета. Функция ценности, которая проходит через точку отсчёта, имеет асимметричный s-образный вид и показывает, что при одном и том же абсолютном значении ценности воздействие потери сильнее, чем воздействие выигрыша¹³.

В связи с тем, что основу данного наблюдения составляют психологические и экономические знания, данная теория может быть использована и в цивилистическом процессе, который связан либо с экономической предпринимательской деятельностью (арбитражный процесс), либо касается споров с участием граждан, то есть взаимосвязан с психологией личности (гражданский процесс).

Стоит отметить, что юридическое прогнозирование (предиктивная аналитика) в настоящее время является предметом самостоятельных исследований в части развития законодательства в целом¹⁴, а также судопроизводства, в том числе по гражданским делам¹⁵.

---

¹³ Федирко П. Е. Теория перспектив как основополагающий элемент поведенческой экономики // Молодой ученый. 2017. №13. С. 381-383.

¹⁴ См.: Агамиров К.В. Социальная сфера как объект правового регулирования и юридического прогнозирования // Lex russica. 2020. № 2. С. 106 – 124; Агамиров К.В. Онтологические, гносеологические и аксиологические основания юридического прогнозирования: философско-правовая парадигма // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 20 – 35; Сковородко А. Искусственный интеллект в нормотворческом процессе - обратная сторона медали // Сб. материалов VIII Международного юридического форума (IP Форума). М., 2020. С. 468 - 470; Механизмы и модели регулирования цифровых технологий // Минбалеев А.В., Мартынов А.В., Камалова Г.Г., Чубукова С.Г., Сушкова О.В., Бундин М.В., Жернова В.М., Бойченко И.С., Никольская К.Ю. М. 2020. 264 с.

¹⁵ См.: Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М.В. Самсонова, Е.Г. Стрельцова, А.В. Чайкина и др.; отв. ред. Е.Г. Стрельцова. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 336 с.

Как отмечает И.И. Черных, «главные направления, остро нуждающиеся в развитии прогнозирования, - сфера законодательства и сфера его реализации, точнее, правотворчество и правоприменение»¹⁶.

Полагаем, что справедливо будет продолжить данную мысль и констатировать важность предиктивной аналитики и для сторон цивилистического процесса. Прогнозирование вероятности событий перед совершением того или иного действия, имеющего материально – и (или) процессуально- правовые последствия имеет серьезное значение не только для субъектов спора, но и для государства, активно стремящегося к «разгрузке судебной системы». Понимание субъектами спорного правоотношения характера и степени вероятности наступления неблагоприятных последствий (риска) в результате обращения за судебной защитой можно определить в качестве одного из основных факторов, способных побудить заинтересованных лиц к примирению.

Оценка вероятности событий имеет значение не только в рамках сложившегося процессуального правоотношения, но и до момента вступления в него.

Так, процессуальный риск существует абстрактно еще до момента совершения первого процессуального действия (например, подача искового заявления), то есть до момента вступления в процесс заинтересованные лица уже должны понимать вероятность выигрыша (получение положительного судебного акта, возможность реального исполнения решения суда) и потерь (времени, судебных издержек), которые будут сопровождать рассмотрение их спора судом.

Полагаем, что применение данной теории к процессуальным правоотношениям закономерно позволит снижать риски в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства.

---

¹⁶ И.И.Черных Предиктивная аналитика: информационные технологии для судопроизводства по гражданским делам / Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М.В. Самсонова, Е.Г. Стрельцова, А.В. Чайкина и др.; отв. ред. Е.Г. Стрельцова. М.: Инфотропик Медиа, 2022. С. 31.

Интересным в рамках правового исследования представляется и социологическое понимание риска.

Так, социология определяет современное общество как «общество риска»¹⁷. Авторами данной концепции выступают У.Бек и Э. Гидденс.

Э. Гидденс выделял риски антропогенного характера, которые он определял как рукотворные и соотносил с внешними, то есть не зависящими от человека рисками¹⁸. Автор рассматривал риск и как явление, несущее угрозу человеческому существованию (негативное), и как выполняющее функцию катализатора общественных преобразований (позитивное).

Основной причиной возникновения «общества риска» У. Бек считает глобальное изменение производственных отношений. У. Бек отмечает, что с развитием технологической и научной базы риски не только не исчезают, но и возрастают. С данного этапа риски начинают угрожать не только конкретному человеку, но и обществу в целом. Производство рисков осуществляется не только на предприятиях, но и во всех сферах жизнедеятельности. Суть изменения возникновения рисков состоит в том, что «логика производства богатства» заменяется «логикой производства риска»¹⁹.

Стоит отметить справедливость данного высказывания, которое подтверждается цифровизацией общественных отношений, в том числе сферы правосудия, и возрастанием рисков.

Как обоснованно отмечается в литературе, под воздействием цифровизации значительно усложняются способы разрешения споров и их характер²⁰.

Достаточно подробно и широко риск исследуется в экономической теории.

---

¹⁷ Матвеева К.А. Особенности социологического изучения риска // Вестник Удмуртского университета. 2009. вып. 1. С. 131.

¹⁸ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. - М.: Весь мир, 2004. С. 42.

¹⁹ Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. - М.: Прогресс-традиция, 2000. С.14.

²⁰ Русакова Е.П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: дис. ... докт. юрид. наук. М. 2021. С. 189, 305.

Именно экономическая (предпринимательская) составляющая делает данную тему актуальной для гражданского права, а, следовательно, и судопроизводства. Обусловлено это характером ряда рассматриваемых в цивилистическом процессе споров (корпоративные споры, споры, возникающие из обязательственных и вещных правоотношений, дела о банкротстве и пр.) и неразрывной связью материального и процессуального права.

Так, в экономике выделяют две основные теории риска - классическая и неоклассическая.

Классическая теория связывает понятие риска и предпринимательской прибыли. Данный подход был изложен английским философом и экономистом Д.С. Миллем²¹.

Неоклассическая теория экономического риска принадлежит авторству А. Маршала и А. Пигу, согласно ей экономика функционирует в условиях неопределенности и должна руководствоваться двумя категориями: размером ожидаемой прибыли и величиной ее возможных отклонений. Поведение предпринимателя, следуя данной теории, обуславливается концепцией предельной пользы. Это означает, что если необходимо выбрать один из двух вариантов капиталовложений, дающих равную прибыль, то выбирается тот вариант, где колебания прибыли меньше, что представляет стратегию управления риском²².

На наш взгляд, данные подходы частично применимы и к раскрытию сущности правовых рисков, особенно в плоскости частных отраслей права, где возможности выбора варианта поведения субъекта гораздо шире в сравнении с правом публичным.

Представляется полезным в рамках настоящей работы рассмотреть также макро - и микрориски, выделяемые в политологии.

---

²¹ Вишняков Я.Д. Общая теория рисков: учебное пособие/ Я.Д. Вишняков, Н.Н. Радаев. - М.: Академия, 2008. – 368 с.

²² Есипов В.Е., Маховикова Г.А., Мирзажанов С.К. Риски в оценке: теория, методы измерения: учебное пособие. - СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2008. С. 136.

В политологии макрориск представляет собой вероятность изменений, касающихся всех субъектов, а микрориск связан с изменениями, касающимися конкретных (ого) субъектов на том или ином уровне²³.

Л. В. Прохорова разделяет политические риски в зависимости от их уровня на локальный, страновой и глобальный²⁴.

Данные классификации по содержанию достаточно похожи между собой, поскольку разделяют риски по масштабу их влияния.

Ученые-политологи, оценивая макро- и микрориски в сфере юриспруденции, к первым относят неотлаженное законодательство в стране, ко вторым – неотлаженное законодательство в регионе²⁵.

Полагаем, что данная терминология обоснованно может быть применена и к процессуальным рискам в гражданском и арбитражном судопроизводстве, при этом содержание понятий макрориска и микрориска применительно к цивилистическому процессу, на наш взгляд, должно определяться не относительно процессуального права в целом, а относительно производства по отдельному гражданскому делу.

Подробнее о собственных для гражданского и арбитражного судопроизводства классификациях процессуального риска будет изложено далее.

Выделяются в политологии также чистые и деловые риски. Чистые риски характеризуют вероятность ущерба при реализации субъектом политического решения в ситуации, когда в политической системе возникают серьезные проблемы, связанные с неожиданными перебоями в деятельности, к таким, например, можно отнести непрогнозируемую болезнь политика, лишаящую его возможности продолжать деятельность в поддержанном электоратом ключе, и другие. Деловой риск – вероятность нехватки политического ресурса, неполучения

---

²³ Быченков Д.В. Политический риск: проблемы дефиниции и классификации // *Общественные науки и современность*. № 3. 2008. С. 123-133.

²⁴ См.: Прохорова Л.В. Политический риск в управленческой деятельности: Дис.. канд. полит. наук. - СПб.: Северо-западная академия гос. службы. 1998.

²⁵ Терехова А.Н. Микрориски и макрориски в региональном разрезе // *Вестник ЮУрГУ*, № 9. 2012. С. 24.

планируемых результатов в процессе осуществления экономической, социальной или иной значимой деятельности²⁶.

На наш взгляд, классификацию рисков по уровню их влияния на общественные отношения по аналогии можно применять к выделению частноправовых и публично-правовых рисков и активно использовать при исследовании проблемы риска в гражданском судопроизводстве.

Изложенное свидетельствует о том, что по своей природе риск – явление объективной реальности, неизбежное для любой сферы жизнедеятельности человека. Обусловлено это и законами природы, и невозможностью предугадать мысли, поведение других людей и даже простым, не всегда поддающимся объяснению, стечением обстоятельств.

Перечислять объективные факторы риска можно и дальше, в зависимости от конкретной ситуации и сферы общественных отношений.

Однако нельзя утверждать, что риск ни в коей мере не зависит от решений, действий или бездействия человека. Вряд ли кто-либо сможет оспорить тот факт, что «своими руками» мы зачастую создаем риски или наоборот, их минимизируем, ликвидируем. Значение поведения человека в рисковом действии несомненно является первоочередным, конечно, в том случае, когда речь идет не о природных катаклизмах, а о сферах жизнедеятельности так или иначе подвластных человеку.

В теории права также сложились свои подходы к пониманию риска. В частности выделяется три подхода: субъективный, объективный и дуалистический.

Субъективную теорию риска в праве сформулировал В. А. Ойгензихт²⁷. Он утверждал, что опасность существует самостоятельно, не является риском и до определенного момента не связана с риском. А субъективное, вероятное допущение несения ущерба, оценка принятия отрицательных последствий при определенных, но зачастую случайных обстоятельствах как раз и составляют

---

²⁶ Быченков Д.В. Политический риск: проблемы дефиниции и классификации // Общественные науки и современность, № 3. 2008. С. 123-133.

²⁷ Ойгензихт В.А. Категория риска в советском гражданском праве // Правоведение. 1971. № 5. С. 67.

категорию риска. В подтверждение своей позиции ученый приводит пример: «человек дает гарантийный документ за другого, естественно допуская, что тот (другой) не сможет произвести оплату и он понесет потери. Это осознанное допущение; не опасность, не угроза, не обременение, не само событие и не вероятность ущерба – это риск»²⁸.

Сторонниками субъективной концепции также являются О.А. Красавчиков, А.А. Арямов.

В частности А.А. Арямов, раскрывая сущность риска, отмечает, что «объективное поведение человека в объективном внешнем мире приобретает юридическое значение лишь при условии, если оно обусловлено и сопровождается субъективно-психологическими процессами его сознания»²⁹.

Представители объективной концепции, к которым можно отнести Н.С. Малеина, А.Ю. Бушева, под риском понимают возможность наступления неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера)³⁰, рассматривают его как явление объективной реальности, непосредственно связанное с такими категориями, как «опасность» и «вероятность»³¹.

Объективная теория риска не связывает риск с психическим отношением лица к совершаемым им действиям, риск, скорее, представляет собой возможность наступления события, которое при наличии иных сопутствующих ему обстоятельств, может повлечь за собой убытки, привести к реальному ущербу в сравнении с первоначальным положением дел.

---

²⁸ Там же.

²⁹ Арямов А.А. Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ. - М.: РАП; Волтерс Клувер. 2010. С.16.

³⁰ См.: Поваренков А.Ю. Риск в предпринимательской деятельности // Проблемы защиты субъективных гражданских прав: сб. науч. тр. / под ред. В.В. Бутнева. - Ярославль: Изд-во гос. ун-та, 2001. С. 34-38.

³¹ См.: Собчак А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Правоведение. 1968. № 1. С. 55-56; Пастухий О.А. Категория риска в советском гражданском праве // Гражданское право и способы его защиты. – Свердловск, 1974. С. 57 - 58.

Объективная теория риска во многом основана на нормах закона, в котором под риском понимается риск изменения обстоятельств, поскольку данные нормы объединены наличием имущественных потерь, грозящих субъекту³².

Наиболее современным является дуалистический подход к пониманию риска. Данный подход является, на наш взгляд, золотой серединой теорий, приведенных выше, поскольку перенимает суть каждой, гармонично объединяя их. Представителями дуалистической концепции выступают такие исследователи, как Б.Н. Мезрин, Е.О. Харитонов, С.О. Беляев и другие.

По мнению представителей дуалистической концепции, риск представляет собой вероятный вред, предвидение риска - категория субъективная; однако риск - объективная реальность, так как возможность образования вреда воплощается в жизни в соединенном действии лиц и других не менее реальных факторов³³. Согласно данному подходу объективная сторона риска подразумевает вероятностный характер результата, а субъективная - проявляется в оценке объективно существующей ситуации, при этом обе стороны взаимодействуют в неразрывной связи, демонстрируя истинную природу риска³⁴.

Полагаем, что для наиболее полного и правильного анализа категории «риск» в цивилистическом процессе, в том числе в рамках настоящего исследования, обоснованно использовать дуалистическую (субъективно - объективную) концепцию риска. Субъективная сторона процессуального риска связана с действиями (бездействием) самого лица, а объективная сторона обусловлена

---

³² Горячкина Д.А. К вопросу о категории «риск» в теории гражданского права // Вестник Пермского Университета, 2011. выпуск 3(13). С. 91.

³³ Мезрин Б.Н. О юридической природе риска в советском гражданском праве // Гражданское право и способы его защиты: Сб. науч. тр. - Свердловск, 1974. С. 48.

³⁴ Золотухин А.В. Правовое обеспечение страхования предпринимательских рисков в гражданском праве Республики Таджикистан: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе, 2015. С. 10.

спецификой гражданского и арбитражного судопроизводства, основанного на принципах диспозитивности, состязательности и судейского руководства.

Так, Н.Б. Зейдер подчеркивал, что суд, занимая ведущее положение, является главным, основным субъектом правоотношения, все же остальные субъекты имеют положение, суду подчиненное³⁵. При этом, по справедливому замечанию А.Т. Боннера, властный характер отношений суда с различными субъектами цивилистического процесса в ряде случаев смягчается в связи с действием диспозитивности как движущего начала гражданского судопроизводства³⁶.

Изложенное свидетельствует, что помимо действий заинтересованного лица, которые он вправе совершать в силу принципов диспозитивности и состязательности (субъективная сторона риска), процессуальный риск в цивилистическом процессе также зависит от действия иных лиц (участников процесса), наделенных аналогичной свободой совершения или несовершения процессуальных действий в рамках установленной формы, и действий суда как органа, осуществляющего руководство процессом.

Проведенный в данном параграфе анализ понимания риска с точки зрения различных наук позволяет сформулировать некоторые выводы, которые будут иметь значение для дальнейшего исследования.

1. Представляют интерес положения теории перспектив, разработанной А. Тверски и Д. Канеманом.

Эта теория приобретает значение в аспекте возможного прогнозирования в рамках цивилистического процесса вероятности риска перед совершением или несовершением того или иного процессуального действия, а значит и возможного управления степенью процессуальных рисков.

При этом оценка вероятности событий имеет значение не только в рамках сложившегося процессуального правоотношения, но и до момента вступления в него.

---

³⁵ Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов: СГУ, 1965.С. 28.

³⁶ Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. 1. История гражданского процессуального права. Специфика гражданских процессуальных правоотношений. – Москва : Проспект, 2017. С. 233.

2. Теория макрорисков и микрорисков также представляет интерес и может быть адаптирована применительно к цивилистическом процессе. При этом, на наш взгляд, макрориск должен определяться по отношению к производству по конкретному гражданскому делу в целом, а микрориск – по отношению к совершению или несвершению отдельных процессуальных действий.

3. Избрание для дальнейшего исследования дуалистического (субъективно - объективного) подхода к пониманию процессуального риска наиболее соответствует его природе.

С точки зрения данного подхода риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве имеет субъективно-объективную природу, означающую вероятность наступления последствий для лиц, участвующих в деле, не только в результате собственного поведения (субъективная сторона), но и в результате процессуальных действий (бездействия) иных субъектов гражданских процессуальных правоотношений (объективная сторона).

Данные краткие выводы получают развитие в последующих разделах работы.

§ 2. Понятие и особенности процессуального риска в цивилистическом процессе. Классификация процессуальных рисков.

2.1. Понимание процессуального риска в правовой доктрине

Особую научную и практическую актуальность исследование риска приобрело в гражданском праве (риск случайной гибели имущества, риск предпринимательской деятельности, риск как ключевая категория страховых правоотношений и пр.)³⁷.

Так, еще в дореволюционном гражданском праве был заложен фундамент исследованиям риска в обязательственных, договорных правоотношениях, были

---

³⁷ См: Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве (часть общая). Душанбе: Ирфон, 1972.; Мейер Д.И. Русское гражданское право: В 2 ч. 1902. - М.: Статут, 1997. Ч. 2. С. 151.

названы конструкции риска случайной гибели имущества³⁸. Например, Д. И. Мейер указывал, что каждое обязательство сопровождается риском или страхом³⁹.

В советское время научный интерес к риску в гражданско-правовой науке был снижен, однако ряд авторов признавали риск неотъемлемой составляющей гражданского права.

Например, М. М. Агарков утверждал, что идея риска, лежащая в основании гражданских правоотношений, хотя внешне и не выражается, но легко обнаруживается при анализе ряда норм⁴⁰.

Я. М. Магазинер в свою очередь определял само право через понятие риска: «...все право есть не что иное, как система распределения рисков, которая изменяет и направляет стихийно складывающееся их распределение на основе естественных законов экономики»⁴¹.

Гражданское процессуальное право в отличие от смежной материальной отрасли не имеет своей истории научного исследования категории «риск». Вместе с тем, можно утверждать, что понимание «риска» имело место и в дореволюционном и советском гражданском процессе. Обусловлено это неразрывной связью «риска» с такими принципами цивилистического процесса, как состязательность и диспозитивность. Именно в контексте исследования данных принципов в теории всегда обращалось внимание на последствия совершения или несовершения сторонами тех или иных процессуальных действий.

Например, Е.А. Нефедьев, анализируя понятие гражданского процесса, отмечал, что «прямое принуждение к совершению тех или иных действий заменяется указанием в законе невыгодных последствий, которые наступают для

---

³⁸ Болобонова М.О. История становления и развития категории «риск» в гражданском праве России // Гражданское право. 2016. № 6. С. 35.

³⁹ Мейер Д.И. Русское гражданское право: В 2 ч. 1902. - М.: Статут, 1997. Ч. 2. С. 151.

⁴⁰ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. - М. 1940. С. 64.

⁴¹ Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Правоведение. 1999. № 1. С. 136.

тяжущихся при их несовершении»⁴². Тем самым классик науки гражданского процессуального права, по сути, указал на наличие риска в гражданских процессуальных правоотношениях того времени, не употребляя самого термина «риск».

А. Х. Гольмстен отмечал, что характер произвольности присущ гражданским правам – этот характер переходит и на гражданский процесс в том смысле, что за сторонами признается ряд процессуальных прав, которыми они вольны располагать по своему усмотрению⁴³. Иными словами, признавая наличие принципа диспозитивности, ученый косвенно признавал риск его неотъемлемой частью.

В советское время, несмотря на значительно возросшую активную роль суда, процесс основывался на принципах состязательности и диспозитивности. Так, согласно ст. 5 ГПК РСФСР 1923 года суд был обязан «всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся, посему, не ограничиваясь представленными объяснениями и материалами, он должен, посредством предложенных сторонам вопросов, способствовать выяснению существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждению их доказательствами, оказывая обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы им во вред»⁴⁴.

Советский процессуалист А.Ф. Клейнман определял принцип состязательности в советском цивилистическом процессе «как право сторон распоряжаться доказательствами, ссылаться перед судом на те или иные

---

⁴² Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Краснодар. 2005. С. 255.

⁴³ Учебник русского гражданского судопроизводства / Гольмстен А.Х.; Под ред.: Попова Ю.А., Треушников М.К. - Краснодар: Изд-во КГАУ, 2004. С.130.

⁴⁴ Постановление ВЦИК от 10.07.1923 года «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // СУ РСФСР, 1923, N 46 - 47, ст. 478

фактические обстоятельства, лежащие в основе их требований и возражений, в соединении с правом суда не ограничиваться юридическими фактами, выдвинутыми сторонами, требовать от сторон дополнительных доказательств, самостоятельно собирать доказательства»⁴⁵.

К.С. Юдельсон писал, что «в силу принципа состязательности разбирательство дел по советскому гражданскому процессуальному праву происходит с предоставлением возможности субъектам процесса отстаивать перед судом свои утверждения путём доказательства дозволенными законом способами фактов, участия в совершении всех процессуальных действий, выражения своей точки зрения по вопросам дела при активной, руководящей роли самого суда, стремящегося вынести объективно истинное судебное решение»⁴⁶.

Таким образом, можно говорить о том, что в советский период процессуальный риск, хотя и не рассматривался как отдельная категория, сопровождал процессуальные отношения как неотъемлемая составляющая принципов диспозитивности и состязательности: стороны самостоятельно принимали решения о том стоит ли им обращаться в суд за защитой, думать о необходимости представления или истребования тех или иных доказательств, давать ли пояснения и какого содержания, в связи с чем несли риск наступления неблагоприятных последствий выбранного варианта процессуального поведения. Кроме того, поиску объективной истины по делу все равно сопутствовали субъективные факторы, и утверждать то, что такой подход к роли суда максимально сокращал процессуальные риски, было бы неверным.

В связи с этим, по аналогии с высказыванием советского профессора М.М. Агаркова о существовании риска в гражданском праве⁴⁷, справедливо заметить, что идея процессуального риска, хотя внешне и не выражалась, но легко обнаруживалась при анализе ряда норм и принципов отечественного гражданского процессуального права на различных этапах его развития.

---

⁴⁵ Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс: Учебник. - М., 1954. С. 55—56

⁴⁶ Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс: Учебник. - М., 1956. С. 49

⁴⁷ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. - М., 1940. С. 64.

Впервые термин «риск» законодательно был закреплен в 2002 году в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) в статье 9 «Состязательность», согласно которой «лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий».

В современной науке цивилистического процесса вопрос о необходимости исследования процессуального риска был поднят в 2012 году И.В.Решетниковой, которая справедливо отмечает, что «демонстрация концепции процессуального риска помогает понять логику законодателя и сам дух современного процесса»⁴⁸, тем самым определяя актуальность исследования процессуального риска в современном гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Значимым для изучения риска в гражданских процессуальных правоотношениях является также научная статья А.В. Юдина, в которой автор разделяет процессуальный риск, сопровождающий действия субъектов, и процессуальный риск, сопровождающий бездействие субъектов, подчеркивает необходимость управления рисками в цивилистическом процессе, обоснованно отмечая, что «необходимость устранения процессуальных рисков видится в том, что процесс должен быть предсказуемым и лицо, обращающееся в суд, не может ввергать себя в сферу сплошных случайностей, описанных нами, равно как и лицо, отвечающее по иску, должно более или менее ясно представлять перспективы дела»⁴⁹.

Данные научные работы содержат ценные выводы о значении процессуального риска, его характеристиках, видах, истории процессуального риска в цивилистическом процессе.

Положения о процессуальном риске, разработанные И.В. Решетниковой и А.В. Юдиным, будут использованы в рамках дальнейшего исследования,

---

⁴⁸ Решетникова И.В. Теория процессуального риска // Закон. 2012. № 6. С. 122.

⁴⁹ Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 49.

поскольку представляют собой основу изучения риска в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Таким образом, в современной процессуальной цивилистической науке риск уже выступает в качестве самостоятельного объекта изучения, однако фундаментальные его исследования в настоящее время отсутствуют, что свидетельствует о необходимости дальнейшего развития ряда уже сформулированных положений о процессуальном риске и продолжении разработки теории риска в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

2.2. Понятие процессуального риска

Анализ понятий «риска» в различных областях знаний, проведенный нами в параграфе 1 настоящей главы, позволяет сделать вывод, что риск – это всегда вероятность наступления тех или иных последствий. В зависимости от предмета изучения понимание риска может различаться с учетом специфики и содержания той или иной сферы, в которой он возникает. Не является исключением и процессуальный риск. Его исследование предполагает, прежде всего, необходимость определения основных признаков.

Ранее был сделан вывод о целесообразности и обоснованности использования дуалистического подхода при исследовании процессуального риска.

В соответствии с этим подходом при рассмотрении категории риска необходимо исходить из его объективно-субъективной природы, которая проявляется во взаимосвязи его объективной и субъективной сторон. В то же время применительно к арбитражному и гражданскому процессам в качестве основного и наиболее значимого признака следует определить именно субъективный характер процессуального риска.

Его суть проявляется в предоставленной заинтересованным лицам возможности самостоятельно определять круг необходимых действий, а также возможность бездействия в целях достижения желаемого результата и избегания

неблагоприятных последствий, что является составляющей фундаментальных процессуальных принципов – диспозитивности и состязательности.

Принцип диспозитивности принадлежит к числу безусловных и непреложных начал гражданского процесса, отмечал Е.В. Васьковский, поскольку каждый волен осуществлять свое частное право или не осуществлять, сохранять его за собою или откаться от него, требовать от суда защиты и свободно распоряжаться процессуальными средствами⁵⁰.

Принцип состязательности позволяет каждому заинтересованному лицу в рамках установленной формы защитить свое право путем использования предлагаемых законом средств. Так, стороны и лица, участвующие в деле, правомочны представлять доказательств, участвовать в исследовании доказательств, представленных другими лицами, высказывать свое мнение по всем вопросам, подлежащим рассмотрению в судебном заседании.

Е. В. Васьковский отмечал, что принцип состязательности вполне соответствует принципу формальной диспозитивности, так как обладая полной свободой распоряжения процессуальными средствами защиты, в том числе и доказательствами, тяжущиеся могут по своему усмотрению увеличивать или уменьшать количество самого материала⁵¹.

Первостепенное значение принципов диспозитивности и состязательности, на наш взгляд, заключается именно в свободе, предоставляемой каждому заинтересованному лицу в цивилистическом процессе.

При этом важно, что любое процессуальное действие (бездействие) может быть обусловлено характером заинтересованности субъекта процессуальных правоотношений. В связи с этим исследование категории процессуального риска невозможно без выявления его связи с юридическим интересом.

---

⁵⁰ Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. - М.: Статут. 2016. С. 343 – 346.

⁵¹ Там же С. 347.

С. В. Курылев определял юридический интерес как мотив, заставляющий определенное лицо возбуждать деятельность по правосудию, доказывать свою правоту, добиваться вынесения решения в свою пользу⁵².

Таким образом, процессуальный риск и юридический интерес являются взаимосвязанными правовыми категориями: интерес побуждает лицо к совершению тех или иных процессуальных действий, то есть определяет поведение субъекта, а риск является логическим следствием выбранной лицом модели процессуального поведения.

При этом, как верно отмечает О. Н. Шеменева, «для получения итогового судебного акта, соответствующего интересу того или иного лица, участвующего в деле, ему необходимо постоянно совершать действия, направленные на достижение множества промежуточных результатов»⁵³, а, следовательно, нести и промежуточные процессуальные риски.

Следующим признаком, составляющим понятие процессуального риска, исходя из принятого в данном исследовании дуалистического подхода, является его объективный характер.

К объективным составляющим процессуального риска можно отнести множественность участников процесса и взаимозависимость их процессуальных действий, наделение процессуальных оппонентов равными возможностями по распоряжению процессуальными правами, наличие инстанционности, длящийся характер цивилистического процесса, относительно пассивную и независимую роль суда.

Кроме того, нельзя не отметить, что различные обстоятельства внешнего мира, на первый взгляд, не имеющие отношения к цивилистическому процессу, также могут стать объективной составляющей процессуального риска в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Таким примером стало

---

⁵² Курылев С.В. Объяснения сторон, как доказательство в советском гражданском процессе. - М.: Госюриздат. 1965. С. 11-12.

⁵³ Шеменева О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. - М.: Инфотропик Медиа. 2017. С. 49.

распространение коронавирусной инфекции (COVID-19). В частности введение мер по противодействию ее распространению на территории Российской Федерации послужило основанием для отложения и приостановления производства по многим гражданским делам⁵⁴.

Следующим отличительным признаком процессуального риска является его неразрывная связь с процессуальными действиями. Вне процессуальных действий процессуального риска быть не может.

Как уже указывалось, положение о риске прямо закреплено именно в статье 9 АПК РФ, согласно которой лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий. Затем данный термин еще несколько раз встречается по тексту данного кодекса (например, ст. 41, ст. 111, ст.159 АПК РФ).

Кроме того, некоторые нормы процессуального закона основаны на «рисковых началах». В качестве примера А.В. Юдин приводит ст. 286 АПК РФ, которая закрепляет невозможность приобщения к материалам дела новых доказательств в ходе апелляционного обжалования, если они не были представлены в суде первой инстанции без уважительных причин⁵⁵.

На наш взгляд, под нормами, основанными на «рисковых началах», следует понимать нормы процессуального закона, допускающие несколько правовых последствий (в том числе неблагоприятных), зависящих от действий (бездействия) заинтересованных лиц.

Буквальное толкование нормы закона (ст. 9 АПК РФ) позволяет сделать вывод, что риск это всегда последствие процессуального действия или процессуального бездействия, то есть волевого поведения лиц, участвующих в деле.

---

⁵⁴ См.: Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // www.vsrp.ru (дата обращения 01.07.2020 года).

⁵⁵ Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 13.

Таким образом, процессуальный риск – это продолжение выбранной заинтересованным лицом модели процессуального поведения, соответственно, он может существовать только в правовой форме и непосредственно связан с процессуальным правоотношением.

О. Бюлов писал, что процесс представляет собой последовательное, поступательное, шаг за шагом развивающееся правоотношение, складывающиеся между судом и сторонами. Такая последующая деятельность заключается в совокупности единичных, сменяющих друг друга и вытекающих друг из друга процессуальных действий⁵⁶. Эти действия и несут за собой риск наступления неблагоприятных последствий.

Верным представляется утверждение о том, что «осуществление прав и обязанностей субъектами процесса представляет собой правовую основу совершения процессуальных действий, которые и следует рассматривать в качестве содержания процессуальных отношений»⁵⁷.

Из этого следует, что процессуальный риск, будучи вероятностью наступления последствий в результате совершения (несовершения) заинтересованными лицами процессуальных действий, составляющих содержание гражданского процессуального правоотношения, возникает после обращения заинтересованного лица в суд и имеет место на протяжении всего периода рассмотрения спора, на всех стадиях гражданского и арбитражного судопроизводства.

В отличие от АПК РФ ГПК РФ прямо не закрепляет и не раскрывает содержание «риска», однако не вызывает сомнений, что он также содержит положения, основанные на рисковом начале, базируется на принципе

---

⁵⁶ Бюлов О. Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки / пер. с нем. Д.С. Ксенофонтовой; отв. Ред. Д.Х. Валеев. – Москва.: Статут. 2019. С. 30.

⁵⁷ Ярков В.В. Учение о гражданских процессуальных правоотношениях / Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. Москва: Статут, 2021 // СПС Консультант плюс.

диспозитивности и закрепляет принцип состязательности, сущность которого предполагает распределение рисков между участниками процесса.

Более того, нельзя не констатировать, что термин «риск» стал появляться и в актах судов общей юрисдикции.

Так, например, в Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.12.2019 № 88-2428/2019 указывается, что «...нарушения права ответчика на участие в рассмотрении дела признано быть не может, поскольку процессуальный закон риски от действий (бездействия) заинтересованных лиц возлагает на этих лиц, каковым является податель жалобы, не совершивший действий по получению корреспонденции по месту своей регистрации, на что обоснованно указали суды»⁵⁸.

В связи с этим представляется обоснованным унифицировать процессуальное законодательство в данном контексте и дополнить ст. 12 ГПК РФ по аналогии со ст. 9 АПК РФ положением следующего содержания: «лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий».

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что «риск» присущ гражданским процессуальным отношениям и арбитражным процессуальным отношениям и является вероятностью наступления последствий именно в результате совершения (несовершения) заинтересованными лицами процессуальных действий.

Исходя из связи процессуального риска с процессуальными действиями можно ли утверждать, что любые процессуальные действия в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства следует рассматривать как рискованные.

Представляется, что ответ в данном случае будет отрицательным.

Во-первых, рискованными являются только такие процессуальные действия, которые могут совершаться лицами, участвующими в деле и (или) их

---

⁵⁸ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.12.2019 года № 88-2428/2019 // СПС Консультант плюс.

представителями. Действия суда и иных участников процесса сами по себе рисковыми не являются, но их совершение или несовершение может оказывать влияние на риски лиц, участвующих в деле.

Данный вывод напрямую следует из содержания п.2 ст. 9 АПК РФ, согласно которому именно лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий.

С учетом специфики правового положения представителя в цивилистическом процессе, который наделяется в силу договора или закона, частью или полном объемом процессуальных правомочий доверителя, то есть правом совершения процессуальных действий в интересах лица, участвующего в деле, обоснованно считать представителя субъектом рисковых процессуальных действий.

Иные участники процесса не являются субъектами рисковых процессуальных действий, в силу того, что действия, совершаемые ими в процессе заключаются не в реализации права, а в исполнении обязанностей, отказ от которых влечет за собой не риск наступления неблагоприятных последствий, а меру ответственности.

Подробнее о субъектах процессуального риска и о субъектах рисковых процессуальных действий будет изложено далее в рамках настоящего исследования

Во-вторых, не любое процессуальное действие или бездействие, относящееся к лицам, участвующим в деле, является рисковым, а только те, которые предполагают вариативность процессуального поведения и наступление разных последствий

Например, согласно ст. 41 АПК РФ лица, участвующие в деле, имеют право знакомиться с материалами дела. Не ознакомление с материалами перед началом судебного процесса (особенно по делу, рассматриваемому в течение достаточно длительного срока), может повлечь за собой риск невозможности реализации других, предусмотренных ст. 41 АПК РФ прав, а именно участия в исследовании доказательств, предоставления объяснения арбитражному суду и др., что, в свою

очередь, может привести к отложению судебного процесса или даже к вынесению итогового судебного акта без анализа конструктивной позиции лица, участвующего в деле, относительно тех или иных доказательств, с содержанием которых он не знаком.

Или другой пример. Действующее законодательство предусматривает возможность дистанционного участия в судебном заседании по ходатайству, лиц, участвующих в деле (ст. 153.2 АПК РФ, ст. 155.2 ГПК РФ). Заявляя соответствующее ходатайство, заинтересованное лицо принимает на себя и все процессуальные риски, связанные с таким разбирательством (в том числе риски объективного характера, например, риск отложения дела по причине технических неполадок).

И.Н. Кашкарова отмечает, что «участник процесса несет риски «технологического форс-мажора» в случае, если обстоятельства, ставшие причиной невозможности удаленного участия в судебном заседании, возникли на стороне данного участника процесса»⁵⁹.

Интересно заметить, что такого рода риски прямо прогнозируются в судебной практике. Так, Арбитражный суд Центрального округа в Постановлении от 15.07.2022 № Ф10-4714/2020 по делу № А84-234/2020 указал, что заявляя ходатайство о проведении судебного заседания с использованием системы веб-конференции, участник процесса принимает на себя риски, связанные с вероятностью технической невозможности участвовать в судебном заседании с его стороны (по причине отсутствия в его месте нахождения интернет-соединения, возникновения технических неполадок и т.п.). Негативные последствия принятия лицом процессуального риска неучастия в веб-конференции по причине технических недостатков своего оборудования могут выражаться в признании

---

⁵⁹ Кашкарова И.Н. Процессуальные риски при участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции: первый опыт правоприменения // Закон. 2023. № 4. С. 186.

такого лица уклонившимся от участия в судебном разбирательстве, то есть приравниваться к неявке представителя в судебное заседание⁶⁰.

Участие в процессе путем использования системы видео-конференц-связи представляется менее рискованным в сравнении с веб-конференцией, в связи с тем, что ответственными за подключение при ВКС с обеих сторон выступают суды, а не суд и заявитель соответствующего ходатайства, что очевидно минимизирует риски технического характера, и, как следствие, вышеприведенные процессуальные риски.

В связи с этим, заявляя одно из возможных ходатайств о дистанционном участии в процессе, стороны совершают процессуальное действие, предполагающее выбор варианта поведения: непосредственное участие, дистанционное участие путем использования веб-конференции или путем использования системы видеоконференц-связи, каждое из которых может повлечь разные процессуальные последствия.

В приведенных ситуациях закон предлагает лицу, участвующему в деле, альтернативу поведения – совершать или не совершать процессуальное действие, и, соответственно, самому оценить вероятность наступления неблагоприятных последствий.

Таким образом, под рискованными процессуальными действиями следует понимать действия лиц, участвующих в деле, и их представителей, предполагающие выбор варианта поведения и вероятность наступления разных последствий.

В качестве следующей особенности процессуального риска следует обратить внимание на его взаимосвязь с материально-правовыми рисками.

Процессуальное правоотношение и цивилистический процесс в целом, в нормальном их течении и развитии, всегда складываются в связи и по поводу

---

⁶⁰ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 15.07.2022 года № Ф10-4714/2020 по делу № А84-234/2020 // СПС Консультант плюс.

защиты нарушенного материального права и (или) интереса (ст. 2 ГПК РФ, ст. 2 АПК РФ).

И. В. Решетникова полагает, что «поскольку цивилистический, особенно арбитражный процесс, теснейшим образом взаимосвязан с гражданским и предпринимательским правом, то и риск в процессе отчасти является продолжением риска предпринимательской деятельности»⁶¹.

Соглашаясь с мнением И. В. Решетниковой, считаем необходимым добавить, что в общем виде материально-правовые риски не сводятся исключительно к риску предпринимательской деятельности и имеют место как в обязательственных правоотношениях, в том числе и не между субъектами предпринимательской деятельности (например, споры о защите прав потребителей и пр.), так и в вещных правоотношениях (например, риск случайной гибели имущества и пр.), что подтверждается многочисленными исследованиями в сфере гражданского права⁶².

Таким образом, процессуальные риски в гражданском деле могут быть продолжением риска материального правоотношения, которое легло в основу того или иного спора.

А. В. Юдин подчеркивает, что лицо, принимая на себя риски, сопряженные с вступлением в материальное правоотношение, неизбежно принимает на себя и сопутствующие процессуальные риски, возникающие при отстаивании своих прав в суде в том или в ином качестве. Любой «материальный» риск, по справедливому замечанию ученого, должен проецироваться лицом на потенциально возможный процессуальный риск⁶³.

---

⁶¹ Решетникова И.В. Теория процессуального риска // Закон. 2012. № 6. С. 118.

⁶² См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право: В 2 ч. 1902. - М.: Статут, 1997. Ч. 2. С. 151; Вячеславов Ф.А. Распределение рисков: понятие и значение в гражданском праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право, 2007, № 4. С. 74-91; Афонченко А. Г. Сущность и значение риска как цивилистической категории // Современное право. 2007. № 8. С. 56-60; Потапов А. А. Завещание или рента: способы минимизации риска // Право и политика. 2009. № 2 С. 375-380.

⁶³ Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 44.

Вместе с тем, специфика процессуальных отношений, а именно: императивность судопроизводства, наличие четкой процессуальной формы и регламентации, позволяет сделать вывод о том, что риски в гражданском процессе не исчерпываются материальной составляющей и представляют собой самостоятельную и, в общем, независимую категорию.

Так, Д. Б. Абушенко, обозначая системные направления влияния материального права на гражданский процесс, отмечает, например, что отсутствие как такового спорного материального правоотношения не препятствует возбуждению судебного дела и наделению субъекта, ищущего судебной защиты, статусом истца. То же можно сказать и об ответчике - для возникновения процессуального статуса стороны, привлекаемой к ответу по требованию истца, совершенно неважно, имеется ли вообще какое-то связывающее их материальное правоотношение⁶⁴.

Самостоятельность процессуального риска подтверждается и многочисленными практическими примерами, когда участник процесса, имеющий полный комплект доказательств нарушенного права с точки зрения материальных правоотношений, проигрывает процесс в результате процессуальной ошибки⁶⁵.

Кроме того, все возникающие в ходе судопроизводства процессуальные риски могут привести к вынесению неблагоприятного решения, что в свою очередь является и материально-правовым риском, влияющим на материальное правоотношение.

Принципиальное значение для определения риска в гражданском процессе имеет и характер возможных последствий поведения заинтересованных лиц. Последствия рискованных действий (бездействий) могут быть позитивными (положительными), то есть соответствовать интересам субъекта правоотношения,

---

⁶⁴ Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в гражданском процессе: Монография / Д.Б. Абушенко. – Тверь: Издатель Кондратьев А.Н. 2013. С. 13.

⁶⁵ Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 45.

или негативными (отрицательными), то есть противоречить интересам субъекта и (или) породить неблагоприятный для него результат.

Вероятное наступление отрицательных последствий порождает практический вопрос о необходимости минимизации процессуальных рисков и возможности управления ими. В связи с этим в качестве еще одного признака в понимании процессуального риска необходимо определить его как вероятность наступления именно неблагоприятных последствий.

Кроме того, как отмечалось ранее, риск в различных науках чаще воспринимается именно как категория отрицательная. Обусловлено это тем, что значение исследования риска для каждой науки заключается именно в определении правил и средств управления рисками и их минимизации в целях сокращения неблагоприятных последствий.

Принимая во внимание значение исследования процессуального риска как вероятности наступления именно неблагоприятных последствий, важным представляется провести разграничение между риском и злоупотреблением процессуальным правом, риском и юридической ответственностью, результатом которых также традиционно выступают неблагоприятные последствия для субъекта правоотношения.

Согласно ст. 35 ГПК РФ, ст. 41 АПК РФ лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами.

В общем виде злоупотребление процессуальным правом представляет собой его использование в противоречии с действительным назначением и (или) в целях причинения вреда иному участнику процесса.

В рамках настоящего исследования мы не ставим перед собой задачу определения правовой природы злоупотребления процессуальным правом, вместе с тем анализ действующего законодательства позволят прийти к следующему выводу, имеющему значение для настоящей работы.

Согласно ст. 41 АПК РФ злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные настоящим кодексом неблагоприятные последствия.

К данным неблагоприятным последствиям в силу прямого указания АПК РФ относится возможность отнесения всех судебных расходов по делу на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами (ст. 111 АПК РФ), а также право суда отказать в удовлетворении заявления или ходатайства в случае, если они не были своевременно поданы лицом, участвующим в деле, вследствие злоупотребления своим процессуальным правом (ст. 159 АПК РФ).

ГПК РФ не предусматривает аналогичной ст. 41 АПК РФ нормы, но при этом содержит положения о компенсации за фактическую потерю времени (ст. 99 ГПК РФ), что справедливо относят именно к неблагоприятным последствиям недобросовестного процессуального поведения⁶⁶. Кроме того, судебная практика идет по пути расширительного толкования положений ч. 1 ст. 35 ГПК РФ и допускает возможность отказа в признании понесенных истцом судебных издержек разумными и необходимыми полностью или в части, в случае установления факта злоупотребления процессуальным правом⁶⁷.

Кроме того, в силу п. 3 ст. 11 ГПК РФ считаем возможным применение в гражданском процессе по аналогии и положений ст. 159 АПК РФ.

Изложенное позволяет утверждать, что лица, участвующие в деле, несут риск признания совершаемых ими действий (бездействий) недобросовестными, при этом недобросовестное поведение участника процесса закономерно влечет за собой неблагоприятные последствия, предусмотренные законом, а не риск их наступления.

---

⁶⁶ См.: Батурина Н.А. Некоторые причины неэффективности нормы процессуального закона о взыскании компенсации за фактическую потерю времени // Российский судья. 2022. № 6. С. 9 - 14.

⁶⁷ См.: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2021 года № 88-18176/2021 // СПС Консультант плюс; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2022 № 88-24009/2022 // СПС Консультант плюс.

Иными словами недобросовестное процессуальное поведение нельзя рассматривать в качестве процессуального риска.

Также необходимо провести разграничение между процессуальным риском и юридической ответственностью.

Юридическая ответственность по своей сути представляет реакцию государства на противоправное, незаконное поведение виновного лица, которая выражается в применении к последнему мер государственного принуждения. Процессуальный риск, в свою очередь, является следствием совершения заинтересованным лицом законных действий (бездействий), представляет собой результат выбранной процессуальной модели поведения участника правоотношений. То есть процессуальный риск – это результат правомерных (законных) действий (бездействий) заинтересованного лица, а юридическая ответственность – результат неправомерных (незаконных) действий (бездействий) субъекта правоотношения.

Из этого следует, что процессуальный риск в цивилистическом процессе не может рассматриваться и в качестве меры ответственности.

Выявленные особенности процессуального риска позволяют сформулировать следующее понятие.

Под процессуальным риском в гражданском и арбитражном судопроизводстве предлагается понимать вероятное наступление именно *неблагоприятных* последствий для лица, участвующего в деле, в результате совершения (несовершения) им и иными участниками процесса *правомерных* процессуальных действий. Неблагоприятные последствия могут быть как материально-правовыми, так и процессуальными.

2.3. Классификация процессуальных рисков

В параграфе первом настоящей главы был проведен анализ исследуемой категории через призму смежных с правом наук, в том числе приведены классификации рисков, выделяемые в других отраслях знаний.

На необходимость выделения собственных классификаций юридических рисков в зависимости от отраслевой принадлежности уже обращено внимание в правовой науке⁶⁸.

В связи с этим, опираясь на предшествующий анализ, представляется необходимым выделить собственные для цивилистического процесса классификации риска, способные раскрыть специфику данной категории и расширить теоретическое и практическое понимание «риска» в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

1. Допроцессуальные и непосредственно процессуальные риски.

В части предыдущего исследования был сделан вывод о том, что риск присущ гражданским и арбитражным процессуальным правоотношениям и всегда является следствием совершения рискованных процессуальных действий в ходе производства по гражданским делам.

Вместе с тем понимание процессуального риска не должно ограничиваться рамками непосредственно судопроизводства.

В настоящее время стороны спора наделены возможностью совершения ряда процессуальных действий (т.е. действий, прямо предусмотренных нормами процессуального права) до обращения в суд.

Совершение некоторых процессуальных действий, в случаях прямо предусмотренных законом, является сегодня предпосылкой обращения за судебной защитой.

К таким действиям относится соблюдение претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора.

Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 года № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» под досудебным урегулированием следует, в том числе, понимать деятельность сторон

---

⁶⁸ Крючков Р.А. Риск в праве: генезис, понятие и управление Автореф. дис. ... к-та юрид. наук. – Нижний Новгород, 2011. С. 8.

спора до обращения в суд, осуществляемую ими самостоятельно (переговоры, претензионный порядок) либо с привлечением третьих лиц (например, медиаторов, финансового уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг)⁶⁹.

В определенных законом или договором случаях претензионный или иной досудебный порядок урегулирования спора является обязательным и его несоблюдение влечет процессуальные последствия.

К допроцессуальным рискам можно отнести и пропуск срока исковой давности (ст. 199 Гражданского кодекса РФ⁷⁰ (далее – ГК РФ)), последствием которого является отказ в удовлетворении заявленных исковых требований (при наличии заявления противоположной стороны об этом) без исследования других обстоятельств дела⁷¹, а также отказ стороны от предварительного обеспечения доказательств.

Так, например, заинтересованное лицо, которое полагает, что необходимые для судебной защиты его прав доказательства могут оказаться впоследствии недоступными, может обратиться к нотариусу с заявлением об обеспечении доказательств⁷² или с заявлением о предварительном обеспечении доказательств в порядке ч. 4 ст. 72 АПК РФ в арбитражный суд. При удовлетворении данного заявления арбитражный суд устанавливает заявителю срок в течение которого он должен предъявить иск по существу спора⁷³.

---

⁶⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 года № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // www.vsrfl.ru (дата обращения 02.09.2022 года).

⁷⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) (в ред. от 16.04.2022 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2022. – № 9 (ч. I). – Ст. 1252.

⁷¹ п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 года № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // www.vsrfl.ru (дата обращения 02.05.2023 года).

⁷² Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 года № 4462-1 (ред. от 28.12.2022 года) // СПС Консультант плюс.

⁷³ См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 07.07.2004 года № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» // СПС Консультант плюс.

Актуальность применения предварительного обеспечения доказательств обусловлена, в том числе, широким использованием информационных ресурсов, сведения с которых могут быть удалены, что нашло отражение и в судебной практике⁷⁴.

Предварительное обеспечение доказательств позволяет лицу, чье право нарушено, минимизировать неблагоприятные последствия, связанные с доказыванием обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения спора судом, а, следовательно, отказ от данной возможности представляет собой допроцессуальный риск.

Таким образом, можно говорить о наличии допроцессуального риска, который существует до вступления стороны в классическое процессуальное правоотношение, но поскольку влечет процессуальные последствия, то тоже является разновидностью процессуального риска.

2. Общие и специальные риски.

В зависимости от правового статуса субъекта, совершающего рисковое действие, представляется также обоснованным разделить риски в цивилистическом процессе на общие и специальные.

При этом под общим процессуальным риском следует понимать вероятность наступления неблагоприятных последствий в результате совершения таких процессуальных действий, которые вправе совершать все лица, участвующие в деле.

Примером такого риска может быть заявление немотивированного ходатайства о приобщении к материалам дела доказательств, и, как следствие, вероятность последующего отказа в его удовлетворении, необходимость заявления уже мотивированного ходатайства повторно или несовершение такого процессуального действия, как своевременное ознакомление с протоколом

---

⁷⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа Московского округа от 02.11.2009 года № КГ-А40/11299-09 по делу № А40-14138/09-5-163 // СПС Консультант плюс; Апелляционное определение Московского городского суда от 28.01.2013 года № 11-2745 // СПС Консультант плюс.

судебного заседания и последующая невозможность представления на него замечаний.

Под специальным процессуальным риском следует понимать вероятность наступления неблагоприятных последствий таких процессуальных действий, совершение которых возможно только строго определенными субъектами процессуального правоотношения.

Так, например, встречный иск может быть предъявлен только ответчиком по делу, а ходатайство о частичном отказе от заявленных исковых требований – только истцом, следовательно, процессуальные риски совершения данных действий будут специальными, то есть присущими строго определенным законом участникам судопроизводства.

3. Риск совершения и несовершения процессуальных действий.

Цивилистический процесс основывается на фундаментальном принципе диспозитивности, предоставляющем заинтересованным лицам как право выбора действий в рамках процессуальной формы, так и возможность бездействовать.

Е.В. Васьковский отмечал, что отличительная черта гражданских прав состоит в том, что они предоставлены в полное распоряжение своих обладателей. Из этой автономии вытекают следующие последствия: обладателю права предоставляется определять размер требуемой защиты, он может свободно распоряжаться им во время процесса и в его свободном распоряжении должны находиться процессуальные средства, которые ведут к достижению поставленной цели (обладатель права волен начать дело, не начинать его, прекратить в любой момент и т.д.)⁷⁵.

Процессуальный закон также говорит нам о риске наступления неблагоприятных последствий в результате совершения или несовершения процессуальных действий лицами, участвующими в деле (п. 2 ст. 9 АПК РФ).

---

⁷⁵ Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. - М.: Статут, 2016. С. 343-345.

В связи с тем, что риск, с субъективной точки зрения, всегда является продолжением действия и (или) бездействия участника процесса, обоснованно выделить активный и пассивный риск или иными словами риски действия и бездействия лиц, участвующих в деле.

Как отмечается в судебных актах, «бремя правовых последствий действия или бездействия стороны лежит на последней»⁷⁶.

Указанная классификация имеет, прежде всего, практическое значение, поскольку заинтересованные лица должны в полной мере осознавать, что пассивное процессуальное поведение, наравне с активным, может повлечь за собой неблагоприятные процессуальные последствия.

На неблагоприятные последствия бездействия лиц, участвующих в деле, обращено внимание и в судебной практике.

Например, Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 15.12.2020 № 16АП-3613/2020 по делу № А63-8251/2020 указал, что из смысла статей 9, 65, 70 АПК РФ следует, что каждая из сторон вправе... заняв пассивную позицию, ограничиться общим непризнанием правильности позиции оппонента. В последнем случае сторона принимает на себя риски наступления негативных последствий собственного процессуального бездействия, поскольку добровольно отказывается от доказывания тех обстоятельств, на которых базируется ее позиция⁷⁷.

В Постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.12.2020 № С01-1728/2020 по делу № СИП-832/2020 подчеркивается, что рассуждения истца о том, что требуемые документы он стал собирать лишь после подачи искового заявления и получения определения об оставлении его без движения, являются его собственным выбором, к ним подлежит применению часть

---

⁷⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 28.05.2020 года по делу № 33-18334/2020 // СПС Консультант плюс; Апелляционное определение Московского городского суда от 20.01.2022 года по делу № 33-2207/2022 // СПС Консультант плюс.

⁷⁷ Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2020 года № 16АП-3613/2020 по делу № А63-8251/2020 // СПС Консультант плюс.

2 статьи 9 АПК РФ, согласно которой лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий⁷⁸.

4. Первичный и вторичный процессуальные риски.

Как указывалось ранее, процессуальный риск влечет за собой вероятность наступления неблагоприятных последствий для лиц, участвующих в деле.

Но, не всегда неблагоприятные последствия наступают непосредственно для лица, совершившего рисковое процессуальное действие.

Например, истцом заявлено ходатайство об отложении судебного разбирательства по причине необходимости предоставления дополнительных документов, при этом истец несет риск отказа в удовлетворении данного ходатайства судом. Ходатайству истца корреспондирует право ответчика представить свои возражения против его удовлетворения. Возражая против удовлетворения данного ходатайства, ответчик также вынужден совершить рисковое процессуальное действие либо отказаться от его совершения, но получив при этом вероятность наступления неблагоприятных последствий в результате бездействия.

В приведенной ситуации заявление ходатайства истцом будет представлять собой первичный (равно первоначальный) риск, а представление (или) не представление возражений на данное ходатайство ответчиком – вторичный, то есть риск, которого не было бы без совершения первоначального рискового процессуального действия истцом.

Таким образом, первичный и вторичный процессуальные риски можно определить следующим образом.

Первичный риск – это риск, наступающий для лица, участвующего в деле, непосредственно в результате совершения им рискового процессуального действия (или отказа от его совершения).

---

⁷⁸ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.12.2020 года № С01-1728/2020 по делу № СИП-832/2020 // СПС Консультант плюс.

Вторичный риск – это риск, возникающий в результате реакции лица, участвующего в деле, на первоначальное рискованное процессуальное действие.

При этом, вторичный риск может быть следствием как действий оппонента, как в описанном выше примере, так и собственных действий участника процесса.

Так, например, подавая заявления об ознакомлении с протоколом судебного заседания, лицо, участвующее в деле, совершает рискованное процессуальное действие (данное действие альтернативно и предполагает несколько вариантов последствий), результатом которого логично может стать необходимость совершения еще одного рискованного процессуального действия – представление замечаний относительно полноты и правильности составления протокола.

5. Риски, связанные с движением дела.

В параграфе 1 настоящего исследования указывалось на возможность применения в гражданском процессе деления рисков на макрориски и микрориски по аналогии с классификацией, предложенной учеными - политологами.

При этом отмечалось, что содержание понятий макрориска и микрориска применительно к гражданскому процессу должно определяться не относительно процессуального права в целом, а относительно производства по отдельному гражданскому делу.

Учитывая то, что гражданскому процессу присущ длящийся характер, представляется обоснованным выделить промежуточные риски (микрориски) и конечный риск (макрориск).

Макрориск или конечный риск в гражданском процессе представляет собой риск проигрыша дела, то есть не получения решения суда, соответствующего интересам участника процесса.

Микрориск – вероятность наступления неблагоприятных последствий в результате совершения или несоблюдения отдельных процессуальных действий.

Наличие в гражданском и арбитражном судопроизводстве конечного риска и промежуточных рисков позволяет прийти к выводу, что сам процесс (как

производство по конкретном гражданском делу) является риском, что имеет свое основание в правовой природе цивилистического процесса, основой которого является состязательность.

Кроме того, как мы уже обращали внимание, все промежуточные риски по ходу процесса являются процессуальными и ведут к конечному процессуальному риску – вынесению неблагоприятного решения, который в свою очередь является и материально-правовым, влияющим на материальное правоотношение.

Практическое значение предлагаемого деления заключается в том, что вступая в процессуальное правоотношение заинтересованные лица должны в полной мере осознавать и предвидеть вероятность наступления для них как промежуточных неблагоприятных последствий, так и вероятность проигрыша дела или иначе, по смыслу приведенной нами в параграфе 1 настоящего исследования, теории перспектив, возможность прогнозирования вероятности событий перед совершением того или иного действия, имеющего процессуально- правовые последствия.

Теоретическое значение предложенной классификации заключается в возможности продолжения исследования процессуального риска по отдельным его видам. Практическое значение выделения различных видов процессуальных рисков позволяет лицам, участвующим в деле, предвидеть конкретные риски, осознавать вероятное наступление неблагоприятных последствий от собственного и чужого процессуального поведения.

ГЛАВА 2. ВОЗМОЖНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ РИСКОМ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1. Субъекты процессуального риска и совершения (несовершения) рискованных процессуальных действий

В главе первой настоящей работы обосновывался вывод о том, что -избрание для дальнейшего исследования дуалистического (субъективно - объективного) подхода к пониманию процессуального риска наиболее соответствует его природе.

Также был сформулирован вывод о наличии в гражданских и арбитражных процессуальных правоотношениях рискованных процессуальных действий, обладающих следующими отличающими их от иных процессуальных действий признаками:

- рискованные процессуальные действия могут быть совершены лицами, участвующими в деле и их представителями;
- рискованные процессуальные действия предполагают выбор поведения и разные последствия.

В настоящем параграфе перейдем к подробному рассмотрению субъектов процессуального риска и субъектов рискованных процессуальных действий.

1. Суд.

Характеристика субъектов процессуального риска не может быть дана без учета особенностей правоотношений, в рамках которых он возникает.

Особенностью цивилистических процессуальных правоотношений является их «авторитарность»⁷⁹. Как отмечает В. В. Ярков, вне судебной деятельности процессуальные отношения по общему правилу не возникают и существовать не могут. Любые правоотношения участников цивилистического процесса,

---

⁷⁹ Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. I. История гражданского процессуального права. Специфика гражданских процессуальных правоотношений. - Москва : Проспект, 2017. С. 223

возникающие в ходе рассмотрения дела, так или иначе, опосредуются судебной деятельностью⁸⁰.

Общепризнано, что основным и главенствующим субъектом гражданского (арбитражного) процессуального правоотношения является суд.

В связи с этим логично применительно к субъектам процессуального риска и рискованных процессуальных действий начать анализ с характеристики суда как основного субъекта гражданских (арбитражных) процессуальных правоотношений.

А. В. Юдин утверждает, что субъектами риска выступают все субъекты процесса, в том числе и орган судебной власти, обращая внимание на то, что в литературе выделяют отдельно понятие правоприменительного риска⁸¹.

Правоприменительный риск определяется В. В. Мамчун как возможность наступления неблагоприятных изменений в статусе субъектов, связанных с реализацией рискованного правоприменительного решения⁸². То есть правоприменительный риск представляет собой результат действия и (или) бездействия конкретного должностного лица в рамках возложенных на него должностных полномочий (в данном случае правоприменительных).

Полагаем, что подход, объединяющий правоприменительные и процессуальные риски является необоснованно широким, искажающим понятие процессуального риска исходя из буквального толкования ст. 9 АПК РФ и общего смысла процессуального закона, основывающегося на началах диспозитивности и состязательности.

Риск в цивилистическом процессе - это всегда вероятность наступления неблагоприятных последствий для лиц, участвующих в деле, в результате совершения (несовершения) рискованных процессуальных действий. При этом модель

---

⁸⁰ Юридические факты в цивилистическом процессе/ В.В. Ярков. - М.: Инфотропик Медиа, 2012, С. 39.

⁸¹ Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса, 2014. № 5. С. 40.

⁸² Мамчун В.В. Правоприменительный риск: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999. С. 16.

процессуального поведения (совокупность совершаемых действий и (или) бездействия) лиц, участвующих в деле, неразрывно связана с характером их процессуальной и материально-правовой заинтересованности в деле.

Суд, как орган государственной власти, выступает субъектом процессуальных правоотношений, наделенным властными полномочиями по рассмотрению и разрешению гражданских дел на началах беспристрастности и объективности, то есть лишенным какой-либо заинтересованности в исходе дела, помимо надлежащего выполнения возложенных на него законом полномочий. Интерес суда в процессе сводится исключительно к принятию законного и обоснованного судебного акта, а, следовательно, риском суда является только вероятность принятия судебного акта, противоречащего требованиям действующего законодательства. Полагаем, что принятие незаконного судебного акта не соответствует признакам процессуального риска, а является риском публичным, выходящим за пределы процессуальных отношений, и потому не подлежащим исследованию в данной работе.

Таким образом, суд, с нашей точки зрения, не может признаваться субъектом процессуального риска и рискованных процессуальных действий в гражданском и арбитражном судопроизводстве, а понятия процессуального и правоприменительного риска не должны отождествляться.

2. Лица, участвующие в деле.

В силу прямого указания процессуального закона (ч.2 ст.9 АПК РФ), именно лица, участвующие в деле, несут риск наступления неблагоприятных последствий совершения или несовершения процессуальных действий.

Данные участники гражданского и арбитражного судопроизводства в равной степени несут риск совершения или несовершения общих процессуальных действий (прав), перечисленных в ст. 35 ГПК РФ, ст. 41 АПК РФ.

Вместе с тем статус лиц, участвующих в деле, неоднороден. Поэтому процессуальный риск каждого из них может иметь свою специфику в зависимости

от правового положения того или иного лица, характера его юридической заинтересованности.

2.1. Стороны.

Участие сторон в предшествующем процессу спорном материально-правовом отношении отличает их от иных лиц, участвующих в деле, так как юридический их интерес в деле носит как процессуальный, так и материально – правовой характер, что непосредственно влияет и на степень процессуальных рисков истца и ответчика.

Очевидно, что стороны в процессе несут как промежуточные риски, являющиеся следствием совершения отдельных процессуальных действий, так и конечный риск – риск вынесения судом неблагоприятного для той или иной стороны решения, который в свою очередь является и материально-правовым.

Уязвимость положения истца и ответчика в деле подчеркивается тем, что преимущественно именно они несут основные процессуальные риски, к которым, как мы уже упоминали ранее, относятся риск проигрыша дела, риск неисполнения судебного акта и риск несения судебных расходов, при этом их риски носят не только формально – процессуальный характер, но и претворяются в жизнь в виде утраченного блага, возложенной обязанности и т.п.

Иными словами, истец и ответчик несут не только процессуальные, но и материальные риски. В связи с этим именно для них является наиболее актуальной возможность минимизации собственных рисков и управления ими.

2.2. Третьи лица.

Процессуальный закон разграничивает третьих лиц на заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора и не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора.

Представляется обоснованным отдельно проанализировать указанные виды третьих лиц в отношении их возможности быть субъектом процессуального риска.

Как верно отмечается в литературе, третье лицо, заявляющее самостоятельные требования, вступает в процесс, потому что считает спорное право принадлежащим ему, а не истцу или ответчику⁸³.

В силу своего процессуального статуса, аналогичного статусу истца, третьи лица, заявляющие самостоятельные требования, имеют как процессуальный, так и материально-правовой интерес в деле, противоположный интересу как истца, так и ответчика.

Данный тезис не только признается в теории, но и подтверждается практикой. Так, материально-правовой интерес третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, не совпадает по содержанию с материально-правовым интересом истца и ответчика, то есть третье лицо заинтересовано в таком материально-правовом разрешении спора, которое исключает удовлетворение притязаний как истца, так и ответчика⁸⁴.

ГПК РФ в ст. 42 и АПК РФ в ст. 50 закрепляют, что третьи лица, заявляющие самостоятельные требования, пользуются всеми правами и несут все обязанности истца, за исключением обязанности соблюдения претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора.

Изложенное свидетельствует, что третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, являются субъектами процессуального риска наравне со сторонами, а, следовательно, несут промежуточные процессуальные риски и конечный процессуальный риск и могут претерпевать как процессуально - правовые, так и материально - правовые неблагоприятные последствия совершения или несовершения ими рискованных процессуальных действий.

Правовой статус третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, исходя из положений ст. 43 ГПК РФ и ст. 51 АПК

---

⁸³ Субочева Е.В. Субъекты представления доказательств в гражданском процессе // Администратор суда. 2019. № 1. С. 51.

⁸⁴ См., например: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.02.2021 года № 09АП-78679/2020 по делу № А40-340292/2019 // СПС Консультант плюс.

РФ, существенно отличается от правового статуса третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования.

Так, третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, могут вступить в дело на стороне истца или ответчика до принятия судом первой инстанции судебного постановления по делу, если оно может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон.

Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований, участвуют в процессе на стороне истца или ответчика в целях защиты своих собственных интересов, в связи с возможностью предъявления к нему в будущем исковых требований стороной спора (например, регрессного требования) либо в связи с иной юридической заинтересованностью в исходе дела.

Как писал Г.А. Жилин, третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, разделяют бремя доказывания с тем участником процесса, на стороне которого выступают, тем самым обеспечивая себе защиту на будущее⁸⁵.

Следовательно, одним из основных неблагоприятных последствий данного участника судопроизводства является вероятность установления решением суда преюдициальных фактов, не соответствующих интересам данного лица, что в последующем может повлиять на исход иного дела.

В аспекте исследования процессуальных рисков третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования, интересным представляются положения о возможности взыскания в их пользу судебных расходов, что в настоящее время прямо закреплено в процессуальных законах (ст. 98 ГПК РФ, ст. 110 АПК РФ).

Согласно п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» судебные издержки, понесенные третьими лицами, участвовавшими в деле на стороне, в пользу которой принят

---

⁸⁵ Жилин Г.А. Суд первой инстанции в гражданском процессе: Учебно-практическое пособие - М.: Юрайт-М, 2001. С. 19.

итоговый судебный акт по делу, могут быть возмещены этим лицам исходя из того, что их фактическое процессуальное поведение способствовало принятию данного судебного акта⁸⁶.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 21.01.2019 года № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 112 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан Н.А. Баланюк, Н.В. Лаврентьева, И.В. Попова и В.А. Чернышева»⁸⁷ указано, что возможность возместить понесенные третьими лицами, не заявляющими самостоятельных требований относительно предмета спора, судебные издержки, в том числе расходы на оплату услуг представителя, связывается с тем, способствовало ли их процессуальное поведение принятию судебного акта в пользу стороны, на которой они выступали.

Из этого следует, что возмещение судебных расходов в пользу третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, напрямую зависит от его процессуального поведения, действий, помощи стороне и пр.⁸⁸

Не совершая активные действия, направленные на защиту правовой позиции стороны, третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований, несет процессуальный риск отказа в удовлетворении ходатайства о возмещении судебных издержек.

Процессуальным риском третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, является также вероятность наступления неблагоприятных последствий в случае обжалования судебного акта и

---

⁸⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // www.vsrif.ru (дата обращения 13.02.2023 года).

⁸⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2019 года № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 112 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан Н.А. Баланюк, Н.В. Лаврентьева, И.В. Попова и В.А. Чернышева» // www.pravo.gov.ru (дата обращения 13.02.2023 года).

⁸⁸ См.: Определение Верховного Суда РФ от 09.02.2022 года № 304-ЭС21-27845 по делу № А45-34248/2019 // www.legalacts.ru (дата обращения 13.02.2023 года); Определение Верховного Суда РФ от 07.10.2021 года № 305-ЭС21-17944 по делу № А41-31824/2020 // www.legalacts.ru (дата обращения 13.02.2023 года).

последующего отказа в удовлетворении жалобы; в виде обязанности возмещения судебных издержек, понесенных иными лицами, участвующими в деле, в связи с рассмотрением данной жалобы (п. 5 ст. 98 ГПК РФ, п. 5.2 ст. 110 АПК РФ).

Приведенные выше примеры указывают на то, что третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, являются субъектами процессуального риска и могут претерпевать неблагоприятные процессуальные последствия, в следствие совершаемых и (или) несовершаемых ими процессуальных действий.

2.3. Прокурор, государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы и организации, граждане, обратившиеся в суд в случаях, предусмотренных законом.

Процессуальное положение прокурора, как лица, участвующего в деле, отличается от процессуального положения других участвующих в деле лиц, что обусловлено целью защиты данным субъектом интересов других лиц в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства.

Процессуальное законодательство в настоящее время закрепляет две формы участия прокурора в гражданском процессе:

возбуждение гражданского дела путем обращения с заявлением в суд;
вступление в уже начатый процесс.

В первом случае «прокурор занимает в деле положение истца, но только в процессуальном смысле»⁸⁹, поскольку он не является субъектом спорного материального правоотношения, но, вступая в процесс, приобретает равные с иными участниками процессуальных правоотношений права, а также распорядительные права истца за исключением права на заключение мирового соглашения.

---

⁸⁹ Гражданский процесс: Учебник / под ред. М.С. Шакарян. – М.: Юридлит., 1993. С. 107.

Следует отметить, что процессуальные действия прокурора могут оказывать непосредственное влияние на процессуальные риски лица, в интересах которого прокурор обратился в суд.

Так, например, при отказе прокурора от заявления, поданного в защиту интересов другого лица, рассмотрение дела по существу продолжается, если это лицо не заявит об отказе от иска, что влечет за собой возникновение для истца, являющегося субъектом материально-правового правоотношения, процессуального риска продолжения процесса при самостоятельной защите нарушенного права или отказа от ранее заявленных прокурором требований.

Неблагоприятные последствия для стороны могут наступить и в результате предъявления прокурором недостаточно мотивированного искового заявления и (или) несовершения прокурором всех необходимых процессуальных действий.

Примером может быть отказ в удовлетворении иска в связи с недоказанностью прокурором, как процессуальным истцом, всех необходимых обстоятельств по делу.

При этом материально-правовые последствия и процессуально-правовые последствия совершения и (или) несовершения прокурором процессуальных действий в совокупности возлагаются на лицо, в интересах которого прокурор обращается в суд.

Можно заключить, что при обращении прокурора в суд с заявлением от своего имени, но в интересах других лиц, он является субъектом совершения рискованных процессуальных действий, поскольку наделен общими и специальными процессуальными правомочиями, реализация которых может повлечь для стороны материального правоотношения («материального истца») как материально-правовые, так и процессуально-правовые неблагоприятные последствия.

Вместе с тем, особенность процессуального положения прокурора в гражданском и арбитражном судопроизводстве заключается и в том, что он выступает в интересах иного лица, но от своего имени. Совершая процессуальные действия или отказываясь от их совершения прокурор несет процессуальные риски,

о чем прямо говорит закон, определяя в ст. 9 АПК РФ в качестве субъектов процессуального риска всех лиц, участвующих в деле, без исключения.

Примером процессуального риска прокурора может быть взыскание судебных расходов стороны, в пользу которой принят судебный акт, за счет казны Российской Федерации, в том случае, если по результатам рассмотрения арбитражным судом заявления прокурора принято решение об отказе в удовлетворении требований прокурора (часть 1 статьи 110 АПК РФ)⁹⁰.

Вторая форма участия прокурора в цивилистическом процессе представляет собой вступление в уже начатый процесс в случаях установленных процессуальным законом.

ГПК РФ устанавливает, что целью вступления прокурора в уже начатый процесс является дача заключения по делу (ст. 45 ГПК РФ).

АПК РФ, в свою очередь, предусматривает право прокурора по определенным категориям дел вступить в дело, рассматриваемое арбитражным судом, на любой стадии арбитражного процесса с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле, в целях обеспечения законности (ст. 52 АПК РФ).

В отличие от первой формы участия прокурора в процессе, где цели и задачи данного должностного лица более чем ясны, вторая форма участия вызывает вопросы относительно необходимости ее существования в гражданском и арбитражном судопроизводстве⁹¹.

Не ставя перед собой задачи полноценного анализа данной формы участия прокурора в цивилистическом процессе, считаем необходимым в целях настоящего

---

⁹⁰ п. 15 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.03.2012 года № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» // СПС Консультант плюс.

⁹¹ См.: Каллистратова Р.Ф., Приходько И. А., Пацация М. Ш. Прокурор в арбитражном и гражданском процессах: актуальные проблемы законодательного регулирования // Материалы II науч.-практ. конф. «Принципы гражданского процессуального права, их реализация в проекте ГПК России». Тверь, 2000. С. 33; Сухорукова О. А. О некоторых направлениях оптимизации целей и форм участия прокурора в гражданском судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 132–139.

исследования проанализировать вступление прокурора в уже начатый процесс в аспекте процессуального риска.

Как справедливо отмечает О.А. Сухорукова, «прокурор, вступая в дело для дачи заключения, руководствуется публичным интересом государства в осуществлении общего надзора, тогда как само это дело возбуждено в частном интересе, и последний, без сомнения, должен главенствовать. В этом смысле само присутствие в процессе прокурора только с этой, в общем, нетипичной для гражданского судопроизводства целью является неуместным»⁹².

При вступлении в гражданский процесс с целью дачи заключения по делу или в арбитражный процесс в целях обеспечения законности прокурор вправе совершать общие процессуальные действия лиц, участвующих в деле (например, заявление ходатайств, ознакомление с материалами дела и пр.), которые можно расценивать в качестве объективно рискованных, влекущих последствия для иных лиц, участвующих в деле.

Вместе с тем специальное полномочие прокурора в форме дачи заключения само по себе не может быть отнесено к процессуальному риску с точки зрения ранее обоснованного тезиса о том, что рискованным действием является только такое действие, которое предполагает вариативность поведения. В данном случае у прокурора нет выбора давать или не давать заключение по делу. Однако процессуальные последствия данного действия (как материально-правовые, так и процессуально-правовые) несут стороны по делу (а также третьи лица, если они были привлечены к участию в деле), являющиеся одновременно сторонами спорного материального правоотношения.

Федеральным законом от 07.10.2022 № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и

---

⁹² Сухорукова О. А. О некоторых направлениях оптимизации целей и форм участия прокурора в гражданском судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 134.

статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»⁹³ перечень дел, по которым возможно участие прокурора в целях дачи заключения по делу в гражданском процессе и в целях обеспечения законности в арбитражном процессе был расширен, в том числе закреплено право прокурора вступить в уже начавшийся процесс по своей инициативе или по инициативе суда при рассмотрении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, ходатайства о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда и иностранного арбитражного решения.

Полагаем, что с обоснованностью данных изменений в полной мере согласиться нельзя. На наш взгляд, расширение категорий дел, по которым обязательно участие прокурора, может привести к увеличению процессуальных рисков для иных лиц, участвующих в деле, при совершении прокурором процессуальных действий, обладающих рисковым характером.

В настоящее время реальные средства защиты сторон от рисков действий прокурора при производстве по гражданским делам отсутствуют. Единственная возможность минимизировать процессуальные риски для иных лиц, участвующих в деле, - дать пояснения суду относительно доводов данного должностного лица, однако вряд ли это можно считать равнозначным и достаточным средством.

В контексте необходимости минимизация процессуальных рисков объективного характера нельзя не согласиться с обоснованным заключением Сухоруковой О.А. о том, что «целесообразным представляется не расширение перечня дел, которые надлежит рассматривать с участием прокурора, ..., а его существенное сокращение, а в идеале и полный отказ от этой формы»⁹⁴.

---

⁹³ Федеральный закон «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» от 07.10.2022 № 387-ФЗ (в ред. от 07.10.2022 г.) // Российская газета, № 229, 11.10.2022.

⁹⁴ Сухорукова О. А. О некоторых направлениях оптимизации целей и форм участия прокурора в гражданском судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 138.

Аналогично прокурору, субъектами процессуального риска и субъектами совершения рискованных процессуальных действий выступают и органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации или граждане при обращении в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, в случаях, установленных законом (ст. 46-47 ГПК РФ, ст. 53 АПК РФ).

3. Иные участники гражданского процесса.

К иным участникам гражданского процесса относятся лица, содействующие осуществлению правосудия (свидетели, эксперты, специалисты, переводчики и иные) и представители лиц, участвующих в деле.

3.1. Лица, содействующие осуществлению правосудию.

Процессуальный закон не относит данных участников к субъектам процессуального риска, что объясняется отсутствием у них как материально-правового, так и процессуального интереса в деле.

Лица, содействующие осуществлению правосудия, привлекаются в процесс для выполнения определенных процессуальных обязанностей, нарушение которых может повлечь применение в отношении них мер ответственности.

Например, в соответствии со ст. 168 ГПК РФ в случае, если вызванный свидетель, эксперт, специалист, переводчик не явился в судебное заседание по причинам, признанным судом неуважительными, он может быть подвергнут судебному штрафу.

До допроса свидетеля председательствующий предупреждает его об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний (ст. 176 ГПК РФ).

Указанные субъекты не обладают правом выбора совершения или не совершения процессуальных действий по своему усмотрению, соответственно, не могут являться субъектами процессуального риска.

Однако их действия и (или) бездействие, влекущие в определенных случаях для них меры ответственности, могут оказывать непосредственное влияние на процессуальные риски лиц, участвующих в деле.

Например, неявка свидетеля, влечет за собой для стороны, ходатайствующей о вызове данного свидетеля, необходимость сбора и предоставления суду дополнительных доказательств, возможные риски заявления ходатайств об истребовании доказательств судом, приобщении новых доказательств и т.д.

Важно отметить, что и правомерные действия лиц, содействующих правосудию, нельзя считать рисковыми, поскольку они не предполагают альтернативы, но при этом также могут оказывать влияние на степень процессуальных рисков лиц, участвующих в деле.

Так, например, предоставление свидетелем убедительной информации в полном объеме создает для противоположной стороны необходимость совершения дополнительных процессуальных действий в целях усиления позиции по делу.

Отказ эксперта от ответа на поставленный перед ним определением суда вопрос по причине отсутствия технической или любой иной возможности проведения исследования в данной части, влечет за собой необходимость заявления стороной ходатайства о проведении повторной экспертизы, что также порождает дополнительные процессуальные риски для участников спора.

Действия лиц, содействующих правосудию, могут повлечь за собой необходимость совершения сторонами и иными лицами, участвующими в деле, дополнительных рискованных процессуальных действий, что в итоге может повлечь наступление неблагоприятных последствий для субъектов процессуального риска.

Отдельно стоит сказать о помощнике судьи и секретаре судебного заседания, как о лицах, содействующих осуществлению правосудия и обладающих при этом должностными полномочиями⁹⁵.

---

⁹⁵ Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права / М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. Кафедра гражд. процесса. – Москва. 1970. С. 13.

Г.А. Жилин отмечает, что данные должностные лица совершают процессуальные действия, которые в совокупности с правоприменительными действиями суда порождают возникновение, изменение и прекращение гражданского процессуального правоотношения⁹⁶.

В настоящее время помощник судьи и секретарь судебного заседания отнесены к лицам, содействующим правосудию (ст. 47.1 ГПК РФ, ст. 54, 58 АПК РФ).

Данные субъекты, также как и суд, не имеют юридической заинтересованности в деле⁹⁷, а, следовательно, не могут быть субъектами процессуального риска.

Вместе с тем, характер полномочий данных должностных лиц позволяет говорить о том, что их действия (бездействие) могут в той или иной степени влиять на степень процессуальных рисков участников процесса, наделенных юридической заинтересованностью в деле.

Очевидным примером такого влияния является неполнота (и) или неточность при составлении протокола судебного заседания (ст. 230 ГПК РФ, ст. 155 АПК РФ), что влечет за собой необходимость совершения лицами, участвующими в деле дополнительных процессуальных действий по предоставлению замечаний на протокол, а, следовательно, дополнительные процессуальные риски, а также процессуальные риски отказа от совершения процессуального действия по заявлению ходатайства об ознакомлении с материалами дела и, как следствие, невозможность, например, в ходе пересмотра дела в апелляционном порядке ссылаться на определенные обстоятельства, не отраженные в протоколе судебного заседания.

3.2. Представители.

Как мы уже неоднократно указывали ранее, субъектами процессуального риска, согласно ч. 2 ст. 9 АПК РФ, являются только лица участвующие в деле, что

---

⁹⁶ Жилин Г.А. Суд первой инстанции в гражданском процессе. М.: Юрайт, 2001. С. 15.

⁹⁷ Федулова С.Н. Секретарь судебного заседания в гражданском процессе // Администратор суда. 2013. № 1. С. 25

обусловлено наличием у них материально – правового и (или) процессуального интереса в исходе дела.

Представители в силу прямого указания АПК РФ относятся к иным участникам процесса.

ГПК РФ прямо не относит представителей ни к одной из групп, вместе с тем тождественность статуса представителя в арбитражном и гражданском процессе позволяет нам прийти к выводу, что и в гражданском процессе представитель также относится к иным участникам, не являясь при этом лицом, содействующим правосудию.

В аспекте процессуального риска имеет значение рассмотрение представителей, чьи полномочия возникают из договора.

Полномочия договорных представителей можно разделить на две группы: общие (например, представление объяснений суду в устной и письменной форме, участие в исследовании доказательств и пр.) и специальные (например, отказ от иска, заключение мирового соглашения и пр.).

Первая группа полномочий представляет собой процессуальные рисковые действия представителя, вероятность неблагоприятных последствий (процессуальный риск) которых претерпевает доверитель, то есть сторона спорного материального правоотношения (например, представитель не ознакомился с материалами дела в установленный законом срок, не заявил отвод и т.п.).

Грамотные действия представителя могут существенно снизить процессуальные риски лица, участвующего в деле, и, наоборот, процессуальная ошибка, может привести к необратимым последствиям в виде проигрыша дела и (или) невозможности последующей судебной защиты нарушенного права.

Таким образом, представитель в гражданском и арбитражном судопроизводстве является субъектом рисковых процессуальных действий, которые могут порождать неблагоприятные материально-правовые и процессуальные последствия не для него самого, а для его доверителя.

Вторая группа полномочий – специальные полномочия представителя (ст. 54 ГПК РФ, ст. 62 АПК РФ).

В состав специальных полномочий, по обоснованному замечанию М.Л. Скуратовского, включаются наиболее важные правомочия, реализация которых может повлиять на ход и результаты процесса, а их перечень состоит из действительно важнейших, принципиальных полномочий на осуществление тех процессуальных действий, которые создают, меняют или прекращают процессуальное правоотношение вообще⁹⁸.

В научной литературе отмечается, что «необходимость обособления указанных полномочий в отдельную группу связана с их важностью для доверителя с точки зрения несения рисков принятия процессуальных решений по тем или иным вопросам, связанным с существом спора»⁹⁹.

Полагаем, что установление в законе особого порядка наделения представителя полномочиями по совершению распорядительных процессуальных действий, требующего прямого, однозначного поручения доверителя, позволяет сделать вывод, что совершение специальных полномочий не является рисковыми процессуальными действиями представителя. Данные действия являются непосредственно рисковыми действиями доверителя, совершение которых последний поручил представителю, поэтому за них отвечает сам доверитель.

С этой точки зрения было бы практически полезным внесение дополнений в ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвокатов¹⁰⁰, в части закрепления обязанности адвокатов, как профессиональных представителей, разъяснять доверителям наличие процессуальных рисков при производстве по гражданским делам, а также сообщать достоверную информацию о вероятных неблагоприятных

---

⁹⁸ Скуратовский М.Л. О возможной регламентации арбитражного процесса // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2018. № 3 (47). С. 153.

⁹⁹ Ермаков А.Н., Захарьяшева И.Ю. Специальные полномочия судебного представителя и их закрепление в доверенности: некоторые дискуссионные аспекты // Нотариальный вестник. 2021. № 2. С. 50.

¹⁰⁰ Кодекс профессиональной этики адвоката, принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 года // www.fparf.ru (дата обращения 01.04.2023 года).

последствиях совершения и (или) несовершения тех или иных процессуальных действий.

Подводя итог вышеизложенному, следует заключить, что субъектами процессуального риска и совершения рискованных процессуальных действий являются лица, участвующие в деле, субъектами совершения рискованных процессуальных действий являются также и их представители. Иные участники процесса, а также суд не могут быть отнесены к субъектам процессуального риска. Однако совершение или несовершение ими процессуальных действий оказывает влияние на степень процессуальных рисков лиц, участвующих в деле. Роль суда применительно к процессуальным рискам лиц, участвующих в деле будет рассмотрена далее.

§ 2. Механизм управления процессуальными рисками. Роль суда в минимизации процессуальных рисков лиц, участвующих в деле

Понимание процессуального риска как обусловленной объективными и субъективными факторами вероятности наступления неблагоприятных процессуальных и (или) материальных правовых последствий совершения или несовершения лицами, участвующими в деле, процессуальных действий, предполагающих выбор варианта поведения, свидетельствует о возможности управления им.

Полагаем, что всестороннее исследование процессуального риска в гражданском и арбитражном судопроизводстве должно быть направлено именно на поиск и разработку возможностей минимизации и управления процессуальными рисками, что позволит уменьшить негативные результаты процессуальных действий (бездействий) и, как следствие, увеличит вероятность благоприятных последствий выбранной заинтересованным лицом модели процессуального поведения.

2.1. Механизм управления процессуальными рисками.

А.В. Юдин отмечает, что управление рисками в процессе представляет собой исключительно индивидуальную возможность, определяемую качествами как стороны спора, так сложившейся процессуальной ситуации. Ориентирами управления рисками, по мнению ученого, выступают: готовность выбора, осмотрительность, забота о своих делах, несение ответственности за совершенные действия¹⁰¹.

Соглашаясь с данным мнением, полагаем, что четкая процессуальная форма и упорядоченность гражданского и арбитражного судопроизводства позволяют говорить о возможности разработки механизма управления рисками в цивилистическом процессе, создания определенного алгоритма, которым можно руководствоваться с целью минимизации вероятности неблагоприятных последствий.

В общепринятом значении под термином «управление» понимается деятельность тех или иных субъектов, направляющая и регулирующая общественные отношения путем использования определенных средств¹⁰².

В теории экономики «управление» - это сознательное целенаправленное воздействие со стороны субъектов, органов на людей и экономические объекты, осуществляемое с целью направить их действия и получить желаемые результаты¹⁰³.

Представляется возможным применить указанное понимание в отношении процессуальных рисков.

На наш взгляд, управление процессуальными рисками может определяться как воздействие лиц, участвующих в деле (субъектов процессуального риска), на управляемую систему, в качестве которой выступает процесс с целью

---

¹⁰¹ Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 51.

¹⁰² См. например: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]: подгот. по 2-му печат. изд. 1880-1882 гг. / В. И. Даль. - Электрон. дан. - М.: АСТ, 1998; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., - М.: Высшая школа, 1993.

¹⁰³ Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. — 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с.

минимизации процессуальных рисков и достижения желаемого процессуального и материально-правового результата.

Возможность субъектов процессуальных правоотношений управлять процессуальными рисками (влиять на ход и результат процесса) обусловлена принципами состязательности и диспозитивности.

Эффективное управление предполагает выстраивание определенной системы, или иначе - механизма.

Под механизмом обычно понимается внутреннее устройство, определяющее порядок какого – либо вида деятельности¹⁰⁴.

В экономической теории механизм – это система организации взаимодействия, организация случайного или целенаправленного объединения систем, самостоятельных составляющих и их взаимосвязей в ходе определенного процесса, осуществляемого в конкретных условиях¹⁰⁵.

С учетом данных определений и общего понимания процессуального риска, представляется возможным сформулировать следующее понятие. Под механизмом управления рисками в цивилистическом процессе предлагается понимать совокупность процессуальных правил и средств, использование которых позволит минимизировать вероятные неблагоприятные последствия или полностью их исключить.

Нормы цивилистических процессуальных кодексов позволяют выделить целый ряд правил, которые в своей совокупности могут составлять эффективный механизм управления процессуальными рисками.

С учетом предыдущих выводов о том, что риск является следствием совершения субъектами процессуального правоотношения рискованных процессуальных действий, о взаимосвязи процессуальных рисков, а также о возможности лиц, участвующих в деле, влиять на процессуальные риски друг

---

¹⁰⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., - М.: Высшая школа, 1993.

¹⁰⁵ Горбунов Ю.В. О понятии «механизм» в экономических науках // Экономика. Профессия. Бизнес. 2018. №2. С. 18.

друга, предлагаемый ниже механизм (как система) включает в себя правила минимизации собственного риска и правила минимизации риска от чужого поведения, а также содержит, общее для обеих групп, правило управления и минимизации процессуальных рисков – согласование сторонами процессуальных действий на основе взаимных интересов.

Применение правил, входящих в состав механизма управления процессуальными рисками, представляет собой стандарт процессуального поведения лиц, участвующих в деле.

Итак, рассмотрим эти правила по обозначенным группам.

1. Правила минимизации собственного риска.

1.1. Своевременность совершения процессуальных действий.

Требования своевременности совершения процессуальных действий заключается в первую очередь в соблюдении установленных законом и судом процессуальных сроков, пропуск которых может повлечь утрату права на совершение того или иного действия, а в ряде случаев и права на судебную защиту.

Так, действующим законодательством установлены сроки на подачу апелляционных, кассационных и надзорных жалоб, заявлений о пересмотре решений по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, пропуск которых без уважительных причин влечет к утрате права пересмотра судебного акта; при рассмотрении дел в упрощенном порядке судом устанавливаются сроки представления дополнительных документов и пояснений, пропуск которых может лишить сторону возможности доказывания; и ГПК РФ и АПК РФ предусматривают сроки на подачу заявления о возмещении судебных издержек и другие.

Требование своевременности также относится к соблюдению прав и законных интересов иных лиц, участвующих в деле.

Например, согласно ст. 65 АПК РФ лица, участвующие в деле, вправе ссылаться только на те доказательства, с которыми другие лица, участвующие в деле, были ознакомлены заблаговременно.

При этом на основании п. 16 Постановления Пленума ВАС РФ от 20.12.2006 № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству» раскрытие доказательств предполагает не только их представление, обмен состязательными документами, но и их обозначение, сопровождающееся ходатайством об истребовании судом необходимого доказательства¹⁰⁶.

Последствием нарушения данной нормы может стать отказ суда в приобщении своевременно не раскрытых доказательств к материалам дела (ст. ст. 9, 41, 65 АПК РФ) либо возложение на лицо, допустившее указанное нарушение, всех судебных расходов независимо от результатов рассмотрения дела (п. 5 ст. 65 АПК РФ), что возлагает на нарушившую срок сторону дополнительные процессуальные риски.

На правило своевременности совершения процессуальных действий в целях управления процессуальными рисками обращено внимание и в судебной практике.

Так, например, Арбитражный суд Уральского округа в Постановлении от 20.05.2022 № Ф09-2220/22 по делу № А60-33941/2021 указал, что заявитель обратился в арбитражный суд с ходатайством об участии в судебном заседании с использованием системы веб-конференции 17.01.2022 года, в то время как судебное заседание было назначено на 18.01.2022 года, в связи с чем, он несет риск несовершения им своевременно действий по реализации процессуальных прав¹⁰⁷.

Построение механизма управления процессуальными рисками предполагает не только формирование правил управления, но и средств, с помощью которых эти правила выполняются.

К процессуальным средствам выполнения правила своевременности совершения процессуальных действий можно отнести возможность подачи документов в электронном виде, в том числе в виде электронного документа (ч. 7 ст. 4 АПК РФ п.1.1 ч.1 ст. 3 ГПК РФ), что значительно сокращает количество

---

¹⁰⁶ п. 16 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.2006 года № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству» // СПС Консультант плюс.

¹⁰⁷ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.05.2022 года № Ф09-2220/22 по делу № А60-33941/2021 // СПС Консультант плюс.

действий, которые должна совершить сторона (или иной участник процесса) и время на их совершение.

Стоит отметить, что в настоящее время процедура электронной подачи документов в арбитражные суды и суды общей юрисдикции полностью регламентирована и не должна вызывать затруднений у заинтересованных лиц¹⁰⁸.

Также к процессуальным средствам выполнения данного правила можно отнести восстановление пропущенного по уважительной причине процессуального срока.

В п. 16 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) в качестве уважительных причин пропуска процессуального срока определены не только обстоятельства, относящиеся к личности заявителя, такие как тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п., но и обстоятельства, объективно препятствовавшие лицу, добросовестно пользующемуся своими процессуальными правами, реализовать право на обжалование судебного постановления в установленный законом срок, включая разумный срок для ознакомления с судебным актом и для подготовки документа лицом, которому судебный акт был направлен по почте¹⁰⁹.

При возникновении вышеназванных или иных уважительных обстоятельств, лицо, пропустившее, установленный законом процессуальный срок, должно сразу после их устранения совершить соответствующее процессуальное действия, например, подать апелляционную или кассационную жалобу на судебное решение, с приложением обоснованного ходатайства о восстановлении срока.

1.2. Совершение процессуальных действий в полном объеме.

---

¹⁰⁸ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 года № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // www.vsrif.ru (дата обращения 20.02.2023 года); Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // www.cdep.ru (дата обращения 10.03.2021 года).

¹⁰⁹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019), утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019 года // www.vsrif.ru (дата обращения 21.02.2023 года).

Для эффективного управления процессуальными рисками своевременно совершаемые заинтересованным лицом действия должны обладать признаками полноты (в значении внутреннего содержания) и достаточности (в значении необходимого количества), иное может повлечь за собой как финансовые и временные риски, так и риски проигрыша дела или невозможности исполнения судебного акта.

Примером недостаточности процессуальных действий может быть непредставление всех имеющихся у лица доказательств и не заявление ходатайств об истребовании необходимых доказательств у иных лиц в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции.

Так, Верховный Суд РФ в Определении от 29.05.2018 года по делу №301-ЭС17-21397 указал, что несовершение лицом на соответствующей стадии процесса процессуальных действий, направленных на опровержение исковых требований, является исключительно его риском и не может свидетельствовать о незаконности или необоснованности обжалуемого судебного акта¹¹⁰.

Другим примером недостаточности может быть отказ лица от заявления ходатайства о применении обеспечительных мер и последующая невозможность реального исполнения судебного акта. Примером неполноты - заявление ходатайства о приобщении дополнительных доказательств без достаточного обоснования и, как следствие, отказ в удовлетворении заявленных требований в связи с их недоказанностью.

К средствам совершения процессуальных действий в полном объеме можно отнести, например, заявление ходатайства о вызове свидетеля с указанием не только его установочных данных, но и с обоснованием значимости его пояснений для рассмотрения дела по существу, в общем виде данное средство применительно к разным процессуальным ситуациям можно охарактеризовать как заявление обоснованных ходатайств в ходе рассмотрения дела.

---

¹¹⁰ Определением Верховного Суда РФ от 29.05.2018 года по делу №301-ЭС17-21397 // СПС Консультант плюс.

К процессуальным средствам выполнения данного правила относится и приобщение всех, имеющихся у лица, доказательств к материалам дела на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, поскольку «полная подготовка дела к судебному разбирательству имеет определяющее значение для качественного рассмотрения дела в установленные законом сроки»¹¹¹ и другие.

1.3. Добросовестное осуществление процессуальных прав.

В настоящее время процессуальный закон прямо не именует добросовестность в качестве принципа, однако по своей сути и ценности добросовестность выступает «идеей, которая сформировалась в результате научного, профессионального и массового (обыденного) представления об идеальной модели отрасли права»¹¹², то есть представляет собой прямо непоименованный принцип гражданского и арбитражного процесса.

Кроме того, требование добросовестного осуществления прав прямо предусмотрено процессуальными законами (например, ст. 35 ГПК РФ, ст. 41 АПК РФ).

Как отмечает К.В. Нам, принцип добросовестности имеет значение везде, где существует особая связь между двумя и более лицами¹¹³, его задачей является обеспечение правового регулирования отношений таким образом, чтобы в итоге достигался результат, который подразумевается и преследуется действующим правом¹¹⁴.

Принцип добросовестности заключается в реализации предоставленного лицу права в соответствии с его действительным назначением, смыслом и целью, которые в конкретной ситуации можно вывести из соответствующего правового

---

¹¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2008 года № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (с изменением, внесенным постановлением Пленума от 9 февраля 2012 г. № 3) // www.vsrfl.ru (дата обращения 25.04.2021 года).

¹¹² Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. - М., 2006. С. 95.

¹¹³ Нам К.В. Развитие принципа добросовестности (*Treu und Glauben*). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 7. С. 85.

¹¹⁴ См.: Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. №1. С. 28 – 74.

регулирования¹¹⁵, при этом «границей» добросовестного осуществления права является необходимость соблюдения прав и законных интересов иных субъектов правоотношений.

В механизме управления процессуальными рисками значение добросовестного поведения заключается в том, что совершая процессуальное действие в соответствии с его действительным назначением, в ответ лицо получает законные последствия, корреспондирующие данному действию. И, наоборот, совершая процессуальное действие в противоречии с его действительным назначением, в ответ лицо получает последствия, корреспондирующие данному действию.

Так, например, обращаясь в суд с иском не в целях защиты своего нарушенного материального права, а в целях причинения какого-либо вреда контрагенту (например, предъявление множества исков в целях причинения репутационного вреда юридическому лицу), недобросовестно реализовавшее право лицо несет процессуальный риск признания данных действий в качестве злоупотребления процессуальным правом и, как следствие, возмещения судебных расходов ответчику. В обратном случае, при обращении в суд в целях защиты действительно нарушенного права, последствием выступает вынесение положительного для истца решения и возможность взыскания судебных расходов в свою пользу.

Примером рискового характера недобросовестного поведения является и подача искового заявления в целях защиты нарушенного права, но в необоснованном размере.

Так, согласно в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» уменьшение истцом размера исковых требований в результате получения при рассмотрении дела доказательств явной необоснованности этого размера может быть признано судом

---

¹¹⁵ См.: Там же.

злоупотреблением процессуальными правами и повлечь отказ в признании понесенных истцом судебных издержек необходимыми полностью или в части либо возложение на истца понесенных ответчиком судебных издержек¹¹⁶.

Стоит отметить, что процессуальные риски признания действий недобросовестными, а, следовательно, и последствия злоупотребления правом, могут нести и обе стороны судебного разбирательства.

Например, в п. 4 Обзора Верховного Суда РФ по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям от 08.07.2020 года отмечается, что суд вправе отказать в утверждении мирового соглашения, не принять признание иска ответчиком (признание стороной обстоятельств) и иные результаты примирения сторон, если имеются основания полагать, что лица, участвующие в деле, намерены совершить незаконную финансовую операцию при действительном отсутствии спора о праве между ними¹¹⁷.

В целях минимизации процессуальных рисков важно учитывать действие перечисленных правил именно в их совокупности.

Так, в случае отсутствия участника в судебном заседании по причине болезни, представляется важным своевременно известить об этом суд и предоставить подтверждающие уважительность причин отсутствия документы, что позволит снизить риск совершения процессуальных действий в отсутствие неявившегося лица, а также признания неявки лица как действия, направленного на затягивание разбирательства по делу, то есть злоупотребления правом.

В приведенном примере как раз видно значение и своевременности и полноты и добросовестности.

2. Правила минимизации риска от чужого поведения.

---

¹¹⁶ п.22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // www.vsrif.ru (дата обращения 28.05.2020 года).

¹¹⁷ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям, утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 08 июля 2020 года // www.vsrif.ru (дата обращения 23.09.2022 года).

2.1. Своевременное реагирование на действия (бездействие) иных участников процесса.

В данном случае речь идет о реагировании (от лат. – противодействие, обратное действие) на совершаемые оппонентом добросовестные процессуальные действия или его бездействие. Процессуальный закон в силу состязательности и равноправия наделяет лиц, участвующих в деле, примерно равным объемом правомочий, исключения составляют лишь специальные распорядительные права, присущие либо именно истцу (например, отказ от иска) либо именно ответчику (например, предъявление встречного искового заявления).

Реализация предоставленных лицам, участвующим в деле (субъектам процессуального риска) может осуществляться не только в целях отстаивания своей позиции, но и для опровержения позиции противоположной стороны.

Реагирование на действия (бездействия) иных участников процесса является важной составляющей механизма управления процессуальными рисками, поскольку, как было установлено ранее, действия лиц, участвующих в деле, и иных участников процесса в силу объективной стороны риска могут оказывать существенное влияние на степень процессуальных рисков друг друга.

Реагирование на действия процессуального оппонента представляет собой совершение процессуальных действий, направленных на опровержение его позиции.

Так, например, подаче искового заявления должно корреспондировать предоставление отзыва (или возражений), мотивированно опровергающих требования в части или в полном объеме.

В случае непредставления ответчиком отзыва (возражений) относительно предъявленного иска, последний рискует получить решение суда, основанное исключительно на фактах и доводах, которые были указаны истцом.

Процессуальный закон предусматривает и иные неблагоприятные последствия непредставления отзыва.

Согласно ст. 131 АПК РФ в случае, если в установленный судом срок ответчик не представит отзыв на исковое заявление, арбитражный суд вправе рассмотреть дело по имеющимся в деле доказательствам или при невозможности рассмотреть дело без отзыва вправе установить новый срок для его представления, при этом арбитражный суд может отнести на ответчика судебные расходы независимо от результатов рассмотрения дела.

При этом отзыв (возражение) на исковое заявление должен быть представлен суду и иным лицам, участвующим в деле, своевременно, то есть заблаговременно до даты судебного заседания, поскольку представление опровергающих доводов в самом процессе может повлечь за собой неблагоприятные последствия и для самого ответчика. Неблагоприятные последствия могут быть выражены в затягивании времени судебного разбирательства, в связи с представлением иным лицам, участвующим в деле, времени для ознакомления с представленными в процессе возражениями, квалификации судом данного действия ответчика как злоупотребления процессуальным правом и последующее возложение на него всех судебных расходов вне зависимости от результатов рассмотрения дела.

Отдельное внимание закон уделяет своевременному раскрытию доказательств, представляемых в целях обоснования своей правовой позиции и оспаривания доводов оппонента.

На основании ст. 56 ГПК РФ, ст. 65 АПК РФ каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом.

В ч. 4 ст. 65 АПК РФ также указано, что лица, участвующие в деле, вправе ссылаться только на те доказательства, с которыми другие лица, участвующие в деле, были ознакомлены заблаговременно.

Полагаем, что в силу ч. 4 ст. 1 ГПК РФ положение ч. 4 ст. 65 АПК РФ может быть применено по аналогии и в гражданском процессе.

Таким образом, несвоевременное раскрытие доказательств может повлечь за собой риск отказа в удовлетворении судом ходатайства об их приобщении к материалам дела в конкретном судебном процессе. Отказ в приобщении доказательств к материалам дела является правом, а не обязанностью суда, поскольку последний установив относимость и допустимость представленных, но не раскрытых своевременно стороной доказательств может их приобщить к материалам дела и предоставить противоположной стороне срок для ознакомления с ними. В аспекте управления процессуальными рисками в данном случае сторона должна вести себя добросовестно и ознакомиться с материалами дела в целях представления своих возражений относительно сведений, содержащихся в данных доказательствах, в ином случае она лишится возможности представлять возражения относительно их существования и (или) подлинности в судах вышестоящих инстанции.

Например, Верховный Суд РФ в Определении от 27.09.2016 года № 300-ЭС16-11649 по делу № СИП-396/2015 отклонил доводы истца относительно раскрытия доказательств и реализации права на судебную защиту и указал, что своими процессуальными правами в части получения сведений о движении дела, поступлении в суд дополнительных документов по делу и ознакомления с их содержанием предприниматель распорядился самостоятельно. Суд отметил, что не смотря на то, что в материалах дела отсутствуют доказательства, свидетельствующие о направлении истцу копий указанных в ходатайстве от 22.10.2015 документов, названные документы были представлены в суд 22.10.2015, в то время как судом после этой даты были проведены судебные заседания 27.10.2015, 26.11.2015 и 22.12.2015, в том числе с участием представителя истца и предприниматель и ее представители имели реальную возможность ознакомиться с материалами дела и представить возражения относительно них или заявить об их фальсификации¹¹⁸.

---

¹¹⁸ Определение Верховного Суда РФ от 27.09.2016 года № 300-ЭС16-11649 по делу № СИП-396/2015// www.kad.arbitr.ru (дата обращения 14.02.2023 года).

Примером реагирования на действия оппонента также может быть заявление ходатайства об исключении доказательств из материалов дела, активный допрос свидетеля, приглашенного противоположной стороной, формулирование собственных вопросов для эксперта, при заявлении оппонентом ходатайства о назначении экспертизы и пр.

2.2. Противодействие недобросовестному процессуальному поведению иных лиц.

Недобросовестное процессуальное поведение в гражданском судопроизводстве может иметь разные формы, к которым относится противоречивое поведение, искусственное создание выгодной подсудности, осуществление процессуального права за пределами процессуальных сроков в целях причинения вреда другому лицу и другие.

Недобросовестное поведение участника правоотношения практически всегда увеличивает процессуальные риски его добросовестных оппонентов. В связи с этим особо важным представляется оперативное противодействие недобросовестному поведению путем использования предусмотренных законом средств.

В настоящее время закон предусматривает следующие последствия злоупотребления процессуальным правом:

возложение на недобросовестную сторону судебных издержек (п. 5 ст. 65 АПК РФ);

взыскание компенсации за фактическую потерю времени (ст. 99 ГПК РФ);

отказ недобросовестному лицу в реализации его права (ст. ст. 9, 41, 65 АПК РФ).

Применение судом вышеназванных мер по отношению к лицу, злоупотребляющему процессуальным правом, в зависимости от конкретной ситуации по-своему может оказать положительное влияние на минимизацию

процессуальных рисков добросовестного лица, в случае заявления им соответствующего ходатайства и представления необходимых доказательств.

Например, возможность заявления ходатайства о возложении судебных издержек на злоупотребившую сторону в случае затягивания последней судебного процесса позволят минимизировать финансовые риски добросовестной стороны за счет компенсации расходов на оплату услуг юриста, которые при длительном процессе закономерно будут выше.

Противодействие процессуальным злоупотреблениям позволяет сократить сроки рассмотрения дела, а, следовательно, снизить все сопутствующие этому риски.

Так, в Постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 4 июня 2013 г. по делу № А70-9804/2012 суд указал на злоупотребление со стороны ответчика своими процессуальными правами, которое выразилось в предъявлении встречных исков в срок, не способствующий быстрому рассмотрению дела. Судом было указано, что риск последствий несвоевременного совершения процессуального действия, как подача встречного иска, в данном случае полностью лежит на ответчике¹¹⁹.

В аспекте управления процессуальными рисками важным представляется активное участие заинтересованного добросовестного лица в выявлении злоупотреблений в действиях (бездействиях) иных участвующих в процессе лиц и обращение в установленной форме внимания суда на данные факты.

Помимо рассмотренных правил, разделенных нами на две группы: правила минимизации собственного риска и правила минимизации риска от чужого поведения, представляется обоснованным выделить еще одно, общее для обеих групп, правило— согласование сторонами процессуальных действий на основе взаимных интересов, которое, на наш взгляд, выполняет двойную функцию:

---

¹¹⁹ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 04.06.2013 года по делу № А70-9804/2012 // www.kad.arbitr.ru (дата обращения 31.05.2018 года).

позволяет минимизировать и свои риски, и риски от чужого процессуального поведения.

3. Согласование сторонами процессуальных действий на основе взаимных интересов.

В настоящее время возможности согласования сторонами процессуальных действий на основе взаимных интересов все более и более обсуждаются в науке. Несмотря на теоретические расхождения относительно деталей правовой природы процессуальных соглашений (как наиболее распространенной формы такого согласования), практически все исследователи едины во мнении, что нормативная допустимость заключения данного рода соглашений является благом для современного цивилистического процесса¹²⁰.

Не ставя перед собой задачи формирования собственного понятия процессуального соглашения, считаем обоснованным и соответствующим контексту нашего исследования согласиться с О.Н. Шеменевой, которая под процессуальным соглашением понимает «согласованные процессуальные действия сторон и иных лиц, участвующих в деле, направленные на выбор одного из предусмотренных законом альтернативных правил рассмотрения и разрешения гражданских дел, выступающие в роли юридических фактов-условий реализации процессуальных прав и в рамках завершенного фактического состава, обязывающие суд к совершению ответных процессуальных действий по применению последствий достигнутых соглашений»¹²¹.

С нашей точки зрения, в механизме управления процессуальными рисками, процессуальные соглашения занимают наиболее значимое место: они позволяют субъектам процессуальных рисков воздействовать как на сокращение

---

¹²⁰ См.: Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. М.: Статут, 2015. 368 с.; Курочкин С.А. Соглашения в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 52 - 72.; Рожкова М.А. Материальные и процессуальные соглашения, поименованные в Арбитражном процессуальном кодексе РФ // Хозяйство и право. 2004. № 1. С. 75 - 87.; Шеменова О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. – М.: Инфотропик Медиа, 2017 – 312 с. и другие.

¹²¹ Шеменова О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. – М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 124 – 125.

неблагоприятных последствий собственных процессуальных действий (субъективная сторона риска), так и на сокращение неблагоприятных последствий от чужого поведения (объективная сторона риска).

Рассмотрим с этой точки зрения отдельные виды возможных согласованных действий сторон.

Одним из видов процессуальных соглашений является соглашение о подсудности (ст. 32 ГПК РФ, ст. 37 АПК РФ).

15 ноября 2022 года Верховным Судом РФ Государственную Думу был внесен законопроект № 235526-8¹²², в соответствии с которым, в числе прочего, предлагается упразднение института договорной подсудности в главе 3 ГПК РФ, за исключением дел с участием иностранных лиц.

Аналогичные поправки предусмотрены и в АПК РФ.

Причиной упразднения института договорной подсудности в гражданском процессе, в соответствии с пояснительной запиской к законопроекту № 235526-8, является защита прав и интересов той стороны договорных отношений, которая фактически не принимает участия в формировании условий договора, а также выравнивание судебной нагрузки, равномерное распределением дел в судах общей юрисдикции, предотвращение споров участников правоотношений относительно подсудности конкретного дела¹²³.

Применительно к арбитражному процессу, причина упразднения института договорной подсудности по всем категориям дел, за исключением дел с участием иностранных лиц, связана с тем, что использование института договорной подсудности без какого-либо ограничения приводит к возрастанию нагрузки на суды города Москвы, Московской области, города Санкт-Петербурга,

---

¹²² Законопроект № 235526-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (об унификации норм гражданского процессуального законодательства)» // www.sozd.duma.gov.ru (дата обращения 01.03.2023 года).

¹²³ Там же.

Ленинградской области и ряда других регионов России и порождает споры между сторонами соответствующего договора¹²⁴.

В аспекте возможностей по управлению процессуальными рисками, предлагаемые поправки вряд ли следует оценить положительно.

Определение сторонами спорного материального правоотношения суда, который в случае спора будет рассматривать дело, позволяет его участникам заранее минимизировать ряд процессуальных рисков, которые могут быть связаны с исследованием доказательств, вызовом и допросом свидетелей, обеспечением очного присутствия представителя в судебном заседании и пр.

Согласование «удобной» подсудности сокращает и финансовые издержки, связанные с рассмотрением дела, поскольку конечным риском проигравшей стороны помимо получения решения суда, не соответствующего её интересам, как правило, является и вероятность несения всех судебных издержек, в том числе транспортных расходов, связанных, например, с прибытием представителей обеих сторон в суд.

Возможность подачи документов, ознакомления с материалами дела, участия в судебном заседании удаленно, используя элементы электронного правосудия не может рассматриваться в качестве «альтернативы» договорной подсудности (как это обозначено п. 3 пояснительной записки к законопроекту № 237135-8), поскольку и в арбитражном процессе сегодня нередки случаи технических сбоев при проведении веб-конференций, подачи документов в электронном виде, а ознакомление с материалами дела дистанционно возможно только в том случае, если они были направлены в суд электронно, с иными документами ознакомление возможно только в традиционном формате. В гражданском процессе элементы электронного правосудия в настоящее время находятся только на стадии становления и эффективно использованы быть не могут.

---

¹²⁴ Законопроект № 237135-8 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (об унификации норм арбитражного процессуального законодательства)» // www.sozd.duma.gov.ru (дата обращения 01.03.2023 года).

Более того, исключение института договорной подсудности может привести к более активному применению альтернативной подсудности по выбору истца (ст. 29 ГПК РФ, ст. 36 АПК РФ), а также к росту случаев злоупотребления процессуальными правами путем намеренного увеличения числа соответчиков для передачи дела на рассмотрение в «удобный» суд, что, очевидно, не решит проблему, обозначенную Верховным Судом РФ, а, в определенной степени, ее усугубит.

Таким образом, исключение возможности согласования правил подсудности между сторонами спорного правоотношения в гражданском и арбитражном процессе, лишает последних эффективного средства управления процессуальными рисками.

Другим способом согласования процессуальных интересов сторон, на который следует обратить внимание, является заключение соглашения сторон по фактическим обстоятельствам (ст. 70 АПК РФ).

Значение данного вида процессуального соглашения заключается в том что, обстоятельства, признанные сторонами в результате достигнутого между ними соглашения, суд принимает в качестве фактов, не требующих доказывания, и не проверяет их в дальнейшем в ходе производства по делу (ч. 2, 5 ст. 70 АПК РФ). Поэтому, заключив соглашение по фактическим обстоятельствам, стороны освобождаются от необходимости доказывать те или иные обстоятельства, имеющие значение для дела, и оставляют на разрешение суда только спорные факты.

В суде апелляционной инстанции обстоятельства дела, которые признаны, удостоверены лицами, участвующими в деле, и приняты арбитражным судом первой инстанции, также не подлежат проверке (ч. 4 ст. 268 АПК РФ).

Например, в тех случаях, когда процессуальный закон возлагает на сторону бремя доказывания какого-то обстоятельства, для доказывания которого необходимы затратные действия (экспертизы, оценки и пр.), а у второй стороны нет возражений по поводу этого обстоятельства, обеим сторонам предоставляется

возможность сократить собственные процессуальные риски путем заключения соглашения по обстоятельствам дела. Первая сторона при этом минимизирует процессуальные риски, связанные с заявлением ходатайства о проведении экспертизы и возможным заявлением возражений против его удовлетворения другой стороной, а вторая – сокращает риски представления возражений относительно удовлетворения соответствующего ходатайства, несения дополнительных судебных расходов, а также существенно сокращает для себя время судебного разбирательства.

К процессуальным соглашениям сторон также относятся мировое соглашение, заключение которого позволяет сторонам минимизировать практически все процессуальные риски в рамках конкретного дела, соглашения о форме письменных доказательств, соглашения, определяющие допустимость доказательств и другие.

На основании п.11, п. 12 Постановления Пленума ВАС РФ от 18 июля 2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» участвовать в заключение мирового соглашения могут также и третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, и третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора¹²⁵.

Из чего следует, что третьи лицам также могут минимизировать свои риски посредством участия в мировом соглашении.

В настоящее время аналогичные положения закреплены и на уровне процессуального закона (ст. 153.8 ГПК РФ, ст. 139 АПК РФ).

Стоит отметить, что есть и иные разновидности процессуальных соглашений¹²⁶, которые также могут быть использованы участниками процесса в целях управления и минимизации процессуальных рисков.

---

¹²⁵ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.07.2014 года № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // СПС Консультант плюс.

¹²⁶ См.: Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. М.: Статут, 2015. 368 с.; Шеменова О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 312 с. и др.

Роль и значение согласования сторонами процессуальных действий, в том числе путем применения примирительных процедур, более подробно будут проанализированы далее в ходе настоящего исследования, однако уже сейчас можно утверждать, что согласование сторонами процессуальных действий на основе взаимных интересов представляет собой эффективное правило в механизме управления рисками в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

2.2. Роль суда в минимизации процессуальных рисков лиц, участвующих в деле.

Одним из основополагающих принципов гражданского и арбитражного судопроизводства, вытекающих из общего смысла гражданского и арбитражного процесса и признанных доктриной¹²⁷, является принцип судейского руководства процессом. Данный принцип заключается в том, что «суду должна быть предоставлена руководящая роль при определении порядка и хода судопроизводства»¹²⁸. Суд, по справедливому утверждению Е.В. Васьковского, «не может вынудить их (стороны – прим.авт.) к совершению процессуальных действий. Но если они по собственной воле совершают их, то суд наблюдает, чтобы эти действия были совершены правильно, в определенном порядке, без ущерба для нормального и быстрого хода производства»¹²⁹.

Полагаем, что содержание принципа судейского руководства должно включать в себя и необходимость участия суда в минимизации процессуальных рисков лиц, участвующих в деле.

---

¹²⁷ См.: Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 624с; Ярков В.В. Роль суда в установлении обстоятельств дела сквозь призму исследований профессора А.Т. Боннера // Вестник гражданского процесса. 2022. №4. С. 49 – 66; Беспалова В.Р. Правовая природа судебного контроля в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 5. С. 3 - 6.

¹²⁸ Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. С. 352.

¹²⁹ Там же С. 353.

На основе действующего процессуального законодательства можно выделить ряд направлений, которые позволяют суду влиять на степень процессуальных рисков.

1. Суд разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности.

Механизм управления процессуальными рисками, не может быть полноценно реализован стороной, не обладающей знаниями о предоставленных ей процессуальных возможностях.

В настоящее время цивилистический процесс является скорее социальным (непрофессиональным)¹³⁰, а представления субъектов правоотношений о судопроизводстве, порядке реализации своих процессуальных прав зачастую не соответствуют действительности, что может привести к совершению неоправданных рискованных процессуальных действий (например, отказ от иска) или несовершению всех необходимых процессуальных действий (например, не приобщение к материалам дела прямых доказательств).

В этой связи разъяснение судом лицам, участвующим в деле, их прав и обязанностей сложно переоценить. Именно знания о наличии тех или иных процессуальных прав и полное понимание их содержания являются основой применения стороной механизма управления процессуальными рисками и, как следствие, сокращения неблагоприятных материально-правовых и процессуально-правовых последствий

2. Суд предупреждает лиц, участвующих в деле, о последствиях совершения или несовершения ими процессуальных действий.

Помимо знания процессуальных прав и понимания их сути и содержания, участники процесса должны в полной мере осознавать наличие процессуального риска в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Именно суд, в силу

---

¹³⁰ См.: Трезубов Е.С., Дружинина Ю.Ф. Профессиональное представительство в цивилистическом процессе в свете судебной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2 (10). С. 165 – 172.

прямого указания ч. 2 ст. 12 ГПК, ч. 3 ст. 9 АПК РФ, должен предупредить их о последствиях совершения или несовершения ими процессуальных действий.

Например, согласно п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» при подготовке дела судья обязан разъяснить, что если сторона, обязанная доказывать свои требования или возражения, удерживает находящиеся у нее доказательства и не представляет их суду, суд вправе обосновать свои выводы объяснениями другой стороны. Судья также разъясняет, что непредставление ответчиком доказательств и возражений в установленный судьей срок не препятствует рассмотрению дела по имеющимся доказательствам (ч. 2 ст. 150 ГПК РФ)¹³¹.

Согласно п. 3 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.04.2014 года «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» если при рассмотрении дела возникли вопросы, для разъяснения которых требуются специальные знания, и экспертиза не может быть назначена по инициативе суда, то при отсутствии ходатайства или согласия на назначение экспертизы со стороны лиц, участвующих в деле, суд разъясняет им возможные последствия незаявления такого ходатайства (отсутствия согласия).

В случае, если такое ходатайство не поступило или согласие не было получено, оценка требований и возражений сторон осуществляется судом с учетом положений статьи 65 АПК РФ о бремени доказывания исходя из принципа состязательности, согласно которому риск наступления последствий несовершения соответствующих процессуальных действий несут лица, участвующие в деле¹³².

---

¹³¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2008 года №11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (с изменением, внесенным постановлением Пленума от 9 февраля 2012 г. № 3) // www.vsrif.ru (дата обращения: 02.03.2021 года).

¹³² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.04.2014 года № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // СПС Консультант плюс.

На необходимость разъяснения судом рискового характера совершения или несовершения рисковых процессуальных действий обращено внимание и в литературе.

Так, И.Н. Кашкарова делает вывод, что «участники процесса должны быть поставлены в известность о риске наступления неблагоприятных последствий в результате непринятия мер по обеспечению технической исправности оборудования и средств связи при использовании системы веб-конференции. Подобное указание может быть включено непосредственно в текст процессуального закона или дано высшей судебной инстанцией, а также может содержаться в определении суда о принятии искового заявления к производству»¹³³.

Соглашаясь с автором, считаем обоснованным разъяснять участникам процесса не только о наличии процессуальных рисков дистанционного участия в судебном заседании, но о вероятности наступления неблагоприятных последствий в результате совершения или несовершения лицами, участвующими в деле, любых иных процессуальных действий, которые предполагают вариативность процессуального поведения и наступление разных последствий (рисковых процессуальных действий).

Ввиду социального характера цивилистического процесса, наиболее удобным для участников судопроизводства будет включение соответствующей формулировки в определение суда о принятии искового заявления к производству.

3. Суд оказывает содействие в реализации прав лиц, участвующих в деле.

Содействие суда в реализации прав лиц, участвующих в деле, заключается в том, что «суд проверяет внешнюю правомерность процессуальных действий сторон: их своевременность, формальную правильность»¹³⁴, а также

---

¹³³ Кашкарова И.Н. Процессуальные риски при участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции: первый опыт правоприменения // Закон. 2023. № 4. С. 185-186.

¹³⁴ Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. С. 353.

противодействует недобросовестному процессуальному поведению, направленному на воспрепятствование нормальной реализации процессуального права, со стороны иных участников процесса.

Своевременное и правильное совершение процессуальных действий стороной способствует более эффективному применению правил и средств управления процессуальными рисками, а, следовательно, и минимизации возможных неблагоприятных последствий совершения и (или) несовершения процессуальных действий.

Так, например, суд, рассматривая ходатайство стороны о назначении по гражданскому делу судебной экспертизы, может привлечь специалиста для дачи консультации по вопросу о возможности проведения экспертизы, формулирования вопросов эксперту (ч.1 ст.87.1 АПК РФ), что позволяет минимизировать риск назначения дополнительной экспертизы (в случае неверного определения круга вопросов перед экспертом).

Также суд наделен правом наложить штраф на эксперта, своевременно не возвратившего материалы дела с подготовленным экспертным заключением в суд (ч. 1 ст. 85 ГПК РФ, ч. 6 ст. 55 АПК РФ).

4. Суд создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела.

Создание условий для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела, четко соответствующих установленной законом процессуальной форме, позволяет лицам, участвующим в деле в полной мере реализовать имеющиеся у них процессуальные права, а, следовательно, в полной мере использовать механизм управления процессуальными рисками, в целях минимизации вероятности наступления неблагоприятных материально - правовых и процессуально-правовых последствий.

Например, суд вправе установить сроки раскрытия и предоставления сторонами доказательств, с учетом времени необходимого для ознакомления и подготовки к судебному разбирательству (ч. 3 ст. 56 ГПК РФ, ч. 3 ст. 65 АПК РФ), что позволяет добросовестному участнику гражданского или арбитражного процесса своевременно представить отзыв (возражения) или заявить то или иное ходатайство, исходя не только из собственной позиции по делу, но и учитывая аргументы оппонента в споре, то есть применить правила полноты и своевременности совершения процессуальных действий.

Можно заключить, что суд, как «обязательный субъект всякого процессуального правоотношения»¹³⁵, не являясь субъектом процессуальных рисков, тем не менее наделен полномочиями по минимизации процессуальных рисков лиц, участвующих в деле, и таким образом, играет немаловажную роль в механизме управления процессуальными рисками в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

§ 3. Процессуальные риски и управление ими в отдельных видах гражданского и арбитражного судопроизводства

С учетом специфики отдельных видов производств гражданского и арбитражного процесса, можно предположить, что характер и объем процессуальных рисков, а также возможности управления ими могут иметь отличия в зависимости от особенностей того или иного производства.

Важно, чтобы степень процессуальных рисков попадала в прямую зависимость от объема предоставляемых сторонам возможностей совершения или несовершения процессуальных действий (реализации процессуальных прав). Гарантией эффективной защиты нарушенного права должно быть соответствие степени процессуального риска возможностям управления им.

---

¹³⁵ Чечот Д.М. Избранные труды по гражданскому процессу / Д.М. Чечот. Санкт-Петербург: Изд. дом Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2005. С. 88.

В связи с этим представляется необходимым проанализировать отдельные виды судебных производств на предмет наличия процессуальных рисков и возможности применения к ним предложенного механизма управления рисками.

1. Производство по делам о защите прав и законных интересов группы лиц.

Указанная категория дел относится к исковому производству. Основопологающий характер искового производства заключается как в подавляющем количестве споров, рассматриваемых в рамках данного производства (в сравнении с иными видами производства), так и в том, что оно является основой иных судебных производств.

Не оставляет сомнения тот факт, что в рамках искового производства лица, участвующие в деле, могут претерпевать неблагоприятные последствия совершения или несовершения ими процессуальных действий, но при этом наделены и максимальными возможностями по применению механизма управления процессуальными рисками, что обусловлено максимальным действием принципа состязательности в рамках ординарного порядка рассмотрения и разрешения судебных дел.

В аспекте управления процессуальными рисками данный вид производства можно признать эффективной формой защиты нарушенного права, поскольку предложенный нами ранее механизм управления процессуальными рисками в полном объеме применим к рассмотрению дел по общим правилам искового производства.

Продолжая исследование процессуальных рисков в искомом производстве, представляется необходимым обратить внимание на особенности процессуальных рисков и применения механизма управления ими при рассмотрении дел о защите прав и законных интересов группы лиц.

Федеральным законом от 18.07.2019 г. №191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹³⁶ в ГПК РФ были

---

¹³⁶ Федеральный закон от 18.07.2019 года № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 29 (ч. 1), ст. 3858.

впервые внесены положения о групповых исках, в АПК РФ данная процедура была реформирована.

Производство по групповым искам призвано обеспечивать процессуальную эффективность за счет экономии при рассмотрении дел, объединенных однородным спорным правоотношением. Групповые иски разгружают суд, который рассматривает одно дело вместо множества, в определенной мере снижают расходы истцов по сравнению с ситуацией предъявления ими личных исков, но в то же время решения по групповым искам принимаются в условиях недостаточной транспарентности и влияют на лиц, которые зачастую не имеют возможности управления ходом процесса.

Как мы указывали ранее, лица, участвующие в деле, могут претерпевать процессуальные риски в результате собственных действий (бездействия), так и оказывать влияние на возникновение и степень рисков других участников процесса. При рассмотрении дел о защите прав и законных интересов группы лиц, возможности влияния субъектов процессуальных правоотношений на процессуальные риски друг друга прослеживаются достаточно четко. Примером такого влияния может быть заявление одним из членов группы лиц мотивированного отказа от присоединения к требованию с приложением документов, подтверждающих необоснованность заявленного иска или заявление истцом – представителем ходатайства, противоречащего интересам иных членов группы.

В связи с этим представляется обоснованным проанализировать процессуальные риски и возможности применения механизма управления ими при рассмотрении дел о защите прав и законных интересов группы лиц.

К основным участникам дел о защите прав и законных интересов группы лиц относятся: лицо, которому поручено ведение дела в интересах группы лиц (истец - представитель), иные лица, присоединившиеся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, ответчик, третьи лица, в том числе члены группы лиц, не согласные с предъявленным требованием.

Лицо, которому поручено ведение дела в интересах группы, представляет группу в суде без доверенности и несет все права и обязанности истца, в том числе на него возлагается обязанность по оплате судебных расходов.

Истец – представитель несет как конечный, так и промежуточные процессуальные риски и при этом имеет возможность применения механизма управления ими, что свидетельствует об идентичности положения истца-представителя и истца, обращающегося с личным иском, как субъектов управления рисками и обеспечивает баланс процессуальных возможностей и интересов данного участника группового производства. То есть истец-представитель вправе совершать или не совершать рискованные процессуальные действия и претерпевать последствия своего выбора.

В то же время в рамках производства по групповому иску истец-представитель, в сравнении с общим исковым порядком рассмотрения дел, подвергается дополнительному процессуальному риску прекращения полномочий по требованию большинства лиц, присоединившихся к требованию, и утрате значительной части процессуальных правомочий. Данный пример отражает объективную сторону процессуального риска, поскольку он не зависит от субъекта, ему подвергаемому. Вместе с тем, у истца-представителя есть возможность влиять на степень данного риска путем добросовестного, своевременного и полного совершения процессуальных действий в защиту интересов группы лиц (ст. 225.10-1 АПК РФ), что представляет собой совокупность правил управления процессуальными рисками, указанных нами ранее.

Кроме того, все финансовые риски в виде оплаты судебных издержек, которые очевидно выше, в сравнении с обычным исковым производством, также возлагаются на истца – представителя. Однако в данном случае истцом – представителем может быть применено правило согласования интересов путем заключения с иными участниками группы соглашения о распределении судебных расходов, за счет чего делается возможным управление процессуальными рисками истца-представителя в этой части.

Правовое положение иных лиц, присоединившихся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, существенно отличается от положения истца-представителя.

Так, данные участники наравне с истцом-представителем, несут конечный и промежуточные процессуальные риски, при этом возможности по управлению ими значительно сокращены.

Исходя из буквального толкования закона, члены группы лиц, за исключением истца – представителя, вправе ходатайствовать о замене истца – представителя, знакомиться с материалами дела, присутствовать на судебном заседании и отказаться от поданного ими заявления о присоединении к требованию, то есть обладают предельно урезанным объемом процессуальных прав, при этом имея материальную и процессуальную заинтересованность в исходе дела.

Процессуальным средством воздействия на ход процесса со стороны лиц, присоединившихся к требованию, является, по сути, лишь возможность прекращения полномочий истца – представителя по требованию большинства членов группы по основаниям, установленным законом.

Вместе с тем, данное правомочие сложно признать эффективным процессуальным средством воздействия как на промежуточные процессуальные риски, так и на конечный процессуальный риск, поскольку изменение представителя группы лиц само по себе не является гарантией дальнейшей защиты в строгом соответствии с интересами иных участников, присоединившихся к требованию, а основания замены, указанные в законе, не являются объективными и носят оценочный характер (например, к ним относится наличие обоснованных сомнений в ведении дела истцом-представителем добросовестно и разумно). Кроме того, для назначения нового истца – представителя требуется согласие большинства иных участников группы и значительные временные затраты, способные негативно отразиться на ходе процесса в целом.

Иными словами члены группы имеют ограниченные возможности совершения рискованных процессуальных действия (или отказа от их совершения), но при этом претерпевают все последствия рискованных процессуальных действий (бездействий) истца-представителя, то есть несут процессуальные риски.

Закон также предусматривает право участников группы лиц на отказ от заявления о присоединении к требованию и, в случае несогласия с групповым иском, право на вступление в дело в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора.

Стоит отметить, что сам по себе отказ от заявления о присоединении к требованию, принципиально не влияет на риски отказавшегося лица, поскольку результат «группового» процесса – принятое решение – будет иметь непосредственное влияние на отказавшееся лицо в виде преюдициальности данного судебного акта, за исключением тех случаев, когда указанные обстоятельства оспариваются этим членом группы лиц (ч. 2 ст. 244.28 ГПК РФ, ч.2 ст. 225.17 АПК РФ).

Возможность оспаривания обстоятельств, ранее установленных решением суда по групповому иску, членом группы лиц, не присоединившимся или отказавшимся от присоединения к требованию, безусловно, должна быть положительно оценена в аспекте управления данным участником группы собственными процессуальными рисками в рамках отдельного процесса. Вместе с тем, остается недостаточно ясной судьба первоначального судебного решения (решения по групповому иску) в том случае, если в «обособленном» деле уже установленные обстоятельства будут опровергнуты. Будет ли являться данный факт основанием для пересмотра решения, вынесенного по иску группы лиц, или нет? Возможно ли рассматривать данную ситуацию как исключение из общего правила, согласно которому принятия двух противоречащих друг другу судебных решений недопустимо?

Полагаем, что и в аспекте управления процессуальными рисками и в аспекте развития института групповых исков данные вопросы требуют четкого

законодательного урегулирования, в целях недопущения противоречивой, нестабильной практики применения данных нормоположений.

В аспекте управления, как промежуточными процессуальными рисками, так и конечным процессуальным риском, установленная законом возможность вступления в дело в качестве третьего лица, при несогласии члена группы с заявленным требованием представляется эффективной. Это обусловлено широким объемом процессуальных прав третьего лица, позволяющих ему использовать механизм по управлению процессуальными рисками в рамках группового производства в части правил по своевременному, полному, добросовестному совершению процессуальных действий, а также противодействия недобросовестному поведению иных лиц, реагированию на действия (бездействия) иных участников процесса.

Еще одним процессуальным риском членов группы лиц является вероятность неполучения информации о подаче и принятии к рассмотрению группового иска.

В настоящее время законом предусмотрена обязанность публикации предложения о присоединении к требованию в средствах массовой информации (ч.3 ст. 225.14 АПК РФ). Однако вероятность получения лицом соответствующей информации посредством не определенных четко СМИ очень низкая в силу многообразия массовых информационных ресурсов.

Вероятность неполучения информации о подаче и принятии к рассмотрению группового иска является проявлением объективной стороны процессуального риска. Не смотря на то, что лица, участвующие в деле, имеют ограниченные возможности по управлению рисками объективного характера, возможности по их минимизации существуют, например, путем совершенствования правовой регламентации.

Вариантом решения данной проблемы может быть закрепление в законе обязательности публикации сообщения о возможности присоединения к групповому иску на сайте суда, на сайте ответчика (если он имеется), а также определение конкретного информационного ресурса, в котором также в

обязательном порядке будут публиковаться такие сообщения (по аналогии с публикацией сообщений о банкротстве или ликвидации юридических лиц).

Таким образом, процессуальная форма группового производства ограничивает реальные возможности управления рисками для большинства из участников группы.

Процессуальный статус ответчика в групповом производстве, в отличие от процессуального статуса истца, не имеет принципиальных отличий в сравнении с «обычным» исковым производством.

Вместе с тем, специфика рассмотрения дел о защите прав и законных интересов группы лиц, возлагает на данного участника дополнительные процессуальные риски.

Самым очевидным риском ответчика в групповом производстве является невозможность исполнения требований широкого круга лиц, а, следовательно, и несение всех сопутствующих издержек, к которым можно отнести, в частности, оплату исполнительного сбора.

При этом возникает вопрос обоснованности применения общего подхода при взыскании исполнительского сбора, если от имени группы в исполнительном производстве будет множество взыскателей¹³⁷.

В связи с этим, представляется обоснованным предложение Е.Н. Кузнецова о необходимости включения в ФЗ «Об исполнительном производстве» правил о групповом исполнительном производстве¹³⁸.

Другим процессуальным риском ответчика является возможность оспаривания установленных решением суда по групповому иску обстоятельств членом группы лиц, который ранее не присоединился либо отказался от заявления о присоединении к требованию.

---

¹³⁷ Малешин Д.Я. Новеллы групповых исков // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 100.

¹³⁸ Кузнецов Е.Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации: монография. Москва: Статут, 2022. С. 192.

Оспаривание установленных обстоятельств может породить возникновение дополнительных судебных процессов и, как следствие, повлечь за собой возникновение существенных финансовых и временных издержек для ответчика. Кроме того, вероятность изменения установленных фактических обстоятельств может создать для ответчика положение правовой неопределенности на протяжении достаточно продолжительного периода времени.

Помимо изложенного, вызывает вопросы порядок инстанционного обжалования решения суда, принятого по результатам рассмотрения дела о защите прав и законных интересов группы лиц, поскольку на сегодняшний день процессуальное законодательство не содержит норм, регламентирующих порядок подачи и рассмотрения жалоб на такие решения.

Отсутствие данного нормативного регулирования также представляет ситуацию риска для лиц, участвующих в деле, поскольку не ясно может ли обжаловать решение суда любой участник однородного правоотношения, только истец-представитель, или могут ли участники группы лиц обязать истца-представителя обжаловать судебный акт, возможен ли отказ от присоединения к требованию на стадии апелляционного, кассационного или надзорного обжалования, допускается ли прекращение полномочий истца-представителя на данных стадиях, в каком порядке и пр.

Безусловно, общие положения о порядке пересмотра дела в той или иной инстанции частично дают представление о процедуре подачи и рассмотрения жалобы на решение суда по групповому иску, вместе с тем, специфика данного производства все же требует разработки конкретных правовых норм. Опыт некоторых государств свидетельствует о правильности такого регулирования. Так, например, в разделе 18 Закона Финляндии 444/2007 «О групповых исках» предусмотрены правила апелляционного обжалования решения, принятого на

основе группового иска, в том числе урегулирован порядок подачи апелляции членом группы, в случае отказа истца от обжалования¹³⁹.

Проведенный анализ показывает, что при производстве по групповым искам лица, участвующие в деле, подвержены как общим процессуальным рискам, то есть рискам, характерным для «обычного» искового производства (например, риск проигрыша дела), так и наделяются рисками, обусловленными спецификой производства по делам о защите прав и законных интересов группы лиц (например, риск несения всех судебных расходов только истцом-представителем).

Механизм управления процессуальными рисками, сформулированный нами ранее, в рамках производства по групповым искам в полной мере может быть применен истцом-представителем, ответчиком и третьими лицами. Иные члены группы лиц, в силу существенного ограничения процессуальных прав, могут использовать только некоторые процессуальные средства, например, прекратить полномочия истца – представителя по основаниям, предусмотренным процессуальным законом (ч. 4 ст. 244.22 ГПК РФ, ч. 4 ст. 225.10-1 АПК РФ).

2. Упрощенное производство.

В последние годы наблюдается явная тенденция законодателя к активному внедрению упрощенных процессуальных процедур, к которым в том числе относится рассмотрение и разрешение гражданских и арбитражных дел в упрощенном порядке.

Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁴⁰ внесены поправки, направленные на унификацию процедуры упрощенного производства, а также на увеличение порога суммы требований, которые могут быть рассмотрены арбитражными судами в порядке упрощенного производства.

---

¹³⁹ Сутормин Н.А. Групповые иски в Финляндии // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 4. С. 232.

¹⁴⁰ Федеральный закон от 28.11.2018 года № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 03.12.2018. № 49 (ч. I). Ст. 7523.

В феврале 2022 года планы о подготовке законопроектов об увеличении верхней границы размера требований, подлежащих взысканию в том числе в упрощенном производстве, были озвучены Председателем Верховного Суда РФ в докладе к совещанию судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации¹⁴¹.

Как видно, тенденция к расширению применения упрощенной формы искового производства сохраняется.

Цель данных изменений и еще более широкого применения упрощенных процедур понятна, законодатель тем самым пытается разгрузить работу судебной системы, в том числе и в целях снижения нагрузки судей, экономии ресурсов, повышения эффективности рассмотрения более сложных с позиции законодателя дел¹⁴².

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2022 года в рамках упрощенного производства в судах общей юрисдикции было рассмотрено 59 923 тыс. гражданских дел¹⁴³, в арбитражных судах – 209 156 гражданских дел¹⁴⁴. За 2021 год в судах общей юрисдикции - 146 тыс. гражданских дел¹⁴⁵, в арбитражных судах – 441 тыс. дел по экономическим и иным спорам, возникающих из гражданских правоотношений¹⁴⁶. За 2020 год суды общей юрисдикции в упрощенном порядке рассмотрели 120 тыс.

---

¹⁴¹ Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации к совещанию судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации 09.02.2022. URL: <https://www.vsrp.ru/files/30761/> (дата обращения 16.02.2023 года).

¹⁴² См.: Скуратовский М.Л. О пределах оптимизации арбитражного процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 15.

¹⁴³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2022 года. <https://www.cdep.ru> (дата обращения 20.03.2023 года).

¹⁴⁴ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 1 полугодие 2022 года. <https://www.cdep.ru> (дата обращения 20.03.2023 года).

¹⁴⁵ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год. URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения 20.09.2022 года).

¹⁴⁶ Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 2021 год. URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения 20.09.2022 года).

гражданских дел¹⁴⁷, а арбитражные суды – 451 тыс. дел по экономическим и иным спорам, возникающих из гражданских правоотношений¹⁴⁸.

Приведенная судебная статистика свидетельствует о стабильном широком применении упрощенного порядка рассмотрения гражданских дел в арбитражных судах и судах общей юрисдикции.

В рамках упрощенного производства действие принципа состязательности представляется ограниченным в сравнении с общеисковым порядком рассмотрения и разрешения гражданских дел, что обусловлено сокращенной процессуальной формой, взаимодействием сторон и суда исключительно путем обмена документами и письменными доказательствами.

В общем виде действия истца в рамках упрощенного производства сводятся к подаче искового заявления с приложением всех необходимых письменных доказательств и представления на основании определения суда в установленный срок пояснений и дополнительных документов. Действия ответчика – в представлении в определенные судом сроки возражений с приложением, при необходимости, письменных доказательств.

Тем не менее, процессуальные действия сторон в упрощенном производстве являются рисковыми, поскольку предполагают альтернативу вариантов поведения сторон и разные последствия, и, следовательно, влекут за собой процессуальные риски.

К промежуточным процессуальным рискам в ходе упрощенного производства можно отнести вероятность отказа в приобщении к материалам дела направленного в суд доказательства или отказ суда в назначении по делу судебной экспертизы (соответственно, и в переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового производства) и фактическая невозможность предоставления

---

¹⁴⁷ Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2020 год. URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения 20.09.2022 года).

¹⁴⁸ Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 2020 год. URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения 20.09.2022 года).

альтернативных доказательств, в связи с тем, что все заявленные ходатайства и представленные доказательства исследуются судом непосредственно перед принятием судебного акта (определения о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового производства или решения об удовлетворении или об отказе в удовлетворении заявленных требований).

Изложенное свидетельствует, что применение процессуальных средств по управлению рисками в рамках упрощенного производства является более ограниченным в сравнении с общим порядком рассмотрения и разрешения гражданских дел.

Когда речь идет о простых делах, предполагающих предоставление суду четко определенных документов и совершение заранее очевидной совокупности процессуальных действий (например, по делам о взыскании дебиторской задолженности) данные особенности совершения рискованных процессуальных действий не будут являться для сторон фатальными. В то же время, по делам, формально подпадающим под критерии упрощенного производства, но представляющим собой сложные с точки зрения материального права споры, указанные особенности могут привести к вынесению незаконного и (или) необоснованного решения исключительно по формальным основаниям.

Как отмечает Е. С. Трезубов, в стремлении оптимизировать нагрузку судебной системы законодателю необходимо учитывать, что цена иска далеко не в каждом случае указывает на элементарность спора (тем более ~~что~~ с учетом последних изменений суммы требований, рассматриваемых в рамках упрощенного производства), при определении порядка рассмотрения спора судам важно учитывать и материально-правовую сложность дела¹⁴⁹.

О существующем сегодня формальном подходе к принятию искового заявления к рассмотрению в порядке упрощенного производства прямо говорит абз. 2 п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10

---

¹⁴⁹ Трезубов Е. С. «Процессуальная революция». Обзор изменений в цивилистические процессуальные кодексы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 191.

«О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве»¹⁵⁰, согласно которому если по формальным признакам дело относится к категориям дел упрощенного производства, то оно должно быть рассмотрено в упрощенном порядке.

В дальнейшем, при рассмотрении дела, закон также не обязывает суд перейти к общему порядку рассмотрения спора при очевидной материально-правовой сложности.

Судебная практика свидетельствует, что переход к рассмотрению дела по общим правилам искового производства представляет собой лишь право суда, реализуемое в случае наличия к тому процессуальных оснований¹⁵¹.

Для эффективной защиты нарушенного права заинтересованному лицу необходимо изыскивать основания для перехода в общий порядок рассмотрения дела, то есть совершать дополнительные рискованные процессуальные действия, и убедить суд в наличии данных оснований, так как даже при поступлении соответствующего мотивированного ходатайства суд имеет право отказать в его удовлетворении.

Возможность обжалования определения суда об отказе в переходе в общий порядок отдельно от итогового судебного акта законодательно не предусмотрена (п. 2 ч. 1 ст. 264 АПК РФ).

В итоге складывается ситуация, при которой стороны упрощенного производства в силу прямого указания закона лишаются возможности применения

---

¹⁵⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 года № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // www.vsrif.ru (дата обращения 12.09.2019 года).

¹⁵¹ См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.02.2020 года № Ф04-11/2020 по делу № А27-16463/2019 // www.kad.arbitr.ru (дата обращения 05.09.2019 года); Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.02.2020 года № Ф08-10910/2019 по делу № А63-4854/2019 // www.kad.arbitr.ru (дата обращения 05.09.2019 года); Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.07.2019 года № Ф04-1938/2019 по делу № А03-18152/2018 // www.kad.arbitr.ru (дата обращения 05.09.2019 года);

правил управления процессуальными рисками в том объеме, в каком она предусмотрена законодателем для общего искового порядка рассмотрения и разрешения гражданских дел, при этом в полной мере несут риск наступления неблагоприятных последствий в виде проигрыша дела.

Одним из возможных вариантов исключения ситуации несоответствия сложности спора упрощенному порядку его рассмотрения может стать использование правила согласования процессуальных действий сторон.

В настоящее время процессуальный закон предусматривает возможность перехода к рассмотрению делу из общего порядка в упрощенный по ходатайству стороны при согласии другой стороны или по инициативе суда при согласии сторон (ч.2 ст. 232.2 ГПК РФ, ч.3 ст. 227 АПК РФ).

В связи с этим, в аспекте управления процессуальными рисками, представляется обоснованным предложение О.Н. Шеменевой о придании ходатайству сторон спора о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового производства обязательного характера¹⁵².

Полагаем, что это позволит завершить идею законодателя и распространить действие правила, установленного в ч.2 ст. 232.2 ГПК РФ, ч.3 ст. 227 АПК РФ, и в обратном порядке, установив возможность перехода к рассмотрению дела из упрощенного порядка в общий по ходатайству стороны при согласии другой стороны или по инициативе суда при согласии сторон.

Предоставление сторонам права выбора порядка рассмотрения и разрешения дел представляет собой дополнительное процессуальное средство в механизме управления процессуальным риском в рамках упрощенного производства.

Как мы отмечали ранее, для рассмотрения действительно несложных, поставленных отчасти «на поток» гражданских дел, упрощенное производство является эффективной и даже минимизирующей ряд процессуальных рисков процедурой. К безусловным плюсам данного производства можно отнести

---

¹⁵² Шеменова О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. – М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 234.

процессуальную экономию, отсутствие необходимости явки в суд, сокращенный срок обжалования.

Полагаем, что стороны, действуя добросовестно и объективно осознавая сложность возникшего между ними спора, могут прийти и к взаимному соглашению о переходе к рассмотрению дела в общем или, наоборот, в упрощенном порядке.

Придание обязательного характера соглашению сторон о рассмотрении дела в общем или, наоборот, в упрощенном порядке, будет являться гарантией обеспечения соответствия степени процессуального риска возможностям управления им.

Таким образом, механизм управления процессуальными рисками в рамках упрощенного производства может быть применен сторонами с учетом ограничения процессуальной формы данного порядка рассмотрения гражданских дел. Дополнительным процессуальным средством управления процессуальными рисками при упрощенной форме рассмотрения и разрешения споров должно стать предоставление права выбора порядка рассмотрения и разрешения дел по обоюдному согласию сторон. Применение данного процессуального средства позволит перейти к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, после чего стороны смогут использовать механизм управления рисками в цивилистическом процессе в полном объеме.

3. Приказное производство.

Согласно данным судебной статистики в первом полугодии 2022 года судами общей юрисдикции в порядке приказного производства было рассмотрено 9 898 282 гражданских дел¹⁵³, арбитражными судами – 86 671 тыс. гражданских дел¹⁵⁴. В

---

¹⁵³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2022 года. URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения 21.03.2023)

¹⁵⁴ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 1 полугодие 2022 года URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения 21.03.2023)

2021 году судами общей юрисдикции - 18 963 642 гражданских дел¹⁵⁵, в 2020 году – 17 683 137¹⁵⁶. Арбитражными судами в 2021 году в порядке приказного производства было рассмотрено порядка 181 тыс. гражданских дел¹⁵⁷.

Приведенная статистика свидетельствует, что в порядке приказного производства судами общей юрисдикции рассматриваются преобладающие количество дел, что, с учетом чрезвычайной ограниченности процессуальной формы приказного производства, «одновременно потрясает и ужасает»¹⁵⁸.

В связи с этим, важно выяснить, насколько велики процессуальные риски в приказном производстве и можно ли их минимизировать?

В приказном производстве только два участника (взыскатель и должник) и их процессуальные действия достаточно ограничены: действия взыскателя сводятся исключительно к подаче заявления о выдаче судебного приказа, а действия должника – к возможности его отмены в ограниченные сроки или подаче кассационной жалобы.

Как верно отмечает О.Н. Шеменева, приказное производство «полностью исключает возможность проведения гласного судебного разбирательства с участием сторон, возможность использования свидетельских показаний, заключений экспертов, вещественных доказательств... должник и взыскатель не могут использовать примирительные процедуры и (или) заключить мировое соглашение»¹⁵⁹.

---

¹⁵⁵ Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2021 год. URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения 25.09.2022).

¹⁵⁶ Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2020 год. URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения 25.09.2022).

¹⁵⁷ Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции за 2021 год. URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения 25.09.2022)

¹⁵⁸ Гаврилов С.О., Трезубов Е.С. Защита прав третьих лиц в приказном производстве: в поисках оптимальной модели регулирования // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 71.

¹⁵⁹ Шеменева О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. – М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 231.

Исходя из этого, с субъективной стороны процессуальные риски в приказном производстве более ограничены в сравнении с исковым производством, в том числе с его упрощенной формой, что связано, прежде всего, с количеством процессуальных действий, которые вправе совершать стороны в рамках приказного производства.

Процессуальные риски взыскателя сводятся к вероятности отмены судебного приказа на основании возражения должника относительно его исполнения, с последующей необходимостью предъявления искового заявления в целях защиты нарушенного права. Процессуальные риски должника заключаются прежде всего в бездействии и непредъявлении возражений относительно исполнения судебного приказа в установленный законом срок или в неполучении (несвоевременном получении) судебных почтовых извещений, что лишает должника информации о вынесении в отношении него судебного приказа и последующую необходимость восстановления процессуальных сроков для предъявления возражений.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что механизм управления процессуальными рисками, может быть применен сторонами в приказном производстве только частично, что обусловлено невозможностью применения правила согласования процессуальных действий в рамках приказного производства, а также ограниченностью процессуальных средств для выполнения иных правил. Можно утверждать, что управление процессуальными рисками в рамках приказного производства сводится лишь к использованию ряда процессуальных средств, прямо предусмотренных законом.

Так, применение правила совершения процессуальных действий в полном объеме может быть реализовано в рамках приказного производства путем направления должником возражений относительно исполнения судебного приказа с одновременным заявлением о восстановлении пропущенного процессуального срока (при условии его пропуска, конечно) и обоснованием невозможности представления возражений в установленный срок по причинам, не зависящим от должника.

Отсутствие обоснования уважительности причин пропуска срока влечет за собой возвращение возражений заявителю, о чем прямо указывает Пленум ВС РФ в п. 33 Постановления от 27.12.2016 года № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»¹⁶⁰, и, как следствие, обязанность оплаты взысканных денежных средств.

С объективной стороны, к процессуальным рискам приказного производства можно отнести неопределенность в практике судов относительно взыскания судебных расходов по делам приказного производства¹⁶¹.

Так, например, в одних случаях суды отказывают во взыскании судебных издержек по делам приказного производства основываясь на п. 19 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 21.01.2016 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении судебных издержек, связанных с рассмотрением дела»¹⁶², согласно которому не подлежат распределению между лицами, участвующими в деле, издержки, понесенные в связи с рассмотрением требований, удовлетворение которых не обусловлено установлением фактов нарушения или оспаривания прав истца ответчиком.

Некоторые суды, наоборот, не находят оснований для отказа в удовлетворении требований о взыскании судебных расходов, понесенных в связи с подачей заявления о выдаче судебного приказа, поскольку требования о взыскании судебных расходов на оплату юридических услуг и на уплату государственной пошлины не являются исковыми требованиями, а производны от них и следуют их

---

¹⁶⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 года № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» // www.vsrfr.ru (дата обращения 28.09.2022 года).

¹⁶¹ См.: Дружинина Ю.Ф., Трезубов Е.С. О проблеме распределения судебных расходов в приказном производстве // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 91 – 106.

¹⁶² Постановление Пленума Верховного суда РФ от 21.01.2016 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении судебных издержек, связанных с рассмотрением дела» // www.vsrfr.ru (дата обращения 12.09.2019 года).

процессуальной судьбе, то есть также подлежат рассмотрению в порядке приказного производства¹⁶³.

Сложившаяся судебная практика свидетельствует о том, что заинтересованное лицо, обратившееся в суд с заявлением о выдаче судебного приказа, не имеет должной возможности предугадать вероятность риска отказа в удовлетворении заявления о взыскании судебных расходов, а, следовательно, и минимизировать возможность наступления неблагоприятного результата.

Очевидной особенностью приказного производства является отсутствие спора о праве. При этом, как справедливо отмечает О.Н. Шеменова, суд делает вывод об отсутствии спора о праве исходя из характера действий самих сторон: взыскатель выражает свое согласие с рассмотрением его требований в приказном порядке посредством обращения в суд с соответствующим заявлением, должник – путем непредставления возражений¹⁶⁴.

Вместе с тем действующее законодательство в ст. 135 ГПК РФ, ст. 129 АПК РФ предусматривает возможность возвращения искового заявления, в случаях установления судом оснований для его рассмотрения в порядке приказного производства.

Таким образом, суд наделен возможностью на стадии возбуждения дела признать требования бесспорными и, по сути, отказать заявителю в его праве на доступ к правосудию, тем самым лишив его возможности по полноценному управлению рисками путем принятия, например, обеспечительных мер, заключения мирового соглашения, проведения экспертизы и пр.

---

¹⁶³ См.: Определение Архангельского областного суда от 26.01.2017 года по делу №.33-557/2017 // www.oblsud.arh.sudrf.ru (дата обращения 12.09.2019 года); Определение Арбитражного суда Хабаровского края от 10.06.2021 года по делу № А73-19001/2020 // www.kad.arbitr.ru. (дата обращения 27.07.2021 года); Определение Арбитражного суда Хабаровского края от 05.07.2021 года по делу № А73-21128/2020 // www.kad.arbitr.ru. (дата обращения 27.07.2021 года).

¹⁶⁴ Шеменова О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. – М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 230.

В литературе такое решение законодателя о лишении кредитора права выбора порядка судебной защиты критиковалось неоднократно¹⁶⁵.

Несправедливость данного регулирования выражается и в том, что взыскатель может наверняка знать, что должник в последний момент обратится в суд с возражениями относительно исполнения судебного приказа. В конечном счете у кредитора возрастают риски потери времени и средств.

В связи с этим представляется обоснованным мнение ученых о необходимости возврата к альтернативному характеру приказного производства, что создаст для заинтересованных лиц дополнительные возможности по выбору процессуального порядка, а значит и по управлению процессуальными рисками.

Анализ процессуальных рисков в рамках отдельных исковых и неисковых производств подтверждает многообразие процессуальных рисков, и необходимость управления ими, а также возможность применения предложенного механизма по управлению процессуальными рисками с учетом специфики различных категорий дел.

§ 4. Процессуальные риски и управление ими в проверочных инстанциях

Объем и характер процессуальных рисков в цивилистическом судопроизводстве, возможности управления ими определяются не только его видом, но и стадией рассмотрения дела. Комплексность исследования предполагает необходимость анализа возможностей применения механизма управления процессуальными рисками в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях.

1. Процессуальные риски в апелляционной инстанции.

---

¹⁶⁵ См.: Моисеев С.В. Ограничение свободы выбора процедуры и порядка рассмотрения требований как тренд развития процессуального законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. №9. С. 25.; Шеменова О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. - М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 232.

В аспекте исследования рисков в суде апелляционной инстанции, представляется необходимым проанализировать действия лиц, участвующих в деле, на предмет их рискованного характера и установить имеются ли процессуальные риски при пересмотре судебных актов, не вступивших в законную силу, после чего рассмотреть возможности применения предлагаемого нами механизма к управлению процессуальными рисками на стадии апелляционного пересмотра.

Стадия апелляционного обжалования начинается с подачи апелляционной жалобы лицом (или лицами), участвующими в деле, и ее принятия соответствующим судом к своему производству.

Полагаем, что предъявление апелляционной жалобы представляет само по себе рискованное процессуальное действие, и, следовательно, влечет за собой вероятность наступления для апеллянта, в том числе, неблагоприятных последствий.

Процессуальные риски совершения данного действия зависят от того, что именно обжалует участник процесса: судебный акт полностью или только его часть.

При обжаловании судебного акта в полном объеме, апеллянт несет процессуальный риск отказа в удовлетворении апелляционной жалобы, но при этом его положение в материальном правоотношении, по поводу которого возник спор, не ухудшается, то есть для лица, подавшего апелляционную жалобу, наступает только процессуальный риск.

При обжаловании судебного акта в части, в случае частичной победы в споре по результатам рассмотрения дела судом первой инстанции, апеллянт несет процессуальный риск отказа в удовлетворении апелляционной жалобы, а также процессуальный риск пересмотра обжалуемого решения полностью, а, следовательно, и материально-правовые риски.

Так, согласно ч. 2 ст. 327.1 ГПК РФ суд апелляционной инстанции в интересах законности вправе проверить решение суда первой инстанции в полном объеме.

При этом в соответствии с п. 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 года № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» под интересами законности следует понимать необходимость проверки правильности применения судом первой инстанции норм материального и процессуального права в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов участников гражданских, трудовых (служебных) и иных правоотношений, а также в целях защиты семьи, материнства, отцовства, детства; социальной защиты; обеспечения права на жилище; охраны здоровья; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; защиты права на образование и других прав и свобод человека и гражданина; в целях защиты прав и законных интересов неопределенного круга лиц и публичных интересов и в иных случаях необходимости охраны правопорядка¹⁶⁶.

Изложенное свидетельствует, что суд апелляционной инстанции может выйти за пределы апелляционной жалобы и пересмотреть решение суда первой инстанции полностью фактически при любых сомнениях относительно правильности принятого судебного акта.

В АПК РФ несколько иная регламентация. Согласно ч. 5 ст. 268 АПК РФ в случае, если в порядке апелляционного производства обжалуется только часть решения, арбитражный суд апелляционной инстанции проверяет законность и обоснованность решения только в обжалуемой части, если при этом лица, участвующие в деле, не заявят возражений. В то же время смысл один и тот же – апелляционная инстанция может выйти за пределы доводов апелляционной жалобы.

Нельзя не согласиться с тем, что «в гражданском процессе не действует правило запрета поворота к худшему, сторона, подавая апелляционную жалобу, рискует потерять достигнутое в суде первой инстанции, поскольку при несогласии

---

¹⁶⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 года № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // www.vsrp.ru (дата обращения 29.09.2022 года).

апеллянта с частью решения суд апелляционной инстанции в интересах законности вправе проверить решение суда первой инстанции в полном объеме и полностью отменить его»¹⁶⁷.

Статья ст. 327.1 ГПК РФ устанавливает пределы рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции, в том числе в части представления новых доказательств.

Согласно данной норме, суд апелляционной инстанции оценивает имеющиеся в деле, а также дополнительно представленные доказательства. Дополнительные доказательства принимаются, если лицо, участвующее в деле, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными.

Аналогичная норма содержится и в АПК РФ.

Возможности приобщения дополнительных доказательств в суде апелляционной инстанции по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, еще более ограничены в сравнении с общим порядком рассмотрения гражданских дел.

В арбитражном процессе дополнительные доказательства по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, арбитражным судом апелляционной инстанции принимаются только в случаях перехода к рассмотрению дела по правилам первой инстанции (ст. 272.1 АПК РФ).

В гражданском процессе дополнительные доказательства по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, судом апелляционной принимаются в случаях, если доказательства и (или) иные документы необоснованно не были приняты судом первой инстанции при поступлении в суд до принятия решения по делу, но по истечении установленных судом сроков и суд

---

¹⁶⁷ Тимофеев Ю.А. Ординарные способы пересмотра судебных актов / Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. Москва: Статут, 2021. // СПС Консультант плюс.

не принял эти доказательства при условии, что сроки их представления были пропущены по уважительным причинам (ч. 2 ст. 335.1, ч. 4 ст. 232.3 ГПК РФ).

Именно в связи с такими ограничениями, с увеличением рисков и при апелляционном пересмотре дела, рассмотренного в упрощенном порядке, не должно бесконечно расширяться упрощенное производство, а возможность перехода в общий порядок по взаимному соглашению сторон должна быть закреплена в процессуальных кодексах, о чем мы писали в предыдущем параграфе.

Особый риск представляют ситуации, когда в упрощенном производстве по причине несвоевременно представленного или не представленного по уважительным причинам, но имеющегося у стороны доказательства, она проигрывает дело.

В данном случае процессуальное бездействие, не всегда представляющее собой ошибку, допущенное в суде первой инстанции, непосредственно влияет на процессуальные риски, возникающие в суде апелляционной инстанции.

В связи с этим можно поставить вопрос о целесообразности полной апелляции с целью минимизации процессуальных рисков.

Как справедливо отмечает Л.А.Терехова, полная апелляция предполагает новое рассмотрение дела, для чего необходимы все относящиеся к делу и допустимые по форме доказательства¹⁶⁸.

В аспекте минимизации процессуальных рисков, предсказуемости результата совершения процессуальных действий модель полной апелляции представляется более эффективной, поскольку позволяет сторонам и иным лицам, участвующим в деле, на стадии апелляционного пересмотра использовать механизм управления процессуальными рисками.

Применительно же к действующей модели неполной апелляции представляется обоснованным расширить перечень оснований приобщения к материалам дела, рассмотренного в упрощенном порядке, на стадии

---

¹⁶⁸ Терехова Л. А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: автореф.дис. ...д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 8.

апелляционного пересмотра новых доказательств по аналогии с общим порядком. Иными словами, установить, что дополнительные доказательства принимаются судом апелляционной инстанции, если лицо, участвующее в деле, рассмотренном в порядке упрощенного производства, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными.

Помимо вышеназванных правил управления процессуальными рисками на стадии апелляционного обжалования также возможно применение правила согласования процессуальных действий сторон, в том числе, путем примирения.

В силу прямого указания процессуальных кодексов, примирение сторон возможно на любой стадии гражданского и арбитражного процесса (ч. 4 ст. 153.1 ГПК РФ, ч. 4 ст. 138 АПК РФ), в том числе и на стадии апелляционного обжалования.

Результатом примирения сторон при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции, равно как и первой инстанции, может быть мировое соглашение в отношении всех или части заявленных требований, частичный или полный отказ от иска, частичное или полное признание иска (п.1, п.2, п.3 ч.1 ст. 153.7 ГПК РФ, п. 1, п. 2, п.3 ст. 138.6 АПК РФ, ст. 326.1 ГПК РФ, ст. 49 АПК РФ). Последствием принятия судом апелляционной инстанции отказа истца от иска или утверждения мирового соглашения является отмена решения суда первой инстанции и прекращение производства по делу¹⁶⁹. Отмена решения суда, как следствие примирения, также отменяет и возможную преюдицию ранее принятого судебного постановления, что при определенных обстоятельствах может минимизировать будущие материальные и (или) процессуальные риски стороны.

---

¹⁶⁹ п. 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 года № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // www.vsrp.ru (дата обращения 01.10.2022 года).

Также результатом примирения в апелляции может быть полный или частичный отказ от апелляционной жалобы (представления) (п. 4 ч.1 ст. 153.7 ГПК РФ, п. 4 ч.1 ст. 138.6 АПК РФ). Последствием принятия судом апелляционной инстанции полного или частичного отказа от апелляционной жалобы является прекращения производства по соответствующей жалобе, а не по делу в целом (ст. 236 ГПК РФ, ст. 265 АПК РФ).

Полагаем, что понимание важности полноценного применения процессуальных правил и средств управления процессуальными рисками в суде первой инстанции, а также законодательно предусмотренная возможность в апелляционном порядке устранить неполноту процессуальных действий, допущенную при первом рассмотрении гражданского дела (при условии наличия уважительных причин), в том числе в упрощенном порядке, будет способствовать эффективному применению механизма управления процессуальными рисками в цивилистическом процессе.

Изложенное позволяет сделать вывод, что при пересмотре судебных актов, не вступивших в законную силу, лица, участвующие в деле несут промежуточные (например, отказ в удовлетворении ходатайства о приобщении новых доказательств) и конечный (отказ в удовлетворении апелляционной жалобы) процессуальные риски наступления неблагоприятных последствий. Особенностью применения механизма управления процессуальными рисками в суде апелляционной инстанции является взаимосвязь процессуальных рисков лиц, участвующим в деле, в суде первой инстанции с рисками при пересмотре судебных актов, не вступивших в законную силу. Вследствие этой взаимосвязи сделан вывод о возможности применения предложенного механизма и при повторном рассмотрении дела по существу в суде апелляционной инстанции.

2. Процессуальные риски в кассационной и надзорной инстанциях.

Стадии кассационного и надзорного производства закономерно предполагают снижение процессуальных правомочий лиц, участвующих в деле.

В общем виде, процессуальные действия участников процесса на данных стадиях (при условии передачи дела на коллегиальное рассмотрение в суде второй кассационной и надзорной инстанции) сводятся к возможности предъявления соответствующей жалобы (кассационной или надзорной), отзыва на жалобу, приобщению дополнений к тексту ранее поданной жалобы и дачи устных пояснений, основанных на ранее сформированной процессуальной позиции, суду.

Процессуальные риски, с которыми могут столкнуться лица, участвующие в деле, на данных стадиях также закономерно сокращаются.

Так, примером процессуального риска бездействия участника процесса может быть непредставление отзыва на кассационную или надзорную жалобу и рассмотрение дела судом проверочной инстанции исключительно в пределах доводов заявителя. Примером риска процессуального действия – само предъявление соответствующей жалобы и ухудшение процессуального и материально – правового положения лица, участвующего в деле, в связи с возможностью выхода суда кассационной или надзорной инстанции за ее пределы (по аналогии с обжалованием части судебного постановления, что было описано нами ранее).

Несмотря на ограниченные возможности совершения процессуальных действий на данных стадиях, лица, участвующие в деле, могут претерпевать как промежуточные неблагоприятные последствия совершения рискованных процессуальных действий (непредставление отзыва на кассационную или надзорную жалобу и отложение судебного заседания в связи с этим, при установлении данной необходимости судом), так и конечный риск (отказ в удовлетворении кассационной или надзорной жалобы).

Полагаем, что правила механизма управления процессуальными рисками применимы при пересмотре судебных актов, вступивших в законную силу, с учетом особенностей процессуальной формы данных стадий гражданского процесса.

Так, своевременность совершения процессуальных действия заключается, например, в подаче жалобы в установленные законом сроки. Пропуск процессуального срока обжалования влечет за собой необходимость его восстановления, а, следовательно, совершение дополнительных рискованных процессуальных действий.

В аспекте минимизации процессуальных рисков, важно учитывать, что восстановление пропущенного процессуального срока на подачу кассационной жалобы возможно только в исключительных случаях, если суд признает уважительными причины их пропуска по обстоятельствам, объективно исключающим возможность подачи кассационной жалобы в установленный срок и при условии, что эти обстоятельства имели место в период не позднее одного года со дня вступления обжалуемого судебного постановления в законную силу (абз. 2 ч. 6 ст. 112 ГПК РФ).

Согласно абз. 1 п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» обстоятельства, связанные с пропуском срока на подачу жалобы в кассационном порядке, возникшие за пределами годичного срока, не имеют правового значения и проверке не подлежат¹⁷⁰.

В арбитражном процессе срок подачи кассационной жалобы, пропущенный по причинам, не зависящим от лица, обратившегося с такой жалобой, может быть восстановлен арбитражным судом кассационной инстанции при условии, что ходатайство подано не позднее чем через шесть месяцев со дня вступления в законную силу обжалуемого судебного акта (ч. 2 ст. 276 АПК РФ).

Правило своевременности совершения процессуальных действий при обжаловании судебных актов, вступивших в законную силу, следует и из статьи 279 АПК РФ, согласно которой лицо, участвующее в деле, направляет отзыв на

---

¹⁷⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 года № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // www.vsrif.ru (дата обращения 29.03.2023 года).

кассационную жалобу другим лицам, участвующим в деле, и в суд в срок, обеспечивающий возможность ознакомления с отзывом до начала судебного заседания.

Согласно п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 года № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» суд кассационной инстанции вправе установить срок для представления отзыва на кассационную жалобу, указав на это в определении. Непредставление отзыва на кассационную жалобу не препятствует ее рассмотрению¹⁷¹.

Правило совершение процессуальных действий в полном объеме также актуально на стадиях кассационного и надзорного пересмотра.

Так, данное правило может быть применимо к возможности представления дополнений к тексту ранее направленное жалобы.

При решении вопроса о принятии дополнений, письменных пояснений к кассационной жалобе либо отзыва на кассационную жалобу судам кассационной инстанции необходимо иметь в виду, что сугубо правовое обоснование доводов и возражений стороны вправе приводить на всех стадиях рассмотрения дела, если они основаны на доказательствах, имеющихся в материалах дела, при условии направления копии данных документов в адрес иных лиц, участвующих в деле¹⁷².

Полнота процессуальных действий в данном случае будет заключаться как в самой возможности дополнения процессуальной позиции, так и в осуществлении всего необходимого набора процессуальных действий (направления копии дополнений и (или) пояснений в адрес иных лиц, участвующих в деле), на что законодатель обращает особое внимание.

---

¹⁷¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 года № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» // www.vsrif.ru (дата обращения 29.03.2023 года).

¹⁷² Там же.

В части возможности заключения процессуальных соглашений, важно отметить, что процессуальный закон на данных стадиях также наделяет стороны правом использования примирительных процедур.

Возможными результатами примирения на стадии кассационного обжалования могут быть мировое соглашение, признание иска, полный или частичный отказ от кассационной жалобы.

По ГПК РФ результатом примирения на стадии кассационного пересмотра может быть также отказ от иска. Единственной особенностью заявления ходатайства об отказе от иска в суде кассационной инстанции является его обязательный письменный характер, в связи с тем, что при рассмотрении дела кассационным судом не применяются правила о ведении протокола (ч. 2 ст. 379.5 ГПК РФ).

АПК РФ содержит иную регламентацию. В силу положений ч. 2 ст. 49 АПК РФ в арбитражном процессе отказ от иска как одностороннее распорядительное действие возможен полностью и в части только при рассмотрении дела судами первой или апелляционной.

Полагаем, что установленное АПК РФ исключение возможности отказа от иска на стадии кассационного обжалования в полной мере нельзя признать обоснованным.

Невозможность отказа от заявленных требований полностью или в части на стадии пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, вероятно, обусловлена тем, что суды первой и апелляционной инстанции могут отказать в удовлетворении иска. Соответственно, истец утрачивает и право на отказ от иска. Эта ситуация вполне понятна и оправдана в том случае, если истец дело проиграл, а если, наоборот, выиграл, то лишать его данного распорядительного права является неверным.

Частичное решение данного вопроса содержится в п. 20 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе», согласно которому часть 2 статьи 49 АПК РФ не предусматривает отказ

от иска (полностью или частично) на стадии рассмотрения дела судом кассационной инстанции лишь в качестве одностороннего распорядительного действия, в то время как включение в мировое соглашение условия о полном или частичном отказе истца от заявленных требований само по себе не является основанием для отказа в его утверждении со ссылкой на нарушение части 2 статьи 49 АПК РФ¹⁷³.

Представляется необходимым унифицировать в АПК РФ и ГПК РФ подход законодателя в части отказа от иска на стадии кассационного пересмотра и закрепить положение п. 20 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» по тексту данных процессуальных кодексов, а также установить возможность отказа истца от иска в качестве одностороннего распорядительного действия на любой стадии гражданского и арбитражного процесса при удовлетворении иска судами первой или апелляционной инстанций.

Полагаем, что данный подход расширит возможности сторон по применению правила согласования процессуальных действий на основе взаимных интересов в том числе при пересмотре судебных постановлений, вступивших в законную силу, в кассационном порядке.

Относительно применения правила согласования процессуальных действий сторон на основе взаимных интересов в суде надзорной инстанции, стоит отметить, что ввиду её исключительного характера, данное правило подлежит также применению в исключительных случаях.

Исключительный характер надзорной инстанции обусловлен как ее правовой природой, так и данными судебной статистики. Так, например, в первом полугодии 2022 года Президиумом Верховного Суда Российской Федерации не было

---

¹⁷³ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.07.2014 года № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // СПС Консультант плюс.

рассмотрено ни одной надзорной жалобы по гражданским делам из 178 поступивших за указанный период¹⁷⁴.

В общем механизме управления процессуальными рисками было предложено правило добросовестности.

Данное правило, на наш взгляд, является универсальным для всех стадий процесса, что следует из ст. 35 ГПК РФ, ч. 2 ст. 41 АПК РФ, в соответствии с которыми лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами.

Ограничения в применении механизма управления процессуальными рисками в судах кассационной и надзорной инстанции связаны прежде всего с тем, что соответствующие суды не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были предметом рассмотрения судами нижестоящих инстанции, предрешать вопросы о достоверности (недостоверности) доказательств, преимуществе одних доказательств перед другими, исследовать новые доказательства.

Данный подход законодателя основан на классическом постулате римского частного права – *res judicata* (с лат. «дело решенное»), предполагающего неизменность вступившего в законную силу судебного акта.

Таким образом, в ходе рассмотрения дела судом кассационной инстанции лицо преимущественно вправе управлять процессуальными рисками только в пределах ранее совершенных процессуальных действий, то есть, если участник процесса представил в материалы дело доказательство, а суд не произвел его оценку или не квалифицировал сложившиеся правоотношения в соответствии с ним, лицо, полагаящее, что его право нарушено, имеет возможность приводить соответствующие доводы в судах проверочных инстанций, если же своевременно данные процессуальные действия не были совершены, участник процесса закономерно такого права лишается.

---

¹⁷⁴ Отчет о работе Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению гражданских дел, административных дел в порядке надзора за первое полугодие 2022 года URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения 25.03.2023 года).

Так, например, Верховный Суд РФ в Определении от 16.10.2020 № 309-ЭС20-14731 по делу № А50-19513/2019 указал, что риск наступления последствий несовершения процессуальных действий (в том числе по представлению доказательств, изложению суду своих доводов по обстоятельствам дела, на котором построена правовая позиция) лежит на лице, участвующем в деле, заинтересованном в совершении этих действий¹⁷⁵.

До внесения Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ¹⁷⁶ изменений в части введения сплошной кассации по аналогии с арбитражным процессом и в гражданский процесс, заинтересованные лица при кассационном обжаловании постановлений судов общей юрисдикции были вынуждены преодолевать фильтр предварительного изучения жалобы и приложенных к ней материалов судьей кассационной инстанции.

Введение сплошной кассации в гражданский процесс является положительным изменением процессуального закона и с точки зрения возможностей по управлению процессуальными рисками, поскольку на стадии первой кассации закон наделяет лиц, участвующих в деле, возможностями использовать дополнительные процессуальные средства.

---

¹⁷⁵ Определение Верховного Суда РФ от 16.10.2020 года №309-ЭС20-14731 по делу № А50-19513/2019 // СПС Консультант плюс.

¹⁷⁶ Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 17.10.2019 г.) // СЗ РФ. 03.12.2018. № 49 (ч. I). Ст. 7523.

ГЛАВА 3. РОЛЬ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР РАЗРЕШЕНИЯ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В УПРАВЛЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ РИСКАМИ

§ 1. Процессуальные риски и возможности управления ими при использовании арбитража (третейского разбирательства).

В предыдущей части исследования речь шла о возможности управления процессуальными рисками в рамках судопроизводства по гражданским делам. Вместе с тем в настоящее время у сторон есть возможность использовать для его разрешения и урегулирования альтернативные процедуры, одной из которых является третейское разбирательство. В традиционном представлении третейское разбирательство обладает целым рядом преимуществ по сравнению с судебной процедурой¹⁷⁷. Можно ли в связи с этим говорить о том, что третейское разбирательство является более привлекательным и с точки зрения степени процессуальных рисков и возможностей управления ими.

Выбирая арбитраж, стороны исключают государственное правосудие и, соответственно, все процессуальные риски, с ним связанные, о которых шла речь в предыдущих главах. Но у третейской формы есть собственные риски. Поэтому возникает вопрос, применим ли механизм управления процессуальными рисками (со всеми его правилами и процессуальными средствами) к третейскому разбирательству.

Прежде всего, необходимо отметить, что третейское разбирательство, так же как и цивилистический процесс, осуществляется на основе принципа состязательности. Из этого следует, что и в рамках третейской формы сторонам необходимо предпринимать все возможные меры по отстаиванию своих интересов путем представления доказательств, заявления ходатайств, дачи пояснений,

---

¹⁷⁷ См.: Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М.: Статут, 2017. - 260 с.

личного присутствия и пр., а, следовательно, и нести риски совершения или не совершения тех или иных рисков процессуальных действий.

Наличие процессуальных рисков при рассмотрении споров третейскими судами прямо закреплено и в некоторых регламентах постоянно действующих арбитражных учреждений.

Так, например, в п. 7 ст. 35 Регламента Арбитражного центра при РСПП указано, что лица, участвующие в арбитраже, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий¹⁷⁸.

Процессуальные риски в арбитраже условно можно разделить на две группы: риски непосредственно третейского разбирательства; риски, связанные с переходом в государственный суд в случае оспаривания решения третейского суда или необходимости его принудительного исполнения.

Риски непосредственно третейского разбирательства могут быть классифицированы (по аналогии с рисками гражданского и арбитражного судопроизводства) на промежуточные и конечные.

К промежуточным процессуальным рискам арбитража относятся риски совершения и (или) несовершения отдельных процессуальных действий в ходе рассмотрения дела третейским судом.

Например, неявка стороны третейского разбирательства, извещенной надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, не является препятствием к проведению судебного заседания (ст. 28 Федерального закона от 29.12.2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹⁷⁹ (далее – Закон об арбитраже)), что может повлечь за собой решение целого ряда процессуальных вопросов без учета мнения отсутствующей стороны, или даже вынесение решения по делу.

---

¹⁷⁸ Регламент Арбитражного центра при РСПП, утвержден распоряжением Президента РСПП от 21.06.2018 года № РП-5 // www.arbitration-rspp.ru (дата обращения 30.03.2023 года).

¹⁷⁹ Федеральный закон от 29.12.2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (в ред. от 27.12.2018 г.) // СЗ РФ. от 04.01.2016 г. № 1 (часть I) ст. 2.

К конечному процессуальному риску третейского разбирательства так же как и в государственном суде, относится проигрыш дела.

В то же время можно выделить целый ряд особенностей процессуальных рисков при рассмотрении дел третейскими судами, обусловленных частноправовой природой арбитража.

В качестве первой особенности следует назвать значительное сокращение рисков объективного характера в сравнении с гражданским и арбитражным судопроизводством.

Так, в ходе исследования риска в публичном процессе было установлено, что к объективным факторам процессуального риска можно отнести множественность участников процесса, наличие инстанционности, жесткую процессуальную форму гражданского и арбитражного судопроизводства, наличие пресекательных процессуальных сроков, делящийся характер цивилистического процесса.

В третейском разбирательстве снижение рисков объективного характера обусловлено прежде всего сокращением количества участников (по сути, только стороны арбитражного соглашения), отсутствием инстанционности (решение арбитража можно только отменить путем подачи соответствующего заявления в государственный суд, при этом стороны своим прямым соглашением могут исключить и такую возможность, гибкостью процедуры, возможностью организации процесса на основании сотрудничества арбитров и сторон, а также тем, что все процессуальные вопросы, за исключением императивных норм законодательства об арбитраже, могут решаться по соглашению сторон.

Сокращение количества объективных факторов, влияющих на процессуальные риски, позволяет говорить и о возможности более эффективного управления ими. Закономерно, что в условиях снижения объективных рисков, у сторон появляется возможность концентрироваться на субъективных процессуальных рисках.

В связи с этим, можно выделить вторую особенность процессуальных рисков при рассмотрении споров в третейском суде – более активное управление собственными процессуальными рисками.

В предыдущих разделах был предложен и описан общий механизм управления процессуальными рисками в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства, состоящий из совокупности правил минимизации собственного риска, правил минимизации риска от чужого поведения, к которым относятся: своевременное реагирование на действия (бездействия) иных участников процесса и противодействие недобросовестному процессуальному поведению иных лиц, а также включающий в себя, общее для обеих групп, правило управления и минимизации процессуальных рисков – согласование сторонами процессуальных действий на основе взаимных интересов.

Насколько применимы данные правила к третейскому разбирательству.

В государственном процессе согласование процессуальных действий возможно только в прямо установленных случаях.

Статья 19 Закона об арбитраже предусматривает, что при условии соблюдения положений Закона об арбитраже стороны могут по своему усмотрению договориться о процедуре арбитража.

О.Ю. Скворцов справедливо отмечает, что «процедура разрешения спора и принятия решения третейским судом менее жесткая, нежели соответствующая процедура (гражданский процесс, арбитражный процесс) в государственном суде. Совокупность важнейших отличий третейского процесса от гражданского (арбитражного) процесса заключается в том, что у сторон третейского разбирательства есть возможность устанавливать в определенной (весьма значительной) степени правила проведения разбирательства»¹⁸⁰.

Природа арбитража, основанная на автономии воли сторон, свидетельствует, что правило согласования процессуальных действий сторон не просто применимо

---

¹⁸⁰ Скворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 437.

в рамках третейского разбирательства, а может быть более эффективным в сравнении с гражданским и арбитражным судопроизводством.

Так, управление рисками в третейском процессе начинается с заключения сторонами арбитражного соглашения (то есть до начала процесса, а в большинстве случаев даже до возникновения спора), при этом у сторон есть право–выбора арбитражного учреждения, правил арбитражного учреждения, которые могут отличаться по своему содержанию.

Кроме того, стороны также вправе принять правила арбитражного учреждения в части или дополнить исходя из своих интересов (ст. 19 Закона об арбитраже), например, путем конкретизации положений о доказывании.

Правила согласования процессуальных интересов сторон в арбитраже может быть применено сторонами при выборе общего или упрощенного порядка рассмотрения спора. Например, согласно параграфа 23 Правил арбитража внутренних споров МКАС при ТПП РФ по соглашению сторон спор может быть разрешен без проведения устного разбирательства, на основе представленных письменных материалов¹⁸¹.

Также данное правило может быть использовано участниками третейского разбирательства путем выбора единоличного арбитра и определения места рассмотрения спора, что позволит, в том числе, минимизировать расходы сторон.

Обусловленная природой арбитража, основанного на автономии воли сторон, возможность по установлению собственных правил, как на этапе заключения арбитражного соглашения, так и при рассмотрении спора третейским судом, свидетельствует об эффективности согласования процессуальных действий в целях управления рисками в арбитраже.

Следующее правило - своевременность совершения процессуальных действий при рассмотрении дела в третейском суде.

---

¹⁸¹ Правила арбитража внутренних споров, приложение 3 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 года № 6 // СПС Консультант плюс.

Оно заключается в соблюдении установленных правилами арбитража и (или) арбитром процессуальных сроков, пропуск которых может повлечь утрату права на совершение того или иного действия, а, следовательно, повлечь за собой и получение решения третейского суда, не соответствующего интересам стороны.

Например, если сторона, которая знает о том, что какое-либо диспозитивное положение закона или какое-либо требование, предусмотренное арбитражным соглашением, не было соблюдено, и, тем не менее, продолжает участвовать в арбитраже, своевременно не заявив возражений против такого несоблюдения, она считается отказавшейся от своего права на возражение и в последующем лишается права ссылаться на данное нарушение (ст. 4 Закона об арбитраже).

Примером процессуального риска несвоевременного совершения процессуального действия также является непредставление возражений стороной арбитража относительно превышения третейским судом своей компетенции.

Так, согласно ст. 16 Закона об арбитраже заявление об отсутствии у третейского суда компетенции может быть сделано соответствующей стороной арбитража не позднее представления ею первого заявления по существу спора.

Стороны третейского разбирательства также несут процессуальный риск непредставления документов и иных материалов перед проведением заседания третейского суда (иными словами несвоевременного представления доказательств третейскому суду), поскольку это не является препятствием для проведения арбитража и принятия арбитражного решения (ст. 28 Закона об арбитраже).

Не менее важное значение для управления процессуальными рисками при рассмотрении дела третейским судом имеет и правило совершения процессуальных действий в полном объеме.

Для эффективного управления процессуальными рисками своевременно совершаемые стороной действия при рассмотрении дела арбитражем должны обладать признаками полноты (в значении внутреннего содержания) и достаточности (в значении необходимого количества).

Примером недостаточности процессуальных действий может быть отказ лица от подачи письменного заявления о применении обеспечительных мер в арбитраже и последующая невозможность исполнения принятого третейским судом решения.

Примером неполноты - заявление ходатайства о проведении экспертизы при рассмотрении дела третейским судом без указания круга и содержания вопросов, которые необходимо разъяснить при проведении экспертизы, и, как следствие, постановка удобных другой стороне вопросов перед экспертом.

В ходе предшествующего исследования также выделялось правило своевременного реагирования на действия (бездействия) оппонента.

Полагаем, что данное правило также применимо в рамках третейского производства.

Одним из примеров актуальности данного правила применительно к арбитражу является право ответчика представить отзыв на исковое заявление, изложив в нем свои возражения против иска, в порядке и сроки, которые предусмотрены правилами арбитража (ст. 25 Закона об арбитраже), тем самым минимизировав процессуальный риск рассмотрения спора третейским судом исходя исключительно из позиции истца.

Регламенты постоянно действующих арбитражных учреждений конкретизируют данное положение Закона об арбитраже. Например, в п. 1 ст. 11 Регламента Арбитражного центра при РСПП установлено, что ответчик в срок, не превышающий пятнадцати календарных дней, а при международном коммерческом арбитраже – тридцати календарных дней, со дня получения уведомления Арбитражного центра о принятии искового заявления к производству, вправе представить отзыв на исковое заявление¹⁸².

Следующее правило - добросовестное осуществление процессуальных прав.

---

¹⁸² Регламент Арбитражного центра при РСПП, утвержден распоряжением Президента РСПП от 21.06.2018 года № РП-5 // www.arbitration-rspp.ru (дата обращения 30.03.2023 года).

Правило добросовестного осуществления процессуальных прав является универсальным, несмотря на то, что Закон об арбитраже прямо не говорит об этом, общий смысл третейского разбирательства, основанного, прежде всего, на сотрудничестве и автономии воли сторон, позволяет утверждать, что стороны арбитража должны добросовестно пользоваться всеми предоставленными им правами и исполнять обязанности.

Кроме того, некоторые регламенты арбитражных учреждений предусматривают требование добросовестности.

Например, согласно Правил арбитража внутренних споров МКАС при ТПП РФ стороны и их представители должны добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами, не допускать злоупотребления этими правами и соблюдать установленные сроки их осуществления¹⁸³.

В п. 7 ст. 35 Регламента Арбитражного центра при РСПП указано, что лица, участвующие в арбитраже, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами и несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий¹⁸⁴.

Добросовестное осуществление процессуальных прав в третейском разбирательстве позволяет сторонам управлять процессуальными рисками.

Например, несообщение суду и оппоненту об изменении своего места нахождения (жительства) участником арбитража может привести к проведению заседания третейского суда в его отсутствие по причине направления извещения о времени и месте проведения заседания по последнему известному месту нахождения (жительства) данного участника и вынесению решения третейским судом, без учета доводов отсутствующей стороны. На возможность вынесения решения в отсутствии надлежащим образом извещенного участника третейского разбирательства прямо указывает ст. 28 Закона об арбитраже.

---

¹⁸³ § 16 Правила арбитража внутренних споров МКАС при ТПП РФ, приложение 3 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 года № 6 // СПС Консультант плюс.

¹⁸⁴ Регламент Арбитражного центра при РСПП, утвержден распоряжением Президента РСПП от 21.06. 2018 года № РП-5 // www.arbitration-rspp.ru (дата обращения 30.03.2023 года).

Полагаем, что несообщение суду и оппоненту об изменении своего места нахождения (жительства) участником арбитража можно квалифицировать как недобросовестное поведение стороны.

Конституционный суд Российской Федерации в Определении от 02.07.2013 года № 1045-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Беличко Артура Витальевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 113 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 2 статьи 4 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» указал, что стороны третейского соглашения, действуя добросовестно, разумно и осмотрительно, должны предпринять необходимые меры для своевременного получения корреспонденции, приходящей для них по указанным ими в документах о третейском соглашении адресам¹⁸⁵.

В настоящее время участникам процессуальных правоотношений, действительно, не всегда может быть удобно получать корреспонденцию по почте, в этом случае, они могут воспользоваться предоставленной им в рамках арбитража возможностью заключения соглашения об ином порядке получения информации и документов (например, посредством мессенджеров или электронной почты).

Добросовестное поведение стороны третейского разбирательства также позволяет управлять процессуальными рисками отмены решения третейского суда или отказа в удовлетворении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение арбитражного решения.

Так, действуя добросовестно лицо, подписывающее арбитражное соглашение, должно удостовериться, что возможный спор может быть предметом третейского разбирательства (п. 1 ч. 4 ст. 421 ГПК РФ, п. 1 ч. 4 ст. 233 АПК РФ), а в ходе проведения процедуры убедиться, что состав третейского суда и процедура

---

¹⁸⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 года № 1045-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Беличко Артура Витальевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 113 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 2 статьи 4 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» // СПС Консультант плюс.

арбитража соответствуют соглашению сторон или федеральному закону (п. 5 ч. 3 ст. 426 ГПК РФ, п. 5 ч. 3 ст. 239 АПК РФ), а в случае обнаружения нарушений в ходе проведения процедуры или при формировании третейского суда предпринять необходимые процессуальные меры по своевременному устранению данных нарушений, то есть применить правила своевременного и полного совершения процессуальных действий.

Например, при установлении несоответствия состава третейского суда соглашению сторон, участник третейского разбирательства вправе заявить арбитражу отвод (ст. 12 Закона об арбитраже).

К ситуациям процессуального риска стоит отнести и случаи недобросовестного поведения обеих сторон третейского разбирательства.

Так, например, согласно п. 32 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017) при наличии доказательств, свидетельствующих о недобросовестном поведении сторон третейского разбирательства, в частности инициировании третейского разбирательства исключительно с целью создания искусственной задолженности во вред кредиторам одной из сторон разбирательства, эти стороны несут бремя доказывания добросовестности и разумности своих действий и отсутствия нарушения публичного порядка в случае приведения в исполнение решения третейского суда¹⁸⁶.

Изложенное свидетельствует, что целенаправленное недобросовестное поведение сторон третейского разбирательства, влечет для них риск наступления неблагоприятных последствий в виде отказа в удовлетворении заявленных требований по результатам рассмотрения дела третейским судом или в виде отказа в удовлетворении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения арбитража, отмены данного решения в государственном суде.

---

¹⁸⁶ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017), утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017 года // www.vsrif.ru (дата обращения 06.10.2022 года).

Правило реагирования на злоупотребление процессуальными правами со стороны оппонента в арбитраже заключается прежде всего не в квалификации его действий, как недобросовестных, а в обращении внимания третейского суда на правомерность продолжения рассмотрения спора в случае неявки противоположной стороны без уважительных причин, отказа в приобщении несвоевременно направленных другой стороной доказательств к материалам дела, вынесения решения при непредставлении оппонентом доказательств в установленные сроки и т.п.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предложенный механизм управления процессуальными рисками в гражданском и арбитражном судопроизводстве применим в не меньшем объеме в рамках третейского разбирательства, но с определенной спецификой.

Второй группой рисков третейского разбирательства, как было отмечено, являются риски, связанные с переходом в государственный суд в производство по делам об оспаривании решения третейского суда или о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение.

Поскольку в рамках этих производств функции государственного суда предполагают ограниченный судебный контроль в отношении решения арбитража и порядка его вынесения, можно заключить, что процессуальные риски перехода в государственный суд взаимосвязаны с процессуальными действиями (бездействием).

Так, например, одним из оснований оспаривания решения третейского суда является не извещение стороны о времени и месте заседания третейского суда (п. 5 ч.3 ст. 421 ГПК РФ, п. 5 ч. 3 ст. 223 АПК РФ).

Полагаем, что присутствующая на заседании третейского суда сторона, заинтересованная в минимизации риска отмены решения арбитража, в случае наличия сомнений в том, что не явившийся оппонент был извещен о времени и месте проведения устного слушания надлежащим образом, может заявить

ходатайство об отложении слушания или принять иные меры в целях недопущения вынесения решения с нарушением правил процедуры.

Также стороны третейского разбирательства имеют возможность убедиться, что состав третейского суда и процедура арбитража соответствуют их соглашению (п. 4 ч. 3 ст. 421 ГПК РФ, п. 4 ч. 3 ст. 233 АПК РФ), а при подписании арбитражной оговорки и (или) до обращения с исковым заявлением в арбитраж удостовериться, что данный спор может быть предметом третейского разбирательства (п.1 ч. 4 ст. 421 ГПК РФ, п. 1 ч. 4 ст.233 АПК РФ) и др.

Кроме того, как уже тоже отмечалось, стороны прямым соглашением вправе исключить возможность оспаривания решения арбитража (ст. 49 Закона об арбитраже), что является примером применения правила согласования процессуальных действий в механизме управления процессуальными рисками третейского разбирательства.

Проведенный анализ позволяет прийти к заключению, что применение вышеперечисленных правил управления процессуальными рисками в ходе рассмотрения спора третейским судом позволяет минимизировать как риски непосредственно третейского разбирательства, так и процессуальные риски, связанные с перспективой возбуждения в государственном суде производств по делам об оспаривании решения третейского суда или о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение.

§ 2. Влияние примирительных процедур на степень процессуальных рисков

В предыдущем исследовании речь шла о процессуальных рисках, которые сопровождают стороны в цивилистическом процессе и третейском разбирательстве, рассматривались возможности по минимизации и управлению ими. В качестве одной из таких возможностей мы обозначили согласование процессуальных действий сторон. В связи с этим особый интерес в аспекте минимизации процессуальных рисков представляют основанные на

договоренностях сторон примирительные процедуры, которые получили сегодня достаточно подробное регулирование в процессуальных кодексах. Именно самостоятельное и мирное урегулирование споров является, с нашей точки зрения, наиболее выгодной для добросовестных сторон формой прекращения конфликта, в том числе с позиций управления процессуальными рисками

Закон предоставляет сторонам право на примирение (ч. 8 ст. 4 АПК РФ, ч. 5 ст. 3 ГПК РФ).

Данное право может быть реализовано путем обращения к одной из примирительных процедур, поименованных в законе и (или) путем использования процедур, прямо не поименованных в законе, при условии, что они не будут вступать в противоречие с федеральным законодательством.

Видами примирительных процедур в гражданском и арбитражном судопроизводстве, исходя из содержания главы 14.1 ГПК РФ, главы 15 АПК РФ, являются переговоры, медиация и судебное примирение.

Особой разновидностью досудебной примирительной процедуры является претензионный порядок (ч. 5 ст. 4 АПК РФ). В литературе данный порядок также рассматривается в качестве примирительной процедуры¹⁸⁷.

Примирительные процедуры могут использоваться как до обращения в суд, так и после возбуждения дела в суде. Исключения составляют судебное примирение, которое применяется только в рамках судопроизводства, и претензионный порядок, который может быть только досудебным.

Первые предполагают урегулирование конфликта между сторонами вне процессуальной формы, вторые – в ее рамках. Таким образом, в первом случае можно вести речь о влиянии примирительных процедур на возможные будущие процессуальные риски, а во втором - об их влиянии на процессуальные риски в ходе судопроизводства.

---

¹⁸⁷ См.: Носырева Е.И. Вопросы доказывания, возникающие в связи с использованием примирительных процедур // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 238 - 253.

Рассмотрим возможности по управлению и минимизации и будущих процессуальных рисков с помощью использования примирительных процедур как до обращения в суд, так и после возбуждения дела в суде.

1. Управление и минимизация будущих процессуальных рисков при применении досудебных примирительных процедур.

В качестве досудебных примирительных процедур в настоящее время могут использоваться: переговоры, медиация, претензионный порядок урегулирования спора.

Переговоры представляют собой примирительную процедуру, при которой стороны непосредственно или при участии и содействии доверенных лиц разрешают возникшие между ними разногласия. Отличительной особенностью переговоров от посредничества является отсутствие при их проведении независимой третьей стороны. Кроме того, переговоры имеют целый ряд преимуществ, в частности экономичность процедуры, отсутствие четко регламентированной формы, сохранение партнерских отношений между сторонами конфликта и др.¹⁸⁸

В настоящее время переговоры как досудебная примирительная процедура имеют двойное значение. Это связано с тем, что переговоры могут быть использованы сторонами не только в качестве добровольной примирительной процедуры, но и в качестве обязательного досудебного порядка урегулирования спора.

Соглашение сторон об использовании переговоров в качестве обязательного досудебного порядка урегулирования споров имеет процессуально-правовые последствия: в случае его несоблюдения поданное исковое заявление может быть возвращено заявителю (п. 5 ч.1 ст. 129 АПК РФ) или иск может быть оставлен без рассмотрения (п.2 ч.1 ст. 148 АПК РФ), если данное обстоятельство будет установлено судом после возбуждения дела.

---

¹⁸⁸ Подробнее об особенностях переговоров по урегулированию споров см.: Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе : монография / под редакцией Е.И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. — Москва : Статут, 2023. — 272 с.

В этой связи представляется важным не только факт соблюдения условия о переговорах, но и его точное формулирование в соглашении сторон.

В судебной практике отмечается, что «иной (не претензионный) досудебный порядок урегулирования спора можно признать установленным договором, если он содержит четкую запись об установлении такого порядка. Указание в договоре... на рассмотрение спора путем переговоров не может быть расценено как установление обязательного досудебного порядка урегулирования споров, если условия о порядке и сроках проведения переговоров в договоре не определены»¹⁸⁹.

Таким образом, в целях минимизации возможных будущих процессуальных рисков, сторонам при использовании переговоров в качестве обязательной досудебной процедуры следует с особым вниманием отнестись к формулированию соответствующего условия соглашения (договора).

Достоинства переговоров, безусловно, оказывают влияние на степень процессуальных рисков участников конфликта: за счет отсутствия регламентированной формы и экономичности процедуры существенно снижаются финансовые и временные риски сторон, правовое закрепление результатов переговоров снижает возможные процессуальные риски будущих споров, сохранение между сторонами партнерских отношений, помимо прочего, позволяет и в дальнейшем, в рамках иных правоотношений между данными субъектами, прибегать к внесудебным формам урегулирования конфликтов.

Основным недостатком переговоров в аспекте влияния данной примирительной процедуры на степень процессуальных рисков, на наш взгляд, является вероятность потери времени, затраченного на них, при условии недостижения в их результате необходимого консенсуса. Потерянное время в ряде случаев (недобросовестность контрагента, резкое ухудшение его финансового

---

¹⁸⁹ п. 6 Обзора судебной практики применения положений об обязательном (досудебном) порядке урегулирования спора, утв. Президиумом АС Северо-Кавказского округа 28.04.2018 года // СПС Консультант Плюс.

состояния и пр.) может повлечь для заинтересованного лица риск невозможности исполнения судебного акта.

Вместе с тем, если стороны достигли договоренности о применении переговоров как обязательного досудебного порядка урегулирования спора, данным риском можно управлять путем заявления ходатайства о применении предварительных обеспечительных мер в арбитражном процессе (ч. 5 ст. 4, ч. 5 ст. 99 АПК РФ).

В случае удовлетворения арбитражным судом ходатайства о применении предварительных обеспечительных мер, заинтересованному лицу важно в установленный судом срок (по закону он не может превышать пятнадцати дней со дня вынесения определения) предпринять все необходимые действия для начала переговоров (ч. 5 ст. 99 АПК РФ).

Пропуск установленного судом срока влечет за собой неблагоприятные для заявителя последствия в виде отмены предварительных обеспечительных мер. В результате чего у недобросовестного контрагента появится возможность «избавиться» от имущества, на которое может быть обращено взыскание, что в будущем может затруднить или привести к невозможности исполнения решения суда.

В свою очередь стремление оппонента к скорой отмене предварительного обеспечения может стать мотивацией к достижению досудебной договоренности.

Стоит отметить, что заявление ходатайства о применении судом предварительных обеспечительных мер возможно и при обращении к иным обязательным досудебным примирительным процедурам.

Следующей досудебной примирительной процедурой является претензионный порядок.

В литературе к особенностям данной примирительной процедуры относят то, что она осуществляется непосредственно сторонами (в отличие от медиации) и носит письменный характер (в отличие от переговоров)¹⁹⁰.

Претензионный порядок является примирительной процедурой, которая предполагает досудебное непосредственное (без участия независимых третьих лиц) урегулирование спора между сторонами в письменной форме (путем направления контрагенту претензии).

В арбитражном процессе к особенностям претензионного порядка можно также отнести его обязательный характер по большинству категорий дел (ч. 5 ст. 4 АПК РФ).

Сама процедура направления претензии оппоненту является простой и экономичной, не требующей привлечения сторонних лиц, а, следовательно, и оплаты их труда, а также достаточно быстрой. Как прямо указано в ч. 5 ст. 4 АПК РФ, спор может быть передан на разрешение арбитражного суда по истечении тридцати календарных дней со дня направления претензии, при этом стороны вправе изменить этот срок как в меньшую, так и в большую сторону собственным соглашением (договором).

Примером эффективности претензионного порядка как примирительной процедуры являются споры с застройщиком¹⁹¹, в ходе которых строительные организации, пропустившие сроки сдачи дома, как правило, предлагают недовольным участникам долевого строительства после получения досудебной претензии добровольно выплатить сумму неустойки уменьшенную в два или три раза. Участник долевого строительства, осознавая, что может обратиться в суд с исковым требованием о взыскании суммы неустойки в гораздо большем размере, отказывается от примирения, в результате чего получает решение суда о частичном

---

¹⁹⁰ Носырева Е. И. Вопросы доказывания, возникающие в связи с использованием примирительных процедур // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 240.

¹⁹¹ См.: Плеханов Д.А. «Искусство войны» или снижение финансовых потерь застройщика в споре с дольщиком при нарушении срока передачи объекта строительства // Право и экономика. 2021. № 4. С. 32 - 38.

удовлетворении заявленных требований, в связи со снижением судом неустойки на основании ст. 333 ГК РФ¹⁹², и нередко невозможность принудительного исполнения, в связи с отсутствием у застройщика имущества и наличия денежных средств только на специальных счетах.

С точки зрения влияния на степень процессуальных рисков, представляется важным, что судебная практика воспринимает соблюдение претензионного порядка именно в качестве меры досудебного урегулирования спора, а не формальной процедуры, увеличивающей общие сроки разрешения конфликта.

Данный подход нашел свое отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 года № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 22.06.2021 №18)¹⁹³.

Так, согласно п. 23 направление новой судебной претензии не требуется в случае изменения размера требований в порядке статьи 39 ГПК РФ, статьи 49 АПК РФ.

Также не предусмотрена обязанность стороны по направлению претензии при предъявлении встречного требования, поскольку встречный иск предъявляется после возбуждения производства по делу и соблюдение такого порядка не будет способствовать достижению целей досудебного урегулирования (п. 24 Постановление Пленума ВС РФ от 22.06.2021 года №18).

Об отсутствии формального подхода при применении обязательного досудебного порядка урегулирования спора свидетельствует и п. 25 указанного Постановления Пленума ВС РФ, в соответствии с которым несоблюдение истцом досудебного порядка урегулирования спора в отношении вступающего в дело

---

¹⁹² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000 года № 263-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наговицына Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс (дата обращения 07.11.2021 года).

¹⁹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 года № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // www.vsr.ru (дата обращения 10.10.2022 года).

надлежащего ответчика, по общему правилу, не является основанием для оставления искового заявления без рассмотрения. Представляется важным, что при этом учтены и интересы надлежащего ответчика, вступившего в дело. Так, в случае, если он докажет, что мог урегулировать спор в досудебной процедуре, но по вине истца был лишен такой возможности, суд вправе отказать в признании понесенных истцом судебных издержек необходимыми полностью или в части либо отнести на истца все судебные расходы вне зависимости от результатов рассмотрения дела.

Процессуальным последствием несоблюдения обязательного претензионного порядка на стадии принятия иска является его возвращение заявителю (п.1 ч.1 ст. 135 ГПК РФ, п.5 ч.1 ст. 129 АПК РФ), или оставление искового заявления без рассмотрения (ст. 222 ГПК РФ, п.2 ч.1 ст. 148 АПК РФ), если данное обстоятельство будет установлено судом после принятия иска к производству.

В этой связи является важным своевременное заявление ответчика о несоблюдении истцом претензионного порядка путем подачи ходатайства об оставлении искового заявления без рассмотрения.

Условиями удовлетворения данного ходатайства, исходя из сложившейся судебной практики, являются установление судом факта намерения ответчика к урегулированию спора и его заявление в срок, не превышающий срок досудебного порядка, установленный законом или договором¹⁹⁴, в противном случае урегулирование спора в досудебном порядке утрачивает смысл.

Данная позиция согласуется с п. 4 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4, в котором разъяснено, что претензионный порядок урегулирования спора должен рассматриваться в качестве способа, позволяющего добровольно без дополнительных расходов на уплату госпошлины со значительным сокращением

---

¹⁹⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.01.2023 года № Ф08-15218/2022 по делу № А32-25620/2022 // www.kad.arbitr.ru (дата обращения 10.04.2023 года); Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.10.2017 года № Ф03-4269/2017 по делу № А04-5317/2017 // www.kad.arbitr.ru (дата обращения 10.04.2023 года).

времени восстановить нарушенные права и законные интересы и направлен на оперативное разрешение спора, служит дополнительной гарантией защиты прав¹⁹⁵.

В том случае, если заинтересованным в примирении ответчиком будет пропущен срок заявления соответствующего ходатайства, возможности по мирному урегулированию спора для сторон не исчерпываются, так как они могут прибегнуть к судебным примирительным процедурам. Однако при этом риски неблагоприятных последствий могут возрасти в связи с несением судебных издержек и потерей времени в ходе судебного разбирательства. Данный пример подчеркивает значимость обращения сторон к примирительным процедурам как можно раньше и демонстрирует значение претензионного порядка для минимизации процессуальных рисков.

Ранее мы обращали внимание на важность правильного формулирования соглашения об использовании переговоров как обязательной досудебной примирительной процедуры.

В аспекте управления будущими процессуальными рисками правильность соблюдения досудебного претензионного порядка не является исключением, поскольку его нарушение, равно как и несоблюдение, может повлиять на ход судопроизводства.

Направляя претензию важно учесть все условия соглашения сторон (если данный порядок был обоюдно согласован, например, при подписании договора), а также требования закона. Например, претензия должна быть направлена по корректному адресу должника (юридическому или почтовому, если так согласовали стороны), содержать четкое указание на требование отправителя, иметь все необходимые реквизиты и др.

---

¹⁹⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015), утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015 года// www.vsrfr.ru (дата обращения 12.04.2023 года).

В случае нарушения согласованных и (или) установленных законом требований заявитель несет риск установления судом факта несоблюдения обязательного досудебного порядка.

Изложенное свидетельствует, что претензионный порядок в настоящее время является примирительной процедурой, позволяющей сторонам конфликта не только предпринять эффективные меры по предупреждению судебного процесса, а, следовательно, всех связанных с ним процессуальных рисков наступления неблагоприятных последствий, но и по управлению возможными будущими процессуальными рисками в случае неурегулирования спора, например, устранения риска возвращения искового заявления или оставления иска без рассмотрения по данному основанию.

Далее перейдем к процедуре медиации.

Процедура медиации представляет собой способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

В отечественном законодательстве процедура медиации получила свое закрепление в Федеральном законе от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹⁹⁶ (далее – Закон о медиации). Однако до сих пор медиация широкого признания в нашей стране не приобрела.

На наш взгляд, в качестве одной из причин непопулярности медиации можно назвать отсутствие у участников спора (в том числе у профессиональных представителей) понимания значимости данной примирительной процедуры в том числе как средства минимизации процессуальных рисков.

Согласно Закону о медиации, стороны самостоятельно (по обоюдному согласию) определяют сроки и порядок проведения процедуры медиации,

---

¹⁹⁶ Федеральный закон от 27.07.2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 26.07.2019 г.) // Российская газета, №168, 30.07.2010.

выбирают кандидатуру медиатора (либо нескольких медиаторов), распределяют расходы, связанные с проведением данной процедуры.

Кроме того, легитимируя процедуру медиации, государство признает и результат данной процедуры - медиативное соглашение.

Поскольку стороны урегулируют спор исходя из своих интересов, а не на основе правоположений, принимаемое сторонами медиативное соглашение может содержать условия, выходящие за пределы правового регулирования. При этом стороны имеют возможность сократить неблагоприятные последствия, которые по некоторым категориям споров (например, вытекающим из семейных правоотношений) могут нанести не только материальный ущерб, но и повлечь за собой более серьезные последствия в виде тяжелых душевных страданий, психологической травмы и пр. В этом случае управление рисками достигается за счет того, что спор разрешается в рамках особым образом организованных переговоров, направленных на поиск совместного решения, основанного на взаимных интересах сторон. При проведении процедуры медиации медиатор не вправе ставить своими действиями какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права и законные интересы одной из них.

В процедуре медиации учитываются как правовые, так и иные основания спора, следовательно, соглашение формируется с учетом всех возможных деталей и может включать юридически не значимые, но важные для конкретных лиц условия, что позволяет минимизировать риски в рамках последующих процессуальных и иных отношений сторон.

Сведения, полученные сторонами в ходе проведения процедуры медиации, являются конфиденциальными (если иное не установлено соглашением сторон), а, следовательно, вся информация, полученная сторонами в ходе проведения процедуры медиации, ограничивается в использовании, в том числе в рамках последующих юрисдикционных процедур.

С практической точки зрения обоснованной представляется презумпция договоренности сторон об отказе от действия конфиденциальности, если в суде

«обе стороны ссылаются на сведения, имеющие отношение к медиации, и ни одна из них не заявляет до удаления суда в совещательную комнату о недопустимости данных сведений в качестве доказательств»¹⁹⁷.

В связи с этим представляется оправданным в отношении сведений, полученных сторонами в рамках проведения процедуры медиации, придерживаться такого подхода, при котором стороны могут своим соглашением исключить конфиденциальность той или иной информации, связанной с медиацией¹⁹⁸, что предусмотрено в ст. 5 Закона о медиации, а во всех остальных случаях признавать любые сведения полученные сторонами в ходе медиативной процедуры, недопустимыми доказательствами по делу.

Важными представляются изменения, касающиеся возможности нотариального удостоверения медиативных соглашений, заключенных в результате проведения процедуры внесудебной медиации, и придания таким соглашениям силы исполнительного документа (п. 5 ст. 12 Закона о медиации). Данные поправки увеличивают эффективность института внесудебной медиации, существенно сокращают временные и финансовые риски сторон спора, позволяют заинтересованному лицу избежать процессуальных рисков, связанных с обращением в суд, в случае неисполнения оппонентом условий достигнутых договоренностей.

В случае достижения положительного результата применения одной или нескольких приведенных выше досудебных примирительных процедур, стороны имеют больше шансов избежать судебной тяжбы в будущем, что позволяет им (иногда весьма существенно) сэкономить время, денежные средства, а, следовательно, быстро и экономично получить желаемый материально-правовой

---

¹⁹⁷ Калашникова С.И. Конфиденциальность информации, относящейся к процедуре медиации / Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» / Под ред. С.К. Загайновой, В.В. Яркова. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 83 - 84.

¹⁹⁸ Носырева Е.И. Вопросы доказывания, возникающие в связи с использованием примирительных процедур // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 249.

результат в виде, например, получения денежных средств, передачи имущества, снижения штрафных санкций, определения порядка воспитания детей и пр.

Важно, чтобы субъекты гражданского оборота знали и в полной мере осознавали все плюсы использования легальных возможностей досудебного урегулирования конфликта, которые особо четко видны через призму процессуального риска.

2. Управление и минимизация процессуальных рисков в ходе применения судебных примирительных процедур.

Процессуальное законодательство к судебным примирительным процедурам в настоящее время относит переговоры, медиацию и судебное примирение.

В силу прямого указания закона примирительные процедуры могут использоваться на любой стадии гражданского и арбитражного процесса и при исполнении судебного акта (ч. 4 ст. 153.1 ГПК РФ, ч. 4 ст. 138 АПК РФ).

Однако чем раньше стороны спорного правоотношения обратятся к примирительным процедурам, тем лучше, поскольку в случае успеха минимизируются промежуточные процессуальные риски, в том числе риск перехода в другие стадии и пр. Кроме того, достижение результата примирительных процедур в свою очередь минимизирует риск непредсказуемого судебного решения (конечный процессуальный риск).

Переговоры были рассмотрены при анализе досудебных примирительных процедур. Представляется, что использование данной процедуры после возбуждения производства по делу судом, может также быть эффективным средством урегулирования спора, при условии обоюдной добросовестности участников переговоров.

При анализе использования процедуры медиации в рамках судопроизводства необходимо дополнительно обратить внимание на некоторые особенности ее влияния на процессуальные риски.

В частности достигнутое сторонами медиативное соглашение, может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения и при этом в утверждаемое

судом соглашение допускается включение положений, которые связаны с заявленными требованиями, но не были предметом судебного разбирательства (ст. 153.9 ГПК РФ, ст. 140 АПК РФ). Данное положение процессуального закона расширяет гарантии судебной защиты сторон, обратившихся к примирительной процедуре, позволяет управлять и минимизировать риски как текущего процесса, так и возможных будущих споров.

Более подробно следует рассмотреть процедуру судебного примирения, которая в отличие от других примирительных процедур может применяться исключительно в рамках судопроизводства.

Судебное примирение является примирительной процедурой с участием посредника (судебного примирителя), проводимой в целях достижения сторонами взаимоприемлемого результата и урегулирования конфликта с учетом интересов сторон¹⁹⁹.

По правовой природе судебное примирение представляет интегрированную в судебное производство примирительную процедуру.

Судебное примирение является новой для отечественного законодательства примирительной процедурой, научное и практическое освоение которой в настоящее время только набирает свои обороты. В данном исследовании мы не ставим перед собой задачу детального анализа данного института и считаем необходимым остановиться именно на влиянии судебного примирения на степень процессуальных рисков заинтересованных лиц в отличие от других примирительных процедур.

Анализируя процессуальное законодательство в части судебного примирения, можно выделить ряд положений, способных оказывать положительное влияние на степень процессуальных рисков заинтересованных лиц.

Прежде всего это правовой статус и круг полномочий судебного примирителя.

---

¹⁹⁹ Регламент проведения судебного примирения, утвержден Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 31.10.2019 года // www.vsrp.ru (дата обращения 01.03.2021 года).

Согласно ст. 8 Регламента проведения судебного примирения (далее - Регламент) судебным примирителем является судья, пребывающий в отставке и включенный в список судебных примирителей.

При формировании списка учитываются в том числе опыт работы в качестве судьи, опыт научной деятельности, специализация, регион проживания кандидата, деятельность, осуществлявшаяся судьей в отставке с момента ухода в отставку, и соответствие данной деятельности законодательству о статусе судей и кодексу судейской этики (ст. 9 Регламента).

Таким образом, судебный примиритель – это юрист авторитетный, создающий у добросовестных сторон уважительное отношение к своей персоне, способный показать сторонам судебную перспективу дела и разъяснить, каковы шансы каждого из них на реальную защиту²⁰⁰.

В аспекте управления и минимизации процессуальными рисками, важно, что судебный примиритель, в отличие от медиатора, вправе давать сторонам рекомендации в целях скорейшего урегулирования спора, сохранения между сторонами деловых отношений (ст. 14 Регламента). Достоверное и полное понимание сторонами всех положительных и отрицательных правовых аспектов спора, безусловно, будет способствовать поиску между заинтересованными лицами компромисса, а, следовательно, позволит снизить процессуальные риски неисполнения судебного акта, проигрыша дела, потери денежных средств и времени.

Безвозмездность судебного примирения для сторон, проведение процедуры в помещении суда также можно отнести к положениям, способным минимизировать процессуальные риски, в частности риски, связанные с необходимостью нести дополнительные расходы, неявки стороны в заседание и пр.

---

²⁰⁰ Трезубов Е.С., Исакова Е.Г. Новеллы судебного примирения в контексте судебно-правовой политики современной России // Вестник КемГУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 1 (13). С. 92.

Возможность перехода к процедуре судебного примирения по предложению суда позволяет облегчить сторонам принятие взаимного решения об использовании примирительной процедуры.

При этом важно, что даже при инициировании данной процедуры судом, она может быть проведена только при обоюдном согласии сторон.

Несмотря на то, что возможность инициирования примирительной процедуры по предложению суда распространяется и на другие примирительные процедуры, данную возможность следует признать наиболее полезной именно при инициировании судебного примирения.

Обусловлено это безвозмездным характером процедуры для сторон, а, следовательно, и большей вероятностью согласия участников спора на ее применение, возможностями судебного примирителя, о которых указывалось выше.

Таким образом, судебное примирение, исходя из краткого анализа регламентирующих его норм, можно рассматривать в качестве дополнительной примирительной процедуры для целей минимизации процессуальных рисков.

Одной из задач государства является активное внедрение примирительных процедур в практику урегулирования конфликтов в целях повышения качества правосудия, снижения конфликтности, укрепления социальных и деловых связей, становления и развития партнерских отношений, формирования уважительного отношения к закону.

С учетом специфики правового статуса судебного примирителя, а также того, что процедура судебного примирения регулируется специальным Регламентом, можно предложить включить в него обязанность судебных примирителей разъяснять заинтересованным лицам возможные процессуальные риски, связанные с рассмотрением и разрешением их спора судом.

Также представляется необходимым закрепление и обязанности медиаторов сообщать сторонам медиативной процедуры о наличии процессуальных рисков судопроизводства. Данную обязанность можно закрепить или на нормативном

уровне (путем внесения изменений в Закон о медиации) или на уровне кодексов этики медиаторов, которые могут приниматься организациями, оказывающими содействие в проведении процедуры медиации.

При этом в силу отличий статуса и правомочий медиатора и судебного примирителя, в обязанности последнего следует включить анализ и разъяснение процессуальных рисков конкретного дела, а в обязанности медиатора, по крайней мере, разъяснения сторонам общих рисков проигрыша дела, невозможности исполнения судебного акта, потери денежных средств и времени. Представляется обоснованным разъяснять процессуальные риски каждой стороне отдельно, в ходе индивидуальной беседы.

Таким образом, реализация права на примирение в рамках процессуальной формы является одновременно и возможностью по управлению процессуальными рисками (их минимизации) и процессуальным действием, влекущим за собой вероятность наступления неблагоприятных процессуальных последствий в определенных случаях.

Неблагоприятные процессуальные последствия использования права на примирение в общем виде заключаются в следующем.

1. Использование примирительных процедур без достижения желаемого результата.

Не оставляет сомнения тот факт, что примирительные процедуры, основанные на волеизъявлении и договоренностях спорящих сторон, могут не привести к достижению заявленной сторонами цели – полному или частичному примирению.

Последствием недостижения желаемого результата будет возврат к судебному разбирательству и ко всем связанным с ним рискам.

Что же теряют стороны, обращаясь к судебным примирительным процедурам?

Время и денежные средства.

Вместе с тем, данные потери можно считать относительными, поскольку любая судебная примирительная процедура (переговоры, медиация, судебное примирение) может быть завершена досрочно при понимании сторонами невозможности достижения соглашения, а переговоры и судебное примирение по сути можно считать бесплатными для сторон. Вложение денежных средств требует только медиация, однако учитывая, например, стоимость услуг представителей²⁰¹, экспертов и прочие возможные судебные издержки, размер вознаграждения медиатора²⁰² не представляется столь существенным.

При этом обращаясь к судебным примирительным процедурам стороны приобретают значительно больше, а именно возможность максимально минимизировать или даже исключить промежуточные процессуальные риски и конечный риск (риск проигрыша дела).

2. Злоупотребление правом на примирение.

Наличие процессуального права на примирение может повлечь злоупотреблением данным правом как одной из сторон спора, так и всеми участниками конфликта.

Верховный Суд РФ в свое время обратил внимание на то, что при применении примирительных процедур высокими являются риски злоупотреблений данными возможностями со стороны недобросовестных

---

²⁰¹ Например, согласно рекомендованным минимальным ставкам вознаграждений за отдельные виды юридической помощи, оказываемой адвокатами Кемеровской области – Кузбасса, стоимость представления интересов доверителя непосредственно в судебном заседании в арбитражном суде варьируется от 25 000 рублей за один судодень, в суде первой инстанции общей юрисдикции – от 10 000 рублей за один судодень. См.: Рекомендованным минимальные ставки вознаграждений за отдельные виды юридической помощи, оказываемой по соглашениям адвокатами Кемеровской области – Кузбасса с 01 марта 2022 года, утверждены решением Совета АП КО от 28.02.2022 года № 2/4-3 // www.advpalatakem.ru (дата обращения 01.04.2023 года).

²⁰² Стоимость услуг Центра медиации при ТПП Кемеровской области – Кузбасса складывается из регистрационного сбора, который составляет 2000 рублей и медиативного сбора, зависящего от размера требований, например, при сумме требований от 1.000.000 рублей до 3.000.000 рублей медиативный сбор составляет 11 500 рублей + 0,5% от суммы свыше 1.000.000 рублей. См.: Положение о сборах и расходах Центра альтернативного урегулирования споров и медиации при Союзе «Кузбасская торгово-промышленная палата» // www.kuztpp.ru (дата обращения 01.04.2023 года)

участников конфликтов в целях затягивания сроков урегулирования спора и судебного процесса²⁰³.

В том числе в целях недопущения данных злоупотреблений Верховным Судом РФ рекомендовано судам при рассмотрении ходатайств об отложении судебного разбирательства для использования примирительных процедур, учитывать медиабельность спора, обстоятельства дела (характер и сложность спора, его субъектный состав), интересы сторон и других лиц, права которых могут быть затронуты²⁰⁴.

Данная позиция Верховного Суда РФ, безусловно, имеет важное практическое значение в целях предотвращения недобросовестного использования процессуального права, однако, на наш взгляд, в полной мере не решает проблему, поскольку в силу чрезмерной загруженности судебных органов, необходимости развития процедуры медиации суды удовлетворяют соответствующие ходатайства. Кроме того, не в каждом случае суд может объективно выявить нарушения интересов других лиц или прийти к выводу о намерении сторон затянуть судебное разбирательство либо намерении использовать примирительную процедуру для прикрытия незаконной финансовой сделки.

В связи с этим необходимо применение и иных способов недопущения злоупотребления процессуальными правами, к которым в том числе следует отнести отказ в защите процессуального права злоупотребившего лица по аналогии со ст. 10 ГК РФ, например, при рассмотрении требований о возмещении судебных расходов.

В случае злоупотребления правом на примирение одной из сторон спора речь идет о нарушении частного интереса и необходимости применения процессуальных механизмов, направленных на защиту интересов добросовестного участника правоотношения. Данным механизмом в силу ст. 111 АПК РФ выступает

---

²⁰³ Справка о практике применения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 года // www.пфвс.рф (дата обращения 01.12.2019 года).

²⁰⁴ Там же.

возложение всех судебных расходов на лицо, злоупотребившее правом на примирение.

Кроме того, представляется обоснованным взыскивать с «виновного» лица не только непосредственно судебные расходы, но и расходы, понесенные его оппонентом в связи с обращением к примирительной процедуре, что в настоящее время законодательно не закреплено.

Возможность взыскания со злоупотребляющей правом на примирение стороны судебных расходов и расходов на проведение альтернативной процедуры урегулирования споров представляет собой дополнительное средство в механизме управления процессуальными рисками для добросовестной стороны и, наоборот, процессуальный риск возмещения всех понесенных другой стороной расходов для стороны злоупотребляющей, что позволяет говорить об обеспечении баланса прав и законных интересов участников процесса.

При недобросовестном использовании процессуального права на примирение всеми участниками конфликта можно говорить о нарушении публичных интересов в том случае, если у сторон «конфликта» имеется общая согласованная цель злоупотребления правом на примирение, например, намерение совершить незаконную финансовую операцию при действительном отсутствии спора²⁰⁵.

В данном случае стороны также несут процессуальные риски в виде недостижения заявленной процессуальной цели, потери времени, денежных средств и пр.

Таким образом, у добросовестной стороны цивилистического процесса в настоящее время есть действующие механизмы минимизации собственных процессуальных рисков при использовании права на примирение.

На протяжении многих лет ученые-правоведы, судьи, высшие должностные лица подчеркивают важность внедрения в правовую практику альтернативных

---

²⁰⁵ См.: п.4 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям, утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020 года // www.vsrif.ru (дата обращения 12.04.2023 года).

способов урегулирования споров в связи с необходимостью разгрузки судебной системы и, как следствие, повышения эффективности и качества правосудия²⁰⁶. Вместе с тем, граждан и юридических лиц, чьи права были нарушены, интересует не выполнение государственных задач по уменьшению количества рассматриваемых судебных дел, а эффективная защита своего права, которую они оправданно надеются получить при обращении в суд.

В связи с этим, представляется актуальным информировать граждан и юридических лиц о ценности примирения через призму процессуального риска, который, как показывает проведенное исследование, является неотъемлемой частью цивилистического процесса.

В случае осознания и понимания сущности процессуального риска и возможных неблагоприятных последствий, у субъектов материальных правоотношений появится собственная мотивация их избежать, в том числе путем использования права на примирение, посредством которого процессуальные риски можно исключить или, по крайней мере, минимизировать.

---

²⁰⁶ См.: Материалы IX съезда судей // Российская юстиция. 2017. № 2. С. 14; Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.; Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. – М.: Статут, 2012. С. 18 – 19; Трезубов Е.С., Исакова Е.Г. Новеллы судебного примирения в контексте судебно-правовой политики современной России // Вестник КемГУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 1(13). С. 88 – 93 и другие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе было проведено всестороннее исследование процессуального риска в гражданском и арбитражном судопроизводстве, основные итоги которого заключаются в следующем.

Использование дуалистического подхода к исследованию процессуального риска позволило сделать ввод о его двойственной природе. С точки зрения данного подхода риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве имеет субъективно-объективную природу, означающую вероятность наступления последствий для лиц, участвующих в деле, не только в результате собственного поведения (субъективная сторона), но и в результате процессуальных действий (бездействия) иных субъектов гражданских процессуальных правоотношений (объективная сторона).

Установлена взаимосвязь процессуального риска с процессуальным действием. Сформулировано, что процессуальный риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве является следствием совершения (несовершения) только таких процессуальных действий, которые предполагают вариативность процессуального поведения и наступление разных последствий. В связи с этим вводится понятие «рисковых» процессуальных действий и приводятся пример таких действий.

Субъектами процессуального риска и рискованных процессуальных действий с точки зрения законодательства являются лица, участвующие в деле.

Обосновывается, что к субъектам рискованных процессуальных следует относить также представителей при осуществлении общих полномочий, при осуществлении представителями специальных полномочий, которые указываются в доверенности, субъектами рискованных процессуальных действий являются лица, участвующие в деле.

Действия суда и иных участников процесса сами по себе рискованными не являются, но их совершение или несовершение может оказывать влияние на риски лиц, участвующих в деле.

Выявленные в ходе исследования особенности процессуального риска, позволили сформулировать понятие процессуального риска в цивилистическом процессе.

Так, под процессуальным риском в гражданском и арбитражном судопроизводстве предлагается понимать вероятное наступление именно *неблагоприятных* материально-правовых и (или) процессуальных последствий для лица, участвующего в деле, в результате совершения (несовершения) им и иными участниками процесса *правомерных* процессуальных действий.

Обосновано, что недобросовестное поведение участника процесса закономерно влечет за собой неблагоприятные последствия, предусмотренные законом, а не риск их наступления, а также то, что процессуальный риск в цивилистическом процессе не может рассматриваться в качестве меры ответственности.

Разработана классификация процессуальных рисков по различным основаниям. В частности предложено деление рисков на: допроцессуальные и непосредственно процессуальные, общие и специальные, промежуточные риски и конечный риск, первичные и вторичные риски, активные и пассивные риски. Теоретическое значение классификации заключается в возможности продолжения исследования процессуального риска по отдельным его видам. Практическое значение выделения различных видов процессуальных рисков позволяет лицам, участвующим в деле, предвидеть конкретные риски, осознавать вероятное наступление неблагоприятных последствий от собственного и чужого процессуального поведения.

Значение исследования процессуального риска заключается не только в выявлении его особенностей, но и в обосновании возможностей управления процессуальными рисками, необходимости разработки механизма, позволяющего лицам, участвующим в деле, при выборе модели своего процессуального поведения в целом или при совершения ими отдельных процессуальных действий минимизировать вероятное наступление неблагоприятных последствий.

По результатам диссертационного исследования сделан вывод о необходимости и возможности формирования механизма управления процессуальными рисками в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Под механизмом управления рисками в цивилистическом процессе предложено понимать совокупность процессуальных правил и средств, использование которых позволит минимизировать вероятные неблагоприятные последствия или полностью их исключить.

В структуре механизма выделены: 1) правила минимизации собственного процессуального риска, включающие своевременность совершения процессуальных действий, совершение процессуальных действий в полном объеме, добросовестное совершение процессуальных действий; 2) правила минимизации риска от чужого процессуального поведения, к которым относятся своевременное реагирование на действия (бездействие) иных участников процесса и противодействие недобросовестному процессуальному поведению иных лиц; 3) общее правило – согласование сторонами процессуальных действий на основе взаимных интересов, которое позволит минимизировать как собственный процессуальный риск, так и риск от чужого поведения.

В результате анализа процессуальных рисков в рамках отдельных исковых, неисковых производств и в судах проверочных инстанций подтверждено многообразие процессуальных рисков, и необходимость управления ими, а также возможность применения предложенного механизма по управлению процессуальными рисками с учетом специфики различных категорий дел и особенностей производства по пересмотру судебных актов.

В исследовании также формулируется вывод о возможности минимизации процессуальных рисков объективного характера за счет совершенствования правового регулирования. В связи с этим сформулирован ряд предложений по совершенствованию отдельных норм ГПК РФ и АПК РФ, в частности предлагается: придать обязательной характер соглашению сторон о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового производства; закрепить

положения, предусматривающие альтернативный характер приказного производства; регламентировать порядок инстанционного обжалования решения суда, принятого по результатам рассмотрения дела о защите прав и законных интересов группы лиц и др.

Анализ процессуальных рисков при применении альтернативных способов разрешения споров позволил заключить, что третейское разбирательство, с одной стороны, предоставляет возможность избежать процессуальных рисков гражданского или арбитражного судопроизводства, с другой стороны, имеет собственные риски, а также не исключает риски, связанные с переходом дела в государственный суд в случае оспаривания решения третейского суда или необходимости его принудительного исполнения. В связи с этим выявлена возможность применения механизма управления рисками при использовании арбитража. Особое значение отведено правилу согласования сторонами процессуальных действий на основе взаимных интересов ввиду автономии воли сторон третейского разбирательства.

Установлено влияние примирительных процедур на степень процессуальных рисков. Обозначенное влияние раскрывается через анализ досудебных примирительных процедур и примирительных процедур, применяемых в ходе судопроизводства. Применительно к досудебным процедурам (переговорам, претензионному порядку, медиации) отмечается, что в случае достижения мирного урегулирования спора на этом этапе стороны имеют возможность избежать в целом процессуальных рисков, связанных с судебным разбирательством, и в тоже время быстро и экономично получить желаемый материально - правовой результат. Применительно к судебным примирительным процедурам, поименованным в процессуальном законодательстве (переговорам, медиации, судебному примирению) доказывается, что их применение позволяет минимизировать промежуточные процессуальные риски либо избежать конечного процессуального риска, связанного с проигрышем дела в суде или невозможностью исполнения судебного решения.

Завершая исследование, необходимо отметить, что его результаты могут стать основой для дальнейшей разработки теории процессуального риска в гражданском и арбитражном судопроизводстве. В целом данная теория направлена на развитие состязательного процесса, повышение эффективности судопроизводства, содействие распространению альтернативных способов разрешения и урегулирования споров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 года № 95-ФЗ (в ред. от 18.03.2023 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012; 2022. – № 41. – Ст. 6949. 11.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 года № 138-ФЗ (в ред. от 18.03.2023 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; 2022. – № 41. – Ст. 6949.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) (в ред. от 16.04.2022 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2022. – № 9 (ч. I). – Ст. 1252
4. Федеральный закон от 27.07.2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 26.07.2019 г.) // Российская газета, №168, 30.07.2010.
5. Федеральный закон от 29.12.2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (в ред. от 27.12.2018 г.) // СЗ РФ. от 04.01.2016 г. № 1 (часть I) ст. 2.
6. Федеральный закон от 28.11.2018 года № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 17.10.2019 г.) // СЗ РФ. 03.12.2018. № 49 (ч. I). Ст. 7523.
7. Федеральный закон от 18.07.2019 года № 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 18.07.2019 г.) // СЗ РФ. 2019. № 29 (ч. 1), ст. 3858.
8. Федеральный закон от 07.10.2022 года № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (в ред. от 07.10.2022 г.) // Российская газета, № 229.
9. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 года № 4462-1 (ред. от 28.12.2022 года) // СПС Консультант плюс.

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 года № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы» (в ред. от 20.10.2020 г.) // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

11. Законопроект № 235526-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (об унификации норм гражданского процессуального законодательства)» // www.sozd.duma.gov.ru.

12. Законопроект № 237135-8 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (об унификации норм арбитражного процессуального законодательства)» // www.sozd.duma.gov.ru.

Иные официальные акты:

13. Кодекс профессиональной этики адвоката, принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 года // www.fparf.ru.

14. Регламент Арбитражного центра при РСПП, утвержден распоряжением Президента РСПП от 21.06.2018 года № РП-5 // www.arbitration-rspp.ru.

15. Правила арбитража внутренних споров, приложение 3 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 года № 6 // СПС Консультант плюс.

16. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 года № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // www.cdep.ru.

Судебная практика:

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 года № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в РФ», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге

недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // www.ksrf.ru.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.11.2014 года № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Сбербанк России» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 1.

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2019 года № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 112 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан Н.А. Баланюк, Н.В. Лаврентьева, И.В. Попова и В.А. Чернышева» // www.pravo.gov.ru.

20. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000 года № 263-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наговицына Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

21. Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 года № 1045-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Беличко Артура Витальевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 113 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 2 статьи 4 Федерального закона « О третейских судах в Российской Федерации» // СПС Консультант плюс.

22. Регламент проведения судебного примирения, утвержден Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 года № 41 // www.vsrif.ru.

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 года № 23 «О судебном решении» // www.vsrif.ru.

24. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2008 года №11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (с изменением, внесенным постановлением Пленума от 9 февраля 2012 года № 3) // www.vsrfr.ru.

25. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 года № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // www.vsrfr.ru.

26. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // www.vsrfr.ru.

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 года № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» // www.vsrfr.ru.

28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 года № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // www.vsrfr.ru.

29. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 года № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // www.vsrfr.ru.

30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 года № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // www.vsrfr.ru.

31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 года № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» // www.vsrif.ru.

32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 года № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // www.vsrif.ru.

33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 года № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // www.vsrif.ru.

34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 года № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // www.vsrif.ru.

35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 года № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // www.vsrif.ru.

36. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.2006 года № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству» // СПС Консультант плюс.

37. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28.05.2009 года № 36 «О применении Арбитражного процессуального законодательства при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» // СПС Консультант плюс.

38. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.03.2012 года № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» // СПС Консультант плюс.

39. Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.12.2013 года № 99 «О процессуальных сроках» // СПС Консультант Плюс.

40. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.07.2014 года № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // СПС Консультант плюс.

41. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.04.2014 года «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // СПС Консультант плюс.

42. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.07.2014 года № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // СПС Консультант плюс.

43. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015), утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015 года // www.vsrfr.ru.

44. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017), утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017 года // www.vsrfr.ru.

45. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019), утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019 года // www.vsrfr.ru.

46. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21.04.2020 года // www.vsrfr.ru.

47. Обзор практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора, утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22.07.2020 года // www.vsrfr.ru.

48. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям,

утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 08.07.2020 года // www.vsrfr.ru.

49. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям, утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020 года // www.vsrfr.ru.

50. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017), утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 года // www.vsrfr.ru.

51. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям, утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020 года // www.vsrfr.ru.

52. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 07.07.2004 года № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» // СПС Консультант плюс.

53. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.12.2005 года №96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» // СПС Консультант плюс.

54. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.02.2013 года № 156 «Обзор рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений», пункт 12 // СПС Консультант плюс.

55. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09.11.2010 года № 9431/10 // СПС Консультант плюс.

56. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.07.2013 года № 1567/13 по делу № А56-48511/2012 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12.

57. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.10.2013 года № 801/13 // www.arbitr.ru.

58. Определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 30.12.2015 года по делу № 302-ЭС15-11092 // СПС Консультант плюс.

59. Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.12.2015 года № 12-КГ15-3 // СПС Консультант плюс.

60. Определение Верховного суда РФ от 25.03.2016 года по делу № А40-66296/15 // www.vsrif.ru.

61. Определение Верховного Суда РФ от 17.05.2016 года по делу № А65-21212/2015 // www.vsrif.ru;

62. Определение Верховного Суда РФ от 27.09.2016 года № 300-ЭС16-11649 по делу № СИП-396/2015// www.kad.arbitr.ru

63. Определение Верховного Суда РФ от 27.09.2016 года № 300-ЭС16-11649 по делу № СИП-396/2015// www.kad.arbitr.ru.

64. Определение Верховного Суда РФ от 27.09.2017 года по делу № А54-3603/2016 // СПС Консультант плюс.

65. Определение Верховного Суда РФ от 02.10.2017 года по делу № 305-ЭС17-10458 // www.kad.arbitr.ru.

66. Определение Верховного Суда РФ от 19.02.2018 года № 305-ЭС17-22674 по делу № А40-131434/2017 // www.kad.arbitr.ru.

67. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.10.2016 года № 78-КГ16-44 // www.legalacts.ru.

68. Определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 17.10.2017 года по делу № А54-3033/2016 // СПС Консультант плюс.

69. Определение Верховного Суда РФ от 05.07.2018 года № 306-ЭС18-9499(2) по делу № А12-42711/2017 // СПС Консультант плюс.
70. Определение Верховного Суда РФ от 20.04.2018 года № 305-АД18-7 по делу № А40-70923/2017 // www.vsrfr.ru.
71. Определением Верховного Суда РФ от 29.05.2018 года по делу № 301-ЭС17-21397 // www.kad.arbitr.ru.
72. Определение Верховного Суда РФ от 16.07.2019 года по делу № 306-ЭС19-5268 // www.kad.arbitr.ru.
73. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.04.2019 года № 4-КГ18-105 // www.legalacts.ru.
74. Определение Верховного Суда РФ от 09.02.2022 года № 304-ЭС21-27845 по делу № А45-34248/2019 // www.legalacts.ru.
75. Определение Верховного Суда РФ от 16.10.2020 года №309-ЭС20-14731 по делу № А50-19513/2019 // СПС Консультант плюс.
76. Определение Верховного Суда РФ от 07.10.2021 года № 305-ЭС21-17944 по делу № А41-31824/2020 // www.legalacts.ru.
77. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.12.2020 года № С01-1728/2020 по делу № СИП-832/2020 // СПС Консультант плюс.
78. Обзор судебной практики применения положений об обязательном (досудебном) порядке урегулирования спора, утвержден Президиумом Арбитражного суда Северо-Кавказского округа 28.04.2018 года // СПС Консультант Плюс.
79. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.11.2009 года № КГ-А40/11299-09 по делу № А40-14138/09-5-163 // СПС Консультант плюс.
80. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.10.2010 года № КА-А40/12139-10 // СПС Консультант плюс.
81. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.05.2013 года по делу № А39-1433/2012 // СПС Консультант плюс.

82. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.01.2016 года по делу № А40-111688/2015 // www.kad.arbitr.ru.

83. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.06.2016 года № Ф06-9675/2016 по делу № А12-58094/2015 // www.sudact.ru.

84. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.05.2017 года по делу № А40-230545/2016 // www.kad.arbitr.ru.

85. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.10.2017 года № Ф03-4269/2017 по делу № А04-5317/2017 // www.kad.arbitr.ru.

86. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.03.2017 года по делу № А27-781/2011 // СПС Консультант плюс.

87. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19.12.2017 года № Ф06-27808/2017 по делу № А65-26515/2017 // СПС Консультант Плюс.

88. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.10.2017 года № Ф03-4269/2017 по делу № А04-5317/2017 // www.kad.arbitr.ru.

89. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.07.2019 года № Ф04-1938/2019 по делу № А03-18152/2018 // www.kad.arbitr.ru.

90. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.02.2020 года № Ф08-10910/2019 по делу № А63-4854/2019 // www.kad.arbitr.ru.

91. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.02.2020 года № Ф04-11/2020 по делу № А27-16463/2019 // www.kad.arbitr.ru.

92. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.02.2021 года № Ф05-22845/2020 по делу № А40-57948/2020 // СПС Консультант плюс.

93. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.01.2022 года по делу № 33-2207/2022 // СПС Консультант плюс.

94. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 15.07.2022 года № Ф10-4714/2020 по делу № А84-234/2020 // СПС Консультант плюс.

95. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 15.07.2022 года № Ф10-4714/2020 по делу № А84-234/2020 // СПС Консультант плюс.

96. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.05.2022 года № Ф09-2220/22 по делу № А60-33941/2021 // СПС Консультант плюс.

97. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.01.2023 года № Ф08-15218/2022 по делу № А32-25620/2022 // www.kad.arbitr.ru.

98. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.01.2023 года № Ф08-15218/2022 по делу № А32-25620/2022 // www.kad.arbitr.ru.

99. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.12.2019 года № 88-2428/2019 // СПС Консультант плюс.

100. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2021 года № 88-18176/2021 // СПС Консультант плюс.

101. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2022 N 88-24009/2022// СПС Консультант плюс.

102. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 04.06.2013 года по делу № А70-9804/2012 // www.kad.arbitr.ru.

103. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2020 года № 16АП-3613/2020 по делу № А63-8251/2020 // СПС Консультант плюс.

104. Апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 09.07.2012 года по делу № 33-2047/2012 // СПС Консультант плюс.

105. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.01.2013 года № 11-2745 // СПС Консультант плюс.

106. Определение Архангельского областного суда от 26.01.2017 года по делу №33-557/2017 // www.oblsud.arh.sudrf.ru.

107. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.05.2020 года по делу № 33-18334/2020 // СПС Консультант плюс.

108. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 16.03.2017 года по делу № А40-230545/16-29-2261 // www.kad.arbitr.ru.

109. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 07.02.2017 года по делу № А40-207873/16 // СПС Консультант плюс.

110. Определение Арбитражного суда Хабаровского края от 10.06.2021 года по делу № А73-19001/2020 // www.kad.arbitr.ru.

111. Определение Арбитражного суда Хабаровского края от 05.07.2021 года по делу № А73-21128/2020 // www.kad.arbitr.ru.

Справочная литература:

112. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс] : подгот. по 2-му печат. изд. 1880-1882 гг. / В. И. Даль. - Электрон. дан. - М.: АСТ, 1998.

113. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., - М.: Высшая школа, 1993. — 860 с.

114. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. — 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. - 479 с.

115. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - М.: Прогресс, 1986. Т. 2. — 579 с.

Специальная литература

Учебники, учебные пособия, монографии:

116. Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: монография. - Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. — 319 с.

117. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 192 с.

118. Акмеология: Учебное пособие / А. Деркач, В. Зазыкин. - Спб.: Питер, 2003. – 256 с.

119. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. Москва: Статут, 2021. 460 с.

120. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. — М.: Мысль, 1989. — 187 с.

121. Арбитражный процесс: Учебник / Отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2017. - 752 с.
122. Арямов А. А. Общая теория риска (юридический, экономический и психологический анализ): монография – М.: Российская академия правосудия, 2009. - 172 с.
123. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. - М.: Прогресс-традиция, 2000. – 384 с.
124. Болобонова М.О. История становления и развития категории «риск» в гражданском праве России // Гражданское право. 2016. № 6. С. 34-37.
125. Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. 1. История гражданского процессуального права. Специфика гражданских процессуальных правоотношений. – Москва : Проспект, 2017. – 333с.
126. Бюлов О. Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки / пер. с нем. Д.С. Ксенофонтовой; отв. Ред. Д.Х. Валеев. – Москва.: Статут, 2019. – 240 с.
127. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 701 с.
128. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. 2-е изд., перераб. - М.: Издание Бр. Башмаковых, 1917. – X, 429 с.
129. Вишняков Я.Д., Радаев Н.Н. Общая теория рисков: учебное пособие. – М.: Академия, 2008. – 356 с.
130. Власов А.А., Рахимов Ю.И. Адвокат и защита им прав и законных интересов участников рынка ценных бумаг. – М.: Прометей, 2018. – 164 с.
131. Гражданский процесс: Учебник / под ред. М.С. Шакарян. – М.: Юрид.лит., 1993. – 560 с.
132. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. - М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
133. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. – СПб.: Типография В.С. Балашева. 1885 – 334 с.

134. Деркач А. Зазыкин В. Акмеология: учебное пособие. - СПб.: Питер, 2003. - 256 с.
135. Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. М.: Статут, 2015. - 368 с.
136. Есипов В.Е., Маховикова Г.А. Мирзажанов С.К. Риски в оценке: теория, методы измерения: учебное пособие. - СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2008. – 136 с.
137. Жилин Г.А. Суд первой инстанции в гражданском процессе: Учебно-практическое пособие - М.: Юрайт-М, 2001. - 328 с.
138. Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов: СГУ, 1965. – 74 с.
139. Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. Учебник / под ред. Б. Борисова - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. - 64 с.
140. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (постатейный) / В.О. Аболонин, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова и др.; отв. ред. С.К. Загайнова, В.В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2012. - 272 с.
141. Кузнецов Е.Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации: монография. Москва: Статут, 2022. - 336 с.
142. Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. - М.: Статут, 2017 – 288 с.
143. Курылев С.В. Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе – М.: Госюриздат, 1956. - 188 с.
144. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1875. Т. 2. – 364 с.
145. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. ч. 2. - М.: Статут, 1997.– 453 с.
146. Мезрин Б.Н. О юридической природе риска в советском гражданском праве // Гражданское право и способы его защиты. Свердловск, 1974. – 186 с.

147. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий // Минбалеев А.В., Мартынов А.В., Камалова Г.Г., Чубукова С.Г., Сушкова О.В., Бундин М.В., Жернова В.М., Бойченко И.С., Никольская К.Ю. М., 2020. - 264 с.
148. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Краснодар, 2005. – 403 с.
149. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве (часть общая). - Душанбе: Ирфон, 1972. – 225 с.
150. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. - М., 2006. – 748 с.
151. Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе: монография / под редакцией Е.И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. — Москва: Статут, 2023. — 272 с.
152. Скворцов О.Ю. Третьейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции и перспективы.– М.: Волтерс Клувер, 2005. – 704 с.
153. Учебник русского гражданского судопроизводства / Гольмстен А.Х.; Под ред.: Попова Ю.А., Треушников М.К. - Краснодар: Изд-во КГАУ, 2004. - 484 с.
154. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / М.В. Самсонова, Е.Г. Стрельцова, А.В. Чайкина и др.; отв. ред. Е.Г. Стрельцова. М.: Инфотропик Медиа, 2022. - 336 с.
155. Чечот Д.М. Избранные труды по гражданскому процессу / Д.М. Чечот. Санкт-Петербург: Изд. дом Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2005. - 614 с.
156. Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права / М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. Кафедра гражд. процесса. – Москва. 1970. - 214 с.
157. Шеменева О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. – М.: Инфотропик Медиа, 2017. – 312 с.

158. Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс: Учебник. - М.: Госюриздат, 1956. – 439 с.

159. Юридические факты в цивилистическом процессе/ В.В. Ярков. - М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 608 с.

Статьи в периодических изданиях и сборниках трудов:

160. Агамиров К.В. Социальная сфера как объект правового регулирования и юридического прогнозирования // Lex russica. 2020. № 2. С. 106 – 124.

161. Агамиров К.В. Онтологические, гносеологические и аксиологические основания юридического прогнозирования: философско-правовая парадигма // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 20 – 35.

162. Агарков М.М. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 1. С. 25 – 41.

163. Афонченко А. Г. Сущность и значение риска как цивилистической категории // Современное право, 2007, № 8. С. 56-60.

164. Батурина Н.А. Некоторые причины неэффективности нормы процессуального закона о взыскании компенсации за фактическую потерю времени // Российский судья. 2022. № 6. С. 9 - 14.

165. Беспалова В.Р. Правовая природа судебного контроля в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 5. С. 3 – 6.

166. Болобонова М.О. История становления и развития категории «риск» в гражданском праве России // Гражданское право. 2016. № 6. С. 34-37.

167. Быченков Д.В. Политический риск: проблемы дефиниции и классификации // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 123 – 133.

168. Василькова С.В. Доктринальный и практический аспекты применения категории «процессуальный риск» в сфере электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2018. № 4. С. 87 – 95.

169. Вячеславов Ф.А. Распределение рисков: понятие и значение в гражданском праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право, 2007. № 4. С. 74-91.

170. Гаврилов С.О., Трезубов Е.С. Защита прав третьих лиц в приказном производстве: в поисках оптимальной модели регулирования // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 69 – 81.

171. Горбунов Ю.В. О понятии «механизм» в экономических науках // Экономика. Профессия. Бизнес. 2018. №2. С. 17 - 20.

172. Горячкина Д.А. К вопросу о категории «риск» в теории гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 3 (13). С. 90-99.

173. Дружинина Ю.Ф., Трезубов Е.С. О проблеме распределения судебных расходов в приказном производстве // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 91 – 106.

174. Ермаков А.Н., Захарьяцева И.Ю. Специальные полномочия судебного представителя и их закрепление в доверенности: некоторые дискуссионные аспекты // Нотариальный вестник. 2021. № 2. С. 44 - 54.

175. Каллистратова Р.Ф., Приходько И. А., Пацация М.Ш. Прокурор в арбитражном и гражданском процессах: актуальные проблемы законодательного регулирования // Материалы II науч.-практ. конф. «Принципы гражданского процессуального права, их реализация в проекте ГПК России». Тверь, 2000. С. 26-37.

176. Кашкарова И.Н. Процессуальные риски при участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции: первый опыт правоприменения // Закон. 2023. № 4. С. 172 - 187.

177. Курочкин С.А. Соглашения в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 52 - 72.

178. Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Правоведение. 1999. № 1. С. 39 – 52.

179. Малешин Д.Я. Новеллы групповых исков // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 94 - 103.

180. Матвеева К.А. Особенности социологического изучения риска // Вестник Удмуртского университета. 2009. № 1. С.131 – 137.

181. Моисеев С.В. Ограничение свободы выбора процедуры и порядка рассмотрения требования как тренд развития процессуального законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. N 9. С. 20 – 28.

182. Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. №1. С. 28 – 74.

183. Нам К.В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 7. С. 83 - 114.

184. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Краснодар, 2005. - 403с.

185. Носырева Е.И. Вопросы доказывания, возникающие в связи с использованием примирительных процедур // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 238 - 253.

186. Ойгензихт В.А. Категория риска в советском гражданском праве // Правоведение. 1971. № 5. С.64 – 70.

187. Пастухий О.А. Категория риска в советском гражданском праве // Гражданское право и способы его защиты. - Свердловск, 1974. С. 57 - 58.

188. Плеханов Д.А. «Искусство войны» или снижение финансовых потерь застройщика в споре с дольщиком при нарушении срока передачи объекта строительства // Право и экономика. 2021. № 4. С. 32 - 38.

189. Поваренков А.Ю. Риск в предпринимательской деятельности // Проблемы защиты субъективных гражданских прав. Сборник научных трудов. - Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 2001. С. 34-38.

190. Потапков А. А. Завещание или рента: способы минимизации риска // Право и политика, 2009. № 2 С. 375-380.

191. Решетникова И.В. Теория процессуального риска // Закон. 2012. № 6. С. 117 - 122.

192. Рожкова М.А. Материальные и процессуальные соглашения, поименованные в Арбитражном процессуальном кодексе РФ // Хозяйство и право. 2004. № 1. С. 75 - 87.

193. Сковородко А. Искусственный интеллект в нормотворческом процессе - обратная сторона медали // Сб. материалов VIII Международного юридического форума (IP Форума). М., 2020. С. 468 - 470

194. Скуратовский М.Л. О пределах оптимизации арбитражного процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 13-17.

195. Собчак А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Правоведение. 1968. № 1. С. 55-56.

196. Субочева Е.В. Субъекты представления доказательств в гражданском процессе // Администратор суда. 2019. № 1. С. 50 – 54.

197. Сутормин Н.А. Групповые иски в Финляндии // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. №4. С. 217-234.

198. Сухорукова О. А. О некоторых направлениях оптимизации целей и форм участия прокурора в гражданском судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 132–139.

199. Терехова А.Н. Микрориски и макрориски в региональном разрезе // Вестник ЮУрГУ. № 9. 2012. С. 21-24.

200. Трезубов Е.С., Исакова Е.Г. Новеллы судебного примирения в контексте судебной-правовой политики современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 1 (13). С. 88 – 94.

201. Трезубов Е. С. «Процессуальная революция». Обзор изменений в цивилистические процессуальные кодексы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 187 – 198.

202. Трезубов Е.С., Дружинина Ю.Ф. Профессиональное представительство в цивилистическом процессе в свете судебной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2 (10). С. 165 – 172.

203. Федирко П. Е. Теория перспектив как основополагающий элемент поведенческой экономики // Молодой ученый. 2017. №13. С. 381-383.

204. Федулова С.Н. Секретарь судебного заседания в гражданском процессе // Администратор суда. 2013. № 1. С. 24 - 26.

205. Шестало С.С. Элементы добросовестности и ответственности гражданина в деле о несостоятельности (банкротстве) и процессуальный риск кредитора // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 5. С. 41 – 45.

206. Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С.11 – 53.

207. Ярков В.В. Роль суда в установлении обстоятельств дела сквозь призму исследований профессора А.Т. Боннера // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 49 – 66.

208. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. XLVII. P. 263—291.

Диссертации и авторефераты

209. Золотухин А.В. Правовое обеспечение страхования предпринимательских рисков в гражданском праве Республики Таджикистан: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - Душанбе, 2015. – 41 с.

210. Крючков Р.А. Риск в праве: генезис, понятие и управление Автореф. дис. ... к-та юрид. наук. – Нижний Новгород, 2011. – 27 с.

211. Мамчун В.В. Правоприменительный риск: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999. – 27 с.

212. Прохорова Л.В. Политический риск в управленческой деятельности: Автореф. дис.. канд. полит. наук. – СПб.: Северо-Западная Академия гос. службы, 1998. – 24с.

213. Русакова Е.П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2021. – 375 с.

214. Соловых С.Ж. Процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции: Дис. ... докт. юрид. наук. Саратовская государственная юридическая академия. Саратов., 2019. – 481 с.

215. Терехова Л. А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. – 46 с.